

Афганистан 4 февраля 1985 года 1 апреля 1987 года

Албания 11 мая 1984 года а

Алжир 26 ноября 1985 года 12 сентября 1989 года

Антигуа и Барбуда 19 июля 1993 года а

Аргентина 4 февраля 1985 года 24 сентября 1986 года

Армения 13 сентября 1993 года а

Австралия 10 декабря 1985 года 8 августа 1989 года

Австрия 14 марта 1985 года 29 июля 1987 года

Азербайджан 16 августа 1996 года а

Бахрейн 6 марта 1998 года а

Бангладеш 5 октября 1998 года а

Беларусь 19 декабря 1985 года 13 марта 1987 года

Бельгия 4 февраля 1985 года 25 июня 1999 года

Белиз 17 марта 1986 года а

Бенин 12 марта 1992 года а

Боливия 4 февраля 1985 года 12 апреля 1999 года

Босния и Герцеговина 6 марта 1992 года в

Ботсвана 8 сентября 2000 года 8 сентября 2000 года

Бразилия 23 сентября 1985 года 28 сентября 1989 года

Болгария 10 июня 1986 года 16 декабря 1986 года

Буркина-Фасо 4 января 1999 года а

Бурунди 18 февраля 1993 года а

Камбоджа 15 октября 1992 года а

Камерун 19 декабря 1986 года а

Канада 23 августа 1985 года 24 июня 1987 года

Кабо-Верде 4 июня 1992 года а

Чад 9 июня 1995 года а

Чили 23 сентября 1987 года 30 сентября 1988 года

Китай 12 декабря 1986 года 4 октября 1988 года

Колумбия 10 апреля 1985 года 8 декабря 1987 года

Государство Дата подписания Дата получения ратификационной грамоты или документа о присоединении

Коморские Острова 22 сентября 2000 года

Коста-Рика 4 февраля 1985 года 11 ноября 1993 года

Кот-д'Ивуар 18 декабря 1995 года а

Хорватия 8 октября 1991 года в

Куба 27 января 1986 года 17 мая 1995 года

Кипр 9 октября 1985 года 18 июля 1991 года

Чешская Республика 1 января 1993 года в

Демократическая

Республика Конго 18 марта 1996 года а

Дания 4 февраля 1985 года 27 мая 1987 года

Джибути 5 ноября 2002 года а

Доминиканская

Республика 4 февраля 1985 года

Эквадор 4 февраля 1985 года 30 марта 1988 года

Египет 25 июня 1986 года а

Сальвадор 17 июня 1996 года а

Экваториальная Гвинея 8 октября 2002 года а

Эстония 21 октября 1991 года а

Эфиопия 14 марта 1994 года а

Финляндия 4 февраля 1985 года 30 августа 1989 года

Франция 4 февраля 1985 года 18 февраля 1986 года

Габон 21 января 1986 года 8 сентября 2000 года

Гамбия 23 октября 1985 года

Грузия 26 октября 1994 года а

Германия 13 октября 1986 года 1 октября 1990 года

Гана 7 сентября 2000 года 7 сентября 2000 года а

Греция 4 февраля 1985 года 6 октября 1988 года

Гватемала 5 января 1990 года а

Гвинея 30 мая 1986 года 10 октября 1989 года

Гвинея-Бисау 12 сентября 2000 года

Гайана 25 января 1988 года 19 мая 1988 года

Святейший Престол 26 июня 2002 года а

Гондурас 28 ноября 1986 года 5 декабря 1996 года а

Венгрия 4 февраля 1985 года 15 апреля 1987 года

Исландия 23 октября 1996 года

Индия 14 октября 1997 года

Индонезия 23 октября 1985 года 28 октября 1998 года

Ирландия 28 сентября 1992 года 11 апреля 2002 года

Государство Дата подписания Дата получения ратификационной грамоты или документа о присоединении

Израиль 22 октября 1986 года 3 октября 1991 года

Италия 4 февраля 1985 года 12 января 1989 года

Япония 29 июня 1999 года а

Иордания 13 ноября 1991 года а

Казахстан 26 августа 1998 года

Кения 21 февраля 1997 года а

Кувейт 8 марта 1996 года а

Кыргызстан 5 сентября 1997 года а

Латвия 14 апреля 1992 года а

Ливан 5 октября 2000 года а

Лесото 12 ноября 2001 года а

Ливийская Арабская

Джамахирия 16 мая 1989 года а

Лихтенштейн 27 июня 1985 года 2 ноября 1990 года

Литва 1 февраля 1996 года а

Люксембург 22 февраля 1985 года 29 сентября 1987 года

Мадагаскар 1 октября 2001 года

Малави 11 июня 1996 года а

Мали 26 февраля 1999 года а

Мальта 13 сентября 1990 года а

Маврикий 9 декабря 1992 года а

Мексика 18 марта 1985 года 23 января 1986 года

Монако 6 декабря 1991 года а

Монголия 24 января 2002 года

Марокко 8 января 1986 года 21 июня 1993 года

Мозамбик 14 сентября 1999 года а

Намибия 28 ноября 1994 года а

Науру 12 ноября 2001 года

Непал 14 мая 1991 года а

Нидерланды 4 февраля 1985 года 21 декабря 1988 года

Новая Зеландия 14 января 1986 года 10 декабря 1989 года

Никарагуа 15 апреля 1985 года

Нигер 5 октября 1998 года а

Нигерия 28 июля 1988 года 28 июня 2001 года

Норвегия 4 февраля 1985 года 9 июля 1986 года

Государство Дата подписания Дата получения ратификационной грамоты или документа о присоединении

Панама 22 февраля 1985 года 24 августа 1987 года

Парагвай 23 октября 1989 года 12 марта 1990 года

Перу 29 мая 1985 года 7 июля 1988 года

Филиппины 18 июня 1986 года а

Польша 13 января 1986 года 26 июля 1989 года

Португалия 4 февраля 1985 года 9 февраля 1989 года

Катар 11 января 2000 года а

Республика Корея 9 января 1995 года а

Республика Молдова 28 ноября 1995 года а

Румыния 18 декабря 1990 года а

Российская Федерация 10 декабря 1985 года 3 марта 1987 года

Сент-Винсент и Гренадины 1 августа 2001 года а

Сан-Томе и Принсипи 6 сентября 2000 года

Саудовская Аравия 23 сентября 1997 года а

Сенегал 4 февраля 1985 года 21 августа 1986 года

Сербия и Черногория 12 марта 2001 года б

Сейшельские Острова 18 марта 1985 года 5 мая 1992 года а

Сьерра-Леоне 25 апреля 2001 года

Словакия 29 мая 1993 года б

Словения 16 июля 1993 года а

Сомали 24 января 1990 года а

Южная Африка 29 января 1993 года 10 декабря 1998 года

Испания 4 февраля 1985 года 21 октября 1987 года

Шри-Ланка 3 января 1994 года а

Судан 4 июня 1986 года

Швеция 4 февраля 1985 года 8 января 1986 года

Швейцария 4 февраля 1985 года 2 декабря 1986 года

Таджикистан 11 января 1995 года а

Бывшая югославская

Республика Македония 12 декабря 1994 года б

Тимор-Лешти 16 апреля 2003 года а

Того 25 марта 1987 года 18 ноября 1987 года

Тунис 26 августа 1987 года 23 сентября 1988 года

Турция 25 января 1988 года 2 августа 1988 года

Туркменистан 25 июня 1999 года а

Уганда 3 ноября 1986 года а

Государство Дата подписания Дата получения ратификационной грамоты или документа о присоединении

Украина 27 февраля 1986 года 24 февраля 1987 года

Соединенное Королевство

Великобритании и

Северной Ирландии 15 марта 1985 года 8 декабря 1988 года

Соединенные Штаты

Амери́ки 18 апреля 1988 года 21 октября 1994 года

Уругвай 4 февраля 1985 года 24 октября 1986 года

Узбеки́стан 28 сентября 1995 года а

Венесуэла 15 февраля 1985 года 29 июля 1991 года

Йемен 5 ноября 1991 года а

Замбия 7 октября 1998 года а

аПрисоединение.

бПравопреемство.

Приложение II

Государства-участники, которые при ратификации или присоединении заявили,

что они не признают компетенцию Комитета, предусмотренную статьей 20 Конвенции, по состоянию на 16 мая 2003 года а

Афганистан

Китай

Экваториальная Гвинея

Израиль

Кувейт

Марокко

Саудовская Аравия

Украина

аВсего восемь государств-участников.

Приложение III

Государства-участники, которые сделали заявления, предусмотренные

статьями 21 и 22 Конвенции, по состоянию на 16 мая 2003 года а

Государство-участник	Дата вступления в силу
Алжир	12 апреля 1989 года
Аргентина	26 июня 1987 года
Австралия	29 января 1993 года
Австрия	28 августа 1987 года
Бельгия	25 июля 1999 года
Болгария	12 июня 1993 года
Камерун	11 ноября 2000 года
Канада	24 июля 1987 года
Коста-Рика	27 февраля 2002 года
Хорватия	8 октября 1991 года
Кипр	8 апреля 1993 года
Чешская Республика	3 сентября 1996 года
Дания	26 июня 1987 года

Эквадор	29 апреля 1988 года
Финляндия	29 сентября 1989 года
Франция	26 июня 1987 года
Германия	19 октября 2001 года
Гана	7 октября 2000 года
Греция	5 ноября 1988 года
Венгрия	26 июня 1987 года
Исландия	
Ирландия	22 ноября 1996 года
Италия	11 апреля 2002 года
Лихтенштейн	11 февраля 1989 года
Люксембург	2 декабря 1990 года
_____	29 октября 1987 года
а Всего 48 государств-участников.	
Мальта	13 октября 1990 года
Монако	6 января 1992 года
Нидерланды	20 января 1989 года
Новая Зеландия	9 января 1990 года
Норвегия	26 июня 1987 года
Парагвай	29 мая 2002 года
Перу	7 июля 1988 года
Польша	12 июня 1993 года
Португалия	11 марта 1989 года
Российская Федерация	1 октября 1991 года
Сенегал	16 октября 1996 года
Сербия и Черногория	12 марта 2001 года
Словакия	17 апреля 1995 года
Словения	16 июля 1993 года
Южная Африка	10 декабря 1998 года
Испания	20 ноября 1987 года
Швеция	26 июня 1987 года
Швейцария	26 июня 1987 года
Того	18 декабря 1987 года
Тунис	23 октября 1988 года
Турция	1 сентября 1988 года
Уругвай	26 июня 1987 года
Венесуэла	26 апреля 1994 года

**Государства-участники, которые сделали только заявление, предусмотренное
статьей 21 Конвенции, по состоянию на 16 мая 2003 года**

Япония

29 июня 1999 года

Уганда	19 декабря 2001 года
Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии	8 декабря 1988 года
Соединенные Штаты Америки	21 декабря 1994 года

**Государства-участники, которые сделали только заявление, предусмотренное
статьей 22 Конвенции, по состоянию на 17 мая 2002 года b**

Азербайджан	4 февраля 2002 года
Мексика	15 марта 2002 года
Сейшельские Острова	6 августа 2001 года

Заявление, предусмотренное статьей 22, сделало в общей сложности 51 государство-участник.

Приложение IV

Членский состав Комитета против пыток в 2003 году

Имя и фамилия члена Комитета Страна гражданства Срок полномочий истекает 31 декабря

Г-н Питер Томас БЁРНС	Канада	2003 года
Г-н Гибрил КАМАРАС	Сенегал	2003 года
Г-н Сайед Кассем ЭЛЬ-МАСРИ	Египет	2005 года
Г-жа Фелис ГАЕРС	США	2003 года
Г-н Алехандро ГОНСАЛЕС ПОБЛЕТЕ	Чили	2003 года
Г-н Фернандо МАРИНЬО МЕНЕНДЕС	Испания	2005 года
Г-н Андреас МАВРОММАТИС	Кипр	2003 года
Г-н Оле Ведель РАСМУССЕН	Дания	2005 года
Г-н Александр М. ЯКОВЛЕВ	Российская Федерация	2005 года
Г-н ЮЙ Мэнцзя	Китай	2005 года

а) До его кончины в феврале 2003 года. См. пункт 5 настоящего доклада.

Приложение V

**Докладчики и заместители докладчиков по странам по каждому из докладов
государств-участников, рассмотренных Комитетом на его двадцать девятой
и тридцатой сессиях**

A. Двадцать девятая сессия

Доклад	Докладчик	Заместитель
Кипр: третий периодический доклад (CAT/C/54/Add.2)	г-н Эль-Масри	Г-н Юй
Египет: четвертый периодический доклад (CAT/C/55/Add.6)	г-н Мариньо	г-н Яковлев
Эстония: первоначальный доклад (CAT/C/16/Add.9)	г-н Бёрнс	г-жа Гаер
Испания: четвертый периодический доклад (CAT/C/55/Add.5)	г-н Гонсалес Поблете	г-н Расмуссен

Венесуэла: второй периодический доклад (CAT/C/33/Add.5)	г-н Гонсалес Поблете	г-н Расмуссен
В. Тридцатая сессия Азербайджан: второй периодический доклад (CAT/C/59/Add.1)	г-жа Гаер	г-н Яковлев
Бельгия: первоначальный доклад (CAT/C/52/Add.2)	г-н Камара	г-н Мавромматтис
Камбоджа: первоначальный доклад (CAT/C/21/Add.5)	г-н Бёрнс	г-н Юй
Исландия: второй периодический доклад (CAT/C/59/Add.2)	г-н Эль-Масри	г-н Мавромматтис
Молдова: первоначальный доклад (CAT/C/32/Add.4)	г-н Расмуссен	г-н Бёрнс
Словения: второй периодический доклад (CAT/C/43/Add.4)	г-н Яковлев	г-н Юй
Турция: второй периодический доклад (CAT/C/20/Add.8)	г-н Мариньо	г-н Расмуссен

Приложение VI

Решения Комитета против пыток в соответствии со статьей 22 Конвенции

А. Решения по существу

Жалоба № 119/1998

Представлена: Г-н В.Н.И.М. [представлен адвокатом]

Предполагаемая жертва: Г-н В.Н.И.М.

Государство-участник: Канада

Дата представления жалобы: 3 ноября 1998 года

Дата принятия решения: 12 ноября 2002 года

Дата принятия решения: 12 ноября 2002 года

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 12 ноября 2002 года,

завершив рассмотрение жалобы № 119/1998, представленной Комитету против пыток в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв во внимание информацию, представленную ему автором жалобы и государством-участником,

принимает следующее решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции.

1. Заявителем является г-н В.Н.И.М., гражданина Гондураса, родившийся в 1966 году. В настоящее время он проживает в Канаде, где 27 января 1997 года он попросил убежище. Он утверждает, что, после того, как его просьба об убежище была отклонена, его принудительная репатриация в Гондурас представляла бы собой нарушение Канадой статьи 3 Конвенции против пыток. Он представлен адвокатом.

2. В соответствии с пунктом 3 статьи 22 Конвенции 18 ноября 1998 года Комитет препроводил эту жалобу государству-участнику. Одновременно, действуя на основании правила 108 своих правил процедуры, Комитет обратился к государству-участнику с просьбой не высылать заявителя в Гондурас до тех пор, пока его жалоба находится на рассмотрении.

Факты в изложении заявителя

2. Заявитель утверждает, что военные обвинили его в том, что он заложил бомбу в здании, в котором его арестовали и в котором, кроме него, на момент взрыва 19 апреля 1988 года никого не было. Получившего серьезные

ранения заявителя подвергли допросу на следующий день после ареста, и, как он утверждает, поддавшись угрозам военных, врачи ампутировали ему часть руки, с тем чтобы заставить его выдать своих сообщников. Один из военных, как сообщается, заявил в присутствии медсестры и врача, что заявителю ампутировали часть руки в наказание всем левым экстремистам.

2.2 После ареста он содержался под стражей в течение трех лет и четырех месяцев до 8 августа 1991 года. Тем временем третья палата Уголовного суда города Сан-Педро-Сула 13 января 1989 года вынесла решение о прекращении судебного преследования заявителя в связи с отсутствием улики. Заявитель утверждает, что во время его содержания под стражей военные обращались с ним так, словно он был виновен во взрыве, неоднократно подвергали его пыткам и жестокому обращению.

2.3 Через представителей Церкви пятидесятников автор обратился к канадским властям с просьбой предоставить ему статус беженца в Канаде, но ему сообщили о том, что для того, чтобы такое ходатайство было действительным, ему необходимо лично находиться в Канаде. В апреле 1992 года он бежал в Коста-Рику. В этот период его братья и сестры непрерывно подвергались нападкам со стороны военных, которые хотели выяснить, где он скрывается. По этой причине в мае 1992 года его брата незаконно содержали под стражей в течение пяти суток, а затем, пригрозив расправой, освободили. Заявитель вновь связался с канадским посольством в Коста-Рике и попросил оказать ему помощь, но ему сообщили о невозможности оказания помощи ввиду политической ситуации в Коста-Рике, осложненной совершением террористических актов гондурасскими гражданами. В марте 1993 года из-за отсутствия средств ему пришлось вернуться в Гондурас, где он скрывался до 1995 года в одной из деревушек на границе с Сальвадором.

2.4 В 1995 году в Гондурасе был принят закон, в котором всем гражданам предлагалось сообщать о совершенных военными нарушениях. Заявитель безуспешно пытался воспользоваться этим правом, направив ряд жалоб на военных, которые приказали ампутировать ему руку или несли ответственность за эту ампутацию.

2.5 В январе 1996 года заявитель попытался получить пенсию по инвалидности, и в обоснование своего ходатайства он должен был представить полное медицинское заключение. Однако больница, где лечился автор, отказалась дать ему заключение и проинформировала военных о его просьбе. Затем заявитель был вновь арестован военными в штатском, которые допросили и избili его, ранив его в живот. Получив серьезные телесные повреждения, заявитель вновь вынужден был скрываться.

2.6 Заявитель также рассказал о том, что с 1994 года он вел переписку с "Московским радио" и несколькими друзьями с Кубы и что в январе 1997 года гондурасские власти перехватили одно из его писем, которое было в дальнейшем использовано в качестве доказательства его "подрывной деятельности".

2.7 Заявитель продолжал скрываться до января 1997 года, когда, получив сальвадорский паспорт, он покинул Гондурас. Заявитель прибыл в Канаду и сразу же обратился с ходатайством о предоставлении ему статуса беженца.

2.8 После отъезда заявителя военные, прибыв на место работы его сестры, подвергли ее допросу и, пытаясь узнать местонахождение заявителя, угрожали ей смертью.

2.9 Ходатайство заявителя о предоставлении убежища в Канаде от 17 сентября 1997 года было вначале отклонено. Затем заявитель обратился в Федеральный суд Канады с ходатайством о судебном пересмотре этого решения, которое было отклонено 6 февраля 1998 года.

2.10 Тогда заявитель возбудил надлежащую процедуру для того, чтобы его включили в "категорию непризнанных просителей статуса беженца в Канаде" (заявление КНПБК). Его просьба была отклонена, и заявитель вновь обратился с ходатайством в Федеральный суд, который вновь его отклонил.

2.11 21 октября 1998 года заявитель подал ходатайство о предоставлении ему по распоряжению министра статуса беженца по гуманитарным соображениям в отступление от обычного порядка применения данного закона (ходатайство о предоставлении гуманитарного статуса). 30 марта 1999 года данное ходатайство было отклонено.

Жалоба

3.1 По мнению заявителя, в Гондурасе нарушаются права человека, и безнаказанность нарушителей прав человека стала обычным явлением. Он утверждает, что особая опасность грозит лицам, которые обладают информацией о преступлениях, совершенных военными. Поэтому заявитель полагает, что в случае его возвращения в Гондурас ему будут угрожать пытки, внесудебная казнь или насильственное исчезновение.

3.2 В обоснование своих утверждений, касающихся вероятного нарушения статьи 3 Конвенции, заявитель, в частности, представляет подробное психиатрическое заключение, в котором говорится, что он находится "в состоянии хронического посттравматического стресса, и уточняется, что "он постоянно опасается за свою жизнь и уровень тревоги является весьма высоким. [...] Уровень тревоги является столь высоким, а стресс столь сильным, что обследуемый не способен конструктивно задействовать свои внутренние ресурсы для решения повседневных проблем". Заявитель, в частности, указывает, что власти Канады не приняли во внимание это заключение, отметив только, что оно было представлено с опозданием. Заявитель поясняет, что этому есть целый ряд причин, в частности причин финансового и психологического порядка.

3.3 Заявитель также представил копию решения третьей палаты Уголовного суда Сан-Педро-Сула от 13 января 1989 года, которым с него было снято обвинение в участии в террористическом акте 19 апреля 1988 года.

Суд оправдал заявителя на основании, в частности, заявлений, сделанных рядом свидетелей, которые подтвердили показания заявителя.

3.4 Заявитель сообщает, что он располагает определенной информацией о военных, подвергших его пыткам, в частности о некоем майоре Санчесе Муньосе, ссылаясь в качестве общепризнанного факта на то, что военные делают все возможное, для того чтобы уничтожить свидетельства своих преступлений, в частности путем устранения жертв.

3.5 Что касается выдвигаемого Канадой аргумента о том, что в течение нескольких лет после своего ареста он жил в Гондурасе, не испытывая никаких проблем, то заявитель указывает, что его вряд ли стоит упрекать в том, что он пытался остаться в своей стране.

3.6 Что касается существующей в Гондурасе ситуации, то заявитель подчеркивает, что даже при нынешней системе демократического правления военные в Гондурасе по-прежнему являются своего рода "государством в государстве". В обоснование этого утверждения заявитель ссылается на различные доклады "Международной амнистии" и Международной федерации лиг прав человека (МФЛПЧ). В своем докладе за 1997 год "Международная амнистия", например, сообщает, что по меньшей мере пять бывших членов Национального бюро расследования были убиты при обстоятельствах, позволяющих полагать, что речь идет о внесудебных казнях; один из них должен был дать свидетельские показания по делу об убийстве, которое было совершено агентами этого Бюро в 1994 году. Заявитель также указывает, что Гондурас является одной из немногочисленных стран, которые неоднократно осуждались Межамериканским судом по правам человека, и ссылается, в частности, на дело Веласкеса Родригеса, касающееся исчезновения одного студента, в связи с которым Гондурас был подвергнут жесткой критике за безнаказанность, которой пользуются некоторые военные в этой стране.

Замечания государства-участника относительно приемлемости жалобы

4.1 Государство-участник изложило свои замечания относительно приемлемости данной жалобы в вербальной ноте от 15 сентября 2000 года.

4.2 Государство-участник утверждает, что заявитель не исчерпал внутренние средства правовой защиты до представления своей жалобы в Комитет. Заявитель не обратился в Федеральный суд Канады с ходатайством о судебном пересмотре решения об отказе в предоставлении ему гуманитарного статуса.

4.3 В этой связи государство-участник напоминает о том, что судебному пересмотру могут подвергаться все решения, которые принимают канадские власти по вопросам, касающимся иммиграции. Заявитель между тем дважды ранее пользовался этим средством защиты в рамках процедуры, которую он возбудил для получения статуса беженца.

4.4 Государство-участник полагает также, что заявитель по-прежнему может воспользоваться этим средством защиты, хотя обычно это надлежит делать в течение 15 дней. Законодательство действительно предусматривает возможность продления этого срока в случае особых обстоятельств, оправдывающих задержку. Следует также отметить, что при использовании этой возможности законодательство позволяет к тому же обжаловать возможные решения Федерального суда в Апелляционном федеральном суде, а затем в Верховном суде Канады.

4.5 В обоснование своих аргументов государство-участник ссылается на решение Комитета по делу Р.К. против Канады (CAT/C/19/D/42/1996), в котором Комитет отметил, что рассматриваемая жалоба должна быть признана неприемлемой вследствие неисчерпания внутренних средств правовой защиты, поскольку заявитель не обращался с ходатайством о судебном пересмотре решения об отклонении его просьбы о предоставлении убежища, а также не направлял ходатайства о предоставлении ему гуманитарного статуса. В связи с делом П.С. против Канады (CAT/C/23/D/86/1997), на которое также ссылается государство-участник, Комитет особо отметил, что тот факт, что заявитель не подал, в частности, ходатайство о судебном пересмотре, является нарушением принципа исчерпания внутренних средств правовой защиты. Кроме того, государство-участник ссылается на решение Комитета по делу Л.О. против Канады (CAT/C/24/D/95/1997) в связи с ненаправлением ходатайства о предоставлении гуманитарного статуса.

4.6 И наконец, ссылаясь на решения Европейского суда по правам человека, государство-участник утверждает, что судебный пересмотр является, несомненно, эффективным средством защиты по смыслу статьи 13 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и что даже в тех случаях, когда заявителю угрожает бесчеловечное и унижающее его достоинство обращение в случае возвращения в его страну, ему надлежит выполнить формальные и временные требования внутренних процедур перед тем, как обращаться в международные инстанции (дело Бахаддар против Нидерландов № 145/1996/764/965, 19 февраля 1998 года).

4.7 Государство-участник делает вывод о том, что, исходя из этих различных соображений, Комитету надлежит признать данную жалобу неприемлемой по причине неисчерпания внутренних средств правовой защиты.

Комментарии заявителя

5.1 В письме от 27 октября 2000 года заявитель изложил свои комментарии в связи с замечаниями государства-участника относительно приемлемости рассматриваемой жалобы.

5.2 Заявитель прежде всего утверждает, что он использовал возможность подачи ходатайства о судебном пересмотре решения об отказе в предоставлении ему статуса беженца, и это было последнее средство правовой защиты в рамках всей пройденной им процедуры, объектом которой было само существо доводов в поддержку его просьбы о

предоставлении убежища. Действительно, последующие обжалования и апелляции касались лишь процедурных вопросов.

5.3 Заявитель полагает также, что направленное им ходатайство о судебном пересмотре решения об отклонении его просьбы о включении в "катеорию непризнанных просителей статуса беженца в Канаде" основывалось на тех же доводах, что и ходатайство о судебной проверке, которое он мог бы подать в связи с решением о гуманитарном статусе, и что обе процедуры проходили одновременно. Поэтому он считает, что ходатайство о судебном пересмотре решения о гуманитарном статусе было бы бесполезным, поскольку Федеральный суд, разумеется, не вынес бы иного решения по сравнению с тем, которое уже было принято по другому ходатайству.

5.4 Процедура включения того или иного лица в "катеорию непризнанных просителей статуса беженцев в Канаде", а также просьба о предоставлении гуманитарного статуса не являются, по мнению заявителя, эффективными средствами правовой защиты в рамках международного права, поскольку они носят исключительно дискреционный характер. Аналогичным образом, судебный пересмотр решений, осуществляемый в надлежащих случаях Федеральным судом, также не является эффективным средством правовой защиты с точки зрения международного права, поскольку в рамках этой процедуры не выносятся окончательные решения, а рассматриваемое дело возвращается в административные органы для принятия нового решения. Кроме того, в соответствии со сложившейся практикой Федеральный суд не рассматривает вопросы существа, которые относятся целиком к компетенции административных органов, а лишь высказывает свое мнение относительно соблюдения некоторых принципов, призванных регулировать административные процедуры.

5.5 В этой связи заявитель напоминает причины, по которым должны быть исчерпаны внутренние средства правовой защиты в соответствии со статьей 22 Конвенции. Он напоминает о том, что подлежащие исчерпанию внутренние средства правовой защиты не должны быть лишены шансов на успех. Однако именно так обстоит дело, по мнению заявителя, с упомянутым судебным пересмотром, поскольку в Федеральном суде Канады твердо установилась практика, в соответствии с которой судебный пересмотр затрагивает лишь процедурные вопросы, не касаясь фактов или норм права. Поэтому ходатайство о судебном пересмотре, поданное с тем, чтобы доказать, что тому или иному лицу реально угрожают пытки в стране, куда власти намерены его выслать, не имеет никаких шансов на успех.

5.6 Заявитель полагает, что должны быть исчерпаны все те средства правовой защиты, которые позволяют установить, в соответствующих случаях, факт нарушения конкретного упомянутого права. В этом смысле просьба о предоставлении убежища и последующее ходатайство о судебном пересмотре — несмотря на изложенные выше сомнения в его эффективности — являются теми средствами правовой защиты, которые, по мнению заявителя, должны быть исчерпаны. Вместе с тем он считает, что просьба о предоставлении гуманитарного статуса и последующее ходатайство о судебном пересмотре не являются теми средствами правовой защиты, которые надлежит исчерпать. Дело в том, что, хотя в ряде случаев использование экстраординарных средств правовой защиты и является оправданным, к этой категории не относится просьба о предоставлении гуманитарного статуса — средства защиты, носящего исключительно дискреционный характер. В этой связи заявитель ссылается на мнение К. Амерасингхе ("Local Remedies in International Law", p. 63), который отметил, что нет необходимости использовать какое-либо экстраординарное средство правовой защиты, если оно носит исключительно дискреционный и несудебный характер, подобно тем средствам, смысл которых заключается в получении какой-либо льготы, а не в отстаивании конкретного права. Между тем был установлен и не оспорен государством-участником тот факт, что смысл просьбы о предоставлении гуманитарного статуса заключается не в обеспечении соблюдения какого-либо права, а в получении определенной льготы от канадского государства; к тому же это неоднократно подчеркивал Федеральный суд.

5.7 Ходатайства о судебном пересмотре таких решений дискреционного характера, как решения, принимаемые по просьбе о предоставлении гуманитарного статуса, не являются более эффективными даже в тех случаях, когда Федеральный суд рассматривает соответствующие дела по существу. В подтверждение этого заявитель приводит схожий случай, когда решение по просьбе о предоставлении гуманитарного статуса подверглось судебному пересмотру, в результате которой Федеральный суд установил, что данному лицу действительно угрожают пытки или бесчеловечные и унижающие достоинство виды обращения. Однако, поскольку Федеральный суд не вправе принимать окончательное решение, он был вынужден вернуть дело в административный орган, который принял новое решение об отказе вопреки выводам Федерального суда о предоставлении гуманитарного статуса. По мнению заявителя, этот случай наглядно свидетельствует о тщетности судебного пересмотра.

5.8 Полагая, что он продемонстрировал неадекватность и неэффективность средств правовой защиты, в неиспользовании которых его обвиняют, заявитель обращает затем внимание Комитета на тот факт, что, по его мнению, государство-участник не выполнило возложенное на него обязательство доказывания наличия других эффективных внутренних средств правовой защиты. В этой связи он ссылается на решение, принятое Межамериканским судом по правам человека по делу Веласкес Родригес против Гондураса. В соответствии с данным решением именно государству, оспаривающему факт исчерпания внутренних средств правовой защиты, надлежит доказать наличие тех средств правовой защиты, которые должны еще быть исчерпаны, и их эффективность. Поэтому, как отмечает заявитель, Межамериканский суд по правам человека переложил бремя доказывания факта исчерпания средств правовой защиты с заявителя на государство. Заявитель констатирует, что аналогичная практика сложилась также и в Комитете по правам человека, который просит государство представить, помимо подробных сведений об имеющихся средствах правовой защиты, доказательства наличия разумных оснований предполагать эффективность этих средств. По мнению заявителя, такой же должна быть и позиция Комитета против пыток.

5.9. Выказав более общие критические замечания относительно законодательства государства-участника по вопросам, касающимся беженцев, и связанных с ним процедур, заявитель утверждает, что он доказал наличие своих прав и той опасности, которой он может подвергнуться в случае возвращения в Гондурас.

5.10. В заключение заявитель подчеркивает, что правило исчерпания внутренних средств правовой защиты следует толковать с учетом целей Конвенции против пыток. В этой связи он отмечает, что данного принципа также придерживается Европейский суд по правам человека, ясно заявивший о том, что Европейскую конвенцию о правах человека следует толковать с учетом ее конечных целей - обеспечения эффективной защиты прав человека.

5.11. В письме от 18 апреля 2001 года заявитель сообщил о том, что 1 ноября 2000 года он в конечном итоге направил в Федеральный суд Канады ходатайство о проведении судебного пересмотра решения об отказе в предоставлении ему гуманитарного статуса. Однако Федеральный суд 2 марта 2001 года отклонил это ходатайство. С учетом этого автор, по-прежнему настаивая на принятии во внимание аргументации, приведенной им ранее в отношении принципа исчерпания внутренних средств правовой защиты, считает, что аргументы, которые первоначально выдвигались государством-участником, больше не являются препятствием для признания его жалобы приемлемой.

Решение Комитета по вопросу о приемлемости

6.1. На своей двадцать шестой сессии (апрель/май 2001 года) Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости данной жалобы. Комитет удостоверился, что поднятый вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования, а также отметил, что эта жалоба не представляет собой злоупотребления права на подачу таких жалоб и не является несовместимой с положениями Конвенции.

6.2. Что касается критерия приемлемости, предусматривающего исчерпание всех внутренних средств правовой защиты и установленного в пункте 5 b) статьи 22, то Комитет отметил, что процедура, возбужденная заявителем, уже длится более четырех лет, и счел, что дополнительное продление данного периода было бы в любом случае неоправданным. Исходя из этого Комитет объявил данную жалобу приемлемой.

Замечания государства-участника по существу

7.1. Государство-участник передало свои замечания по существу жалобы одновременно с замечаниями о приемлемости жалобы в своей вербальной ноте от 15 сентября 2000 года.

7.2. Государство-участник прежде всего напоминает, что именно заявителю надлежит представить доказательства того, что он подвергается угрозе применения к нему пыток в случае его высылки в свою страну. Ссылаясь на практику Европейского суда по правам человека и труд "United Nations Convention Against Torture: A Handbook", государство-участник также напоминает, что пытки подразумевают *сильные* страдания, причем сила боли является главной отличительной характеристикой пыток в сравнении с другими видами бесчеловечного обращения. Государство-участник, ссылаясь на предупредительный характер статьи 3 Конвенции, подчеркивает, что применение пыток к тому или иному лицу в прошлом не является достаточным доказательством того, что это лицо будет подвергнуто аналогичному обращению в будущем. Ссылаясь на практику Комитета, государство-участник также уточняет, что угроза применения пыток должна быть личной, существующей, прогнозируемой и реальной, что означает, в частности, что наличие в стране постоянной практики грубых, массовых или вопиющих нарушений прав человека не является достаточным доказательством. И в заключение государство-участник, опираясь на ряд принятых ранее Комитетом решений, приводит не претендующий на исчерпывающий характер перечень критериев, имеющих отношение к применению статьи 3, и в частности касающихся наличия доказательств медицинского или иного характера из независимых источников, подтверждающих слова заявителя, возможных изменений во внутренней ситуации в стране в области прав человека, наличия политических мотивов в действиях заявителя, доказательств правдивости заявителя или же противоречий, приводимых им в фактах.

7.3. В данном конкретном случае государство-участник утверждает, что заявитель не смог доказать наличия серьезной, личной и прогнозируемой угрозы применения к нему пыток, поскольку он сам не внушает доверия, ни один факт не свидетельствует о том, что он разыскивается гондурасскими властями, а также поскольку не было установлено, что в Гондурасе действительно имеют место массовые нарушения прав человека.

7.4. Государство-участник ставит под сомнение правдивость заявителя, в частности потому, что он представил различные версии причин, по которым он находился на месте взрыва. В вынесенном ему оправдательном приговоре упоминается о том, что он прибыл в это здание для того, чтобы сделать несколько телефонных звонков, в то время как канадским властям он сообщил, что прибыл туда за документами, необходимыми ему для подготовки к сдаче экзамена в университете. Согласно информации, опубликованной в одной гондурасской газете, он вошел в здание, поскольку заметил там свет. Кроме того, утверждения заявителя о том, что произведенные ему ампутация руки и операция на желудке были бесполезными, не вызывают доверия, поскольку в вышеупомянутом судебном решении указывается, что он находился в непосредственной близости от места взрыва и что там были найдены фрагменты руки. По словам самого заявителя, он был ослеплен вспышкой света, у него из ушей и глаз текла кровь, он чувствовал, что у него повреждена рука, и смог на ощупь выбраться на балкон, чтобы попросить помощи. Исходя из вышеперечисленного государство-участник считает более чем вероятным, что ампутация руки была оправданной операцией, так же как и операция на желудке с целью извлечения инородного тела. Кроме того, заявитель представил противоречивые сведения по поводу своего семейного положения, поскольку в анкете он указал, что является холостяком и не имеет детей, а в ходатайстве о предоставлении визы, поданной в 1995 году, сообщил, что имеет супругу и двух детей. Заявитель также представил противоречивые сведения в отношении своей работы в период с 1993 по 1995 год. Заявитель не дал никаких подробных объяснений по поводу этих противоречий и

неувязок, причина которых также не поясняется в психиатрическом заключении.

7.5 Кроме того, государство-участник считает, что объективно заявитель никогда не был активным противником режима или членом оппозиционной организации и что не существует никаких доказательств того, что он разыскивается гондурасскими властями, поскольку он смог получить заграничный паспорт в 1997 году, и члены его семьи не подвергались никаким преследованиям со стороны властей, за исключением содержания под стражей его брата в течение пяти суток. Он не испытывал никаких проблем в период с 1993 по 1995 год, четырежды покидал свою страну и каждый раз добровольно возвращался в нее. Он не ходатайствовал о предоставлении ему статуса беженца ни в Гватемале, ни в Коста-Рике, которые являются странами, подписавшими Женевскую конвенцию о статусе беженцев.

7.6 Государство-участник считает, что опасения, испытываемые заявителем по поводу придания им гласности злоупотреблений, совершенных военными, не имеют документального подтверждения, поскольку, с одной стороны, в настоящее время случаи исчезновения стали редкостью и касаются главным образом защитников прав человека или преступников, а с другой стороны, против целого ряда военных были возбуждены преследования за совершенные ими злоупотребления. Государство-участник утверждает, что Гондурас не является страной, в которой существует постоянная практика массовых нарушений прав человека, и что ситуация в ней значительно изменилась по сравнению с периодом 80-х годов. В обоснование этих утверждений государство-участник, в частности, обращает внимание на то, что, согласно одному из докладов Программы развития Организации Объединенных Наций, число случаев пыток в Гондурасе сократилось со 156 в 1991 году до семи в 1996 году. Доклад Специального докладчика по вопросу о пытках Комиссии по правам человека за 1999 год не содержит упоминаний о случаях пыток. Что касается периода до 1999 года, то государство-участник подчеркивает, что правительство Гондураса всякий раз давало ответы на вопросы Специального докладчика. Определенное число призывов к незамедлительным действиям было направлено Специальным докладчиком по вопросу о внесудебных, произвольных казнях и казнях без надлежащего судебного разбирательства в период с 1997 по 1999 год. Доклады Рабочей группы по произвольным задержаниям за 1997, 1998 и 1999 годы не содержат упоминаний о Гондурасе. Доклады Рабочей группы по насильственным или недобровольным исчезновениям свидетельствуют о том, что большинство случаев исчезновений имели место в период 1981-1984 годов, в то время как в докладе за 1998 год упоминается только об одном случае исчезновения, касающемся священника-иезуита. Что касается других документальных источников, то государство-участник подчеркивает, что в своем докладе за 1999 год "Международная амнистия" упоминает о нарушениях прав человека правозащитников, в то время как в докладе за 1999 год организации "Хьюман айтс уотч" о Гондурасе не упоминается, а в докладе Государственного департамента США "Country Reports on Human Rights Practices for 1999" говорится о том, что в рассматриваемый период права человека в Гондурасе в целом соблюдались, даже при том, что в стране сохранялись серьезные проблемы, касающиеся некоторых утверждений о внесудебных казнях, совершенных сотрудниками сил безопасности. И наконец, что касается представленного заявителем документа МФПЧ, то государство-участник подчеркивает, что в нем говорится о правозащитниках, на статус которых заявитель не может претендовать. В заключение государство-участник указывает, что, даже если данная информация вызывает определенную озабоченность, в Гондурасе отсутствует постоянная практика грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека, а представленные документы не позволяют сделать вывод о наличии угрозы применения пыток к заявителю, который никогда не находился в оппозиции правительству и не являлся членом оппозиционной организации.

7.7 В заключение государство-участник обращает внимание Комитета на тот факт, что в Канаде проведение такой оценки поручено высококвалифицированным и обладающим надлежащим опытом органам, решения которых являются объектом контроля со стороны Федерального суда Канады. Ссылаясь на замечание общего порядка Комитета относительно статьи 3, а также практику Комитета по правам человека, государство-участник считает, что Комитет не должен подменять оценку его органов своей собственной оценкой, поскольку дело заявителя не позволяет сделать вывод о наличии явных ошибок, процедурных злоупотреблений или каких-либо других нарушений, а также с учетом того, что канадские власти при рассмотрении настоящего дела руководствовались критериями статьи 3.

Вопросы и процедура их рассмотрения

8.1 Комитет должен высказаться по вопросу о том, будет ли высылка заявителя в Гондурас являться нарушением обязательства государства-участника по статье 3 Конвенции не высылать, не возвращать или не выдавать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что там ему может угрожать применение пыток.

8.2 Как это предусматривается пунктом 1 статьи 3, Комитет должен принять решение о том, существуют ли серьезные основания полагать, что заявитель может быть подвергнут пыткам в случае его высылки в Гондурас. При принятии такого решения Комитет должен учитывать все относящиеся к делу обстоятельства в соответствии с пунктом 2 статьи 3, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека. Однако целью данного анализа является определение того, угрожает ли лично заявителю опасность быть подвергнутым пыткам в стране, в которую он будет выслан. Из этого следует, что наличие в той или иной стране постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека не является само по себе достаточной причиной для вывода о том, что какому-то определенному лицу будет угрожать применение пыток в случае его возврата в эту страну. Должны существовать другие мотивы, позволяющие полагать, что такая опасность будет лично угрожать данному лицу. В свою очередь отсутствие постоянной практики вопиющих и систематических нарушений прав человека не означает, что то или иное лицо не может быть подвергнуто пыткам в силу конкретных обстоятельств его дела.

8.3 Комитет ссылается на свое замечание общего порядка относительно осуществления статьи 3 Конвенции, которое гласит следующее: "Ввиду того, что государство-участник и Комитет обязаны оценивать наличие серьезных оснований полагать, что заявителю может угрожать применение пыток в случае его высылки, возвращения или выдачи, при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Вместе с тем при оценке этого риска не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности" (пункт 6 приложения IX к документу A/53/44).

8.4 В данном случае Комитет принимает к сведению замечания государства-участника, согласно которым утверждения заявителя по поводу угрозы применения к нему пыток не вызывают доверия и не подтверждаются объективной информацией.

8.5 Основываясь на представленных ему сведениях, Комитет считает, что заявитель не смог доказать, что он является противником режима, разыскиваемым за террористическую деятельность. Комитет отмечает, что он был освобожден от ответственности за взрыв в 1988 году и не был обвинен с тех пор в осуществлении иной оппозиционной деятельности. Таким образом, он не смог доказать наличия угрозы применения пыток лично к нему по возвращении в Гондурас. С учетом этого Комитет не видит необходимости в анализе общей ситуации в области соблюдения прав человека в Гондурасе и считает, что заявитель не смог доказать наличия серьезных оснований полагать, что ему угрожает применение пыток в случае его возвращения в страну своего происхождения по смыслу статьи 3 Конвенции.

9. С учетом вышеизложенного Комитет против пыток, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания, считает, что высылка заявителя в Гондурас не будет никоим образом являться нарушением статьи 3 Конвенции.

Примечания

a Заявитель утверждает, что он не был освобожден в день указанного решения из-за вмешательства противной стороны.

b Заявитель также представил свидетельство преподобного Лео Фраде, епископа англиканской общины Гондураса, который, исходя из различных характеристик общего положения в Гондурасе, а также личной ситуации заявителя, подтверждает его опасения.

Жалоба № 161/2000

Представлена: Хайризи Дземайлем и др.

(представлены адвокатом)

Предполагаемая жертва: Хайризи Дземайль и др.

Государство-участник: Сербия и Черногория*

Дата представления жалобы: 11 ноября 1999 года

Дата настоящего решения: 21 ноября 2002 года

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 21 ноября 2002 года,

завершив, рассмотрение жалобы № 161/2000, представленной Комитету против пыток г-ном Хайризи Дземайлем и др. в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв во внимание всю информацию, представленную ему авторами жалобы, их адвокатом и государством-участником,

принимает следующее решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции

*Югославия изменила свое название на Сербию и Черногорию 10 февраля 2003 года.

1.1 Авторами сообщения являются 65 человек, являющиеся рома по происхождению и гражданами Сербии и Черногории. Они утверждают, что Сербия и Черногория нарушили пункт 1 статьи 1, пункт 1 статьи 2, статьи 12, 13 и 14 и пункт 1 статьи 16 Конвенции. Их интересы представляет адвокат г-н Драган Прелевич, Центр гуманитарного права, НПО, базирующаяся в Сербии и Черногории, и Европейский центр по правам рома, НПО, базирующаяся в Венгрии.

1.2 В соответствии с пунктом 3 статьи 22 Конвенции Комитет 13 апреля 2000 года препроводил данную жалобу государству-участнику.

Факты в изложении заявителей

2.114 апреля 1995 года около 22 часов в управление полиции Даниловграда поступило сообщение о том, что двое несовершеннолетних рома изнасиловали несовершеннолетнюю С.Б., этническую черногорку. На основании этого сообщения приблизительно в полночь сотрудники полиции обыскали ряд домов в цыганском поселке Бозова-Главица и задержали всех молодых мужчин рома, находившихся в то время в поселке (в настоящее время все они являются авторами жалобы, представленной Комитету).

2.2В тот же день также около полуночи 200 этнических черногорцев во главе с родственниками и соседями изнасилованной девушки собрались перед полицейским участком и публично потребовали от муниципалитета принять решение об изгнании всех рома из Даниловграда. Толпа выкрикивала в адрес рома угрозы "уничтожить" их и "сжечь дотла" их дома.

2.3Через некоторое время двое юношей рома под принуждением сознались в содеянном. Между 4 и 5 часами утра 15 апреля все задержанные, за исключением сознавшихся, были освобождены из-под стражи. Перед освобождением полицейские настоятельно рекомендовали им немедленно покинуть Даниловград вместе со своими семьями, поскольку им будет грозить самосуд со стороны соседей, не принадлежащих к числу рома.

2.4В то же время сотрудник полиции Любо Радович прибыл в поселок Бозова-Главица и сообщил его жителям, что они должны немедленно покинуть свои дома. Сообщение полицейского вызвало панику. Большинство его жителей бросились к ближайшей автомагистрали, где им удалось сесть в автобусы, направлявшиеся в Подгорицу. Лишь несколько мужчин и женщин остались в поселке для охраны домов и скота. Примерно в 5 часов утра сотрудник полиции Радович возвратился в поселок в сопровождении инспектора полиции Бранко Микановича. Полицейские рекомендовали оставшимся рома (среди которых было несколько авторов жалобы) немедленно покинуть Даниловград, поскольку никто не может гарантировать их безопасность или обеспечить их защиту.

2.5В тот же день около 8 часов утра группа жителей Даниловграда, не принадлежащих к числу рома, вторглась в поселок Бозова-Главица, бросая камни и разбивая окна домов заявителей. Те рома, которые все еще оставались в поселке (все они теперь являются авторами жалобы), укрылись в подвале одного из домов, откуда им впоследствии удалось бежать через поля и лес в Подгорицу.

2.6В течение утра 15 апреля патрульная машина неоднократно объезжала опустевший поселок Бозова-Главица. Группы жителей Даниловграда, не принадлежащих к числу рома, собрались в ряде районов города и близлежащих деревнях. Около 14 часов эти группы прибыли в поселок Бозова-Главица на автомобилях и пешком. Вскоре в опустевшем к тому времени поселке собралась толпа численностью не менее нескольких сотен лиц, не принадлежавших к рома (по разным источникам - от 400 до 3 000 человек).

2.7Между 14 и 15 часами толпа продолжала возрастать, и среди нее стали раздаваться угрозы: "Мы их выгоним!", "Мы сожжем их поселок!", "Мы сравняем его с землей!". Вскоре после 15 часов началось уничтожение поселка. Сначала толпа камнями и другими предметами разбила стекла машин и домов рома, а затем подожгла их. Кроме того, толпа разметала и подожгла стога сена, сельскохозяйственную и другую технику, стойла для скота, подсобные постройки и другие объекты, принадлежащие рома. Погромщики бросали в разбитые окна домов заранее приготовленные взрывные устройства и бутылки с зажигательной смесью, горящую паклю и резину. В грохоте разрушения слышались выстрелы и взрывы. Ценные вещи были разграблены, а скот забит. Необузданный погром продолжался несколько часов.

2.8В течение всего погрома присутствовавшие сотрудники полиции в нарушение своих служебных обязанностей бездействовали. Сразу же после начала нападения эти полицейские вместо того, чтобы вмешаться и прекратить насилие, просто переставили свой автомобиль на безопасное расстояние и доложили о происходящем своему начальнику. Поскольку насилие продолжалось, полицейские всего лишь вяло пытались убедить некоторых из нападавших успокоиться до окончательного решения муниципалитета по ходатайству жителей о выселении рома из поселка Бозова-Главица.

2.9В результате погрома буквально все поселение было разрушено, а вся собственность рома сожжена или полностью уничтожена. Хотя полицейские ничего не сделали для предотвращения разрушения поселка рома, они приняли меры к тому, чтобы огонь не перекинулся на близлежащие здания, принадлежавшие лицам, не относящимся к рома.

2.10Впоследствии сотрудники полиции и следственный судья суда первой инстанции Даниловграда составили протокол осмотра места происшествия с указанием ущерба, причиненного участниками погрома.

2.11Согласно документам полиции, а также показаниям ряда сотрудников полиции и других свидетелей, изложенных как на суде, так и в ходе следствия, в разрушении поселка рома Бозова-Главица, в частности, участвовали следующие жители Даниловграда, не являвшиеся рома: Веселин Попович, Драгица Макосевич, Гойко Попович, Боско Митрович, Йоксим Бобичич, Дарко Янусевич, Владко Касич и Радоица Макосевич.

2.12Кроме того, доказано, что сотрудники полиции Миладин Драгас, Райко Радулович, Драган Бурич, Джердже Станкович и Вук Радович все находились там на момент начала насильственных действий и не предприняли ничего или не приняли достаточных мер для защиты жителей поселка Бозова-Главица из числа рома или их собственности.

2.13Через несколько дней после инцидента развалины цыганского поселка были полностью расчищены тяжелой

строительной техники предприятия коммунального хозяйства. Таким образом, все следы проживания рома в Даниловграде были уничтожены.

2.14 После погрома в соответствии с применимым внутренним законодательством 17 апреля 1995 года управление полиции Подгорицы направило в подгорицкую прокуратуру материалы для возбуждения уголовного дела. В них утверждалось, что несколько неизвестных совершили уголовное преступление в виде создания общественной опасности по статье 164 Уголовного кодекса Черногории, и, в частности, прямо указывалось, что имеются "веские основания полагать, что, действуя организованно и путем прямого поджога..., они вызвали пожар... 15 апреля 1995 года..., который полностью уничтожил здания... и другую собственность лиц, проживавших в... поселке [Бозова-Главица]".

2.15 17 апреля 1995 года полиция вызвала на допрос 20 человек. 18 апреля 1995 года в полицейском управлении Подгорицы был составлен протокол с изложением следующих показаний Веселина Поповича: "...Я увидел пламя в одном из домов и понял, что толпа начала поджигать жилища; тогда я нашел несколько кусков резины, которые поджег при помощи имевшейся у меня зажигалки и бросил в два дома, один из которых загорелся".

2.16 На основании этих показаний и официального полицейского протокола 18 апреля 1995 года управление полиции Подгорицы приняло решение задержать Веселина Поповича, исходя из подозрений в совершении им уголовного преступления в виде создания общественной опасности по смыслу статьи 164 Уголовного кодекса Черногории.

2.17 25 апреля 1995 года по факту инцидента, явившегося предметом настоящей жалобы, прокуратура возбудила дело только в отношении одного лица – Веселина Поповича.

2.18 Веселину Поповичу было предъявлено обвинение по статье 164 Уголовного кодекса Черногории. В связи с этим делом обвинение было предъявлено также Драгиче Макосевичу за незаконное приобретение оружия в 1993 году – т.е. за правонарушение, не связанное с рассматриваемым инцидентом, несмотря на наличие доказательств его участия в разрушении поселка Бозова-Главица.

2.19 В ходе расследования следственный судья даниловградского суда первой инстанции заслушал ряд свидетелей, каждый из которых показал, что находился в указанном месте в момент начала насильственных действий, но не может опознать ни одного из виновных. 22 июня 1995 года следственный судья даниловградского суда заслушал сотрудника полиции Миладина Драгаса. Вопреки составленному им же официальному протоколу от 16 апреля 1995 года, Драгас теперь заявил, что не видел, чтобы кто-нибудь непосредственно бросал зажигательные устройства, и не может опознать кого-либо из причастных к инциденту лиц.

2.20 25 октября 1995 года прокурор Подгорицы предложил следственному судье даниловградского суда первой инстанции провести исследование обстоятельств дела. В частности, прокурор предложил заслушать новых свидетелей, включая сотрудников управления полиции Даниловграда, которым было поручено охранять поселок Бозова-Главица. После этого следственный судья заслушал дополнительных свидетелей, каждый из которых показал, что не видел никого из лиц, производивших поджог. После этого следственный судья прекратил дальнейшее расследование.

2.21 За "недостаточностью доказательств" 23 января 1996 года прокурор Подгорицы снял с Веселина Поповича все обвинения. 8 февраля 1996 года следственный судья даниловградского суда первой инстанции принял решение прекратить следствие. С февраля 1996 года по дату подачи настоящей жалобы включительно власти не предприняли никаких дальнейших шагов по установлению личности и/или наказанию виновных в рассматриваемом инциденте, включая как "гражданских лиц", так и сотрудников полиции.

2.22 В нарушение внутреннего законодательства заявителям не было направлено решение суда от 8 февраля 1996 года о прекращении расследования. Данное обстоятельство помешало им выступить в качестве стороны обвинения, несмотря на то, что это было их законным правом.

2.23 Даже до прекращения разбирательства, 18 и 21 сентября 1995 года, следственный судья, заслушивая свидетелей (и в их числе ряд заявителей), не сообщил им об их праве заняться расследованием дела в случае, если прокурор примет решение о снятии обвинений. Это являлось прямым нарушением внутреннего законодательства, которое непосредственно предусматривает, что суд обязан сообщить неосведомленным сторонам об имеющихся в их распоряжении правовых процедурах для защиты своих интересов.

2.24 6 сентября 1996 года все 71 автор подали в суд первой инстанции Подгорицы гражданский иск о возмещении материального и морального ущерба - каждый истец требовал примерно 100 000 долл. США. Жалоба о материальном ущербе касалась прежде всего полного уничтожения всей собственности заявителей, а о моральном ущербе - боли и страданий истцов в связи со страхом, который они испытывали, и попранием их чести, репутации, свободы передвижения и права на выбор своего места проживания. Заявители подали этот иск против Республики Черногории на основании статей 154, 180 (1), 200 и 203 Федерального кодекса обязательств. Спустя более пяти лет после подачи иска гражданская процедура о возмещении ущерба все еще не завершена.

2.25 15 августа 1996 года восемь даниловградских рома, которые являлись истцами по данному делу и были уволены своими работодателями за неявку на работу, подали судебный иск об их восстановлении на работе. В ходе разбирательства заявители указали, что их неявка на работу в соответствующий период была оправдана разумными опасениями за свою жизнь, которая подверглась бы угрозе, если бы они явились на работу сразу после инцидента. 26 февраля 1997 года суд первой инстанции Подгорицы вынес решение, в котором признал жалобы заявителей

необоснованными, указав, что они пропустили пять рабочих дней подряд без каких-либо оснований. В своем решении суд сослался на пункт 2 статьи 75 Федерального трудового кодекса, который, в частности, гласит, что, "если лицо не является на работу в течение пяти дней подряд без надлежащих на то оснований, его трудовой договор прекращается". 11 июня 1997 года заявители обжаловали это решение, и почти пять месяцев спустя, 29 октября 1997 года, суд второй инстанции Подгорицы отменил решение суда первой инстанции и распорядился повторно рассмотреть иск. Это решение суда второй инстанции было обосновано тем, что заявители, по видимому, не были надлежащим образом уведомлены о решении их работодателя прекратить трудовые отношения.

2.26 Тем временем дело вновь прошло по всем ступеням вплоть до Верховного суда Черногории, который распорядился повторно рассмотреть его в суде первой инстанции Подгорицы. Таким образом, этот иск и сейчас находится на рассмотрении.

2.27 Заявители, будучи изгнаны из своих домов и полностью лишены своей собственности, переселились в предместье Подгорицы в столице Черногории, где в течение первых пяти недель после инцидента укрывались в парках и брошенных домах. Местные рома из Подгорицы снабжали их основными продуктами питания и сообщали о том, что группы разъяренных мужчин, не принадлежащих к числу рома, разыскивают их в пригородах Подгорицы. С тех пор и до настоящего времени изгнанные даниловградские рома продолжали жить в Подгорице в ужасающей нищете в самодельных хижинах или брошенных домах и вынуждены искать работу на городской свалке Подгорицы или просить милостыню.

Жалоба

3.1 Авторы утверждают, что государство-участник нарушило пункт 1 статьи 2 в совокупности со статьей 1 и пунктом 1 статьи 16, а также статьи 12, 13 и 14 - отдельно или в совокупности с пунктом 1 статьи 16 Конвенции.

3.2 Что касается приемлемости сообщения и особенно исчерпания внутренних средств правовой защиты, то заявители утверждают, что, учитывая степень причиненного ущерба и согласно правовой практике Европейского суда по правам человека, в данном случае эффективным может являться лишь уголовно-правовое средство судебной защиты. Гражданско-правовые и/или административные средства судебной защиты не обеспечивают достаточного возмещения по данному делу.

3.3 Авторы далее отмечают, что согласно национальному и международному праву, власти были обязаны провести расследование или по крайней мере продолжать его, если они сочли имеющиеся доказательства недостаточными. Кроме того, авторы сообщения, признавая, что они не подавали заявления о возбуждении уголовного дела против лиц, виновных в погроме, утверждают, что как полиция, так и судебные органы достаточно хорошо знали факты, для того чтобы начать и провести расследование по собственной инициативе. В этой связи авторы делают вывод об отсутствии эффективных средств правовой защиты.

3.4 Авторы также отмечают, что в силу отсутствия эффективного средства правовой защиты в отношении утверждаемого нарушения Конвенции вопрос об исчерпании внутренних средств правовой защиты должен рассматриваться вместе с конкретными обстоятельствами дела, поскольку в нем содержится заявление о нарушении статей 13 и 14 Конвенции.

3.5 Ссылаясь на ряд выдержек из заявлений НПО и правительственных источников, авторы просят прежде всего проанализировать жалобу, принимая во внимание ситуацию, с которой сталкиваются рома в Сербии и Черногории, систематически подвергаясь жестокому обращению со стороны полиции, а также в целом крайне неблагоприятное положение в области прав человека.

3.6 Авторы утверждают, что власти Югославии нарушили Конвенцию в том, что касается пункта 1 статьи 2 в совокупности со статьей 1, поскольку во время описанных выше событий полиция пассивно наблюдала за происходившими событиями, либо в том, что касается пункта 1 статьи 16 в силу тех же причин. В этой связи авторы считают, что особо уязвимый характер положения, в котором оказалось меньшинство рома, должен быть принят во внимание при оценке степени жестокого обращения, которому они подверглись. Они полагают, что "определенная степень физической жестокости скорее представляет собой "унижающее достоинство или бесчеловечное обращение или наказание", когда в ее основе лежат расовые мотивы".

3.7 В отношении того факта, что указанные деяния в основном были совершены лицами, не являющимися государственными служащими, авторы опираются на обзор практики международного права в отношении принципа "должной осмотрительности" и напоминают о существующей практике в области международного права в плане "позитивных" обязательств, которые возлагаются на государства. Они утверждают, что цель положений Конвенции не ограничивается негативными обязательствами государств-участников, а включает в себя позитивные меры, которые подлежат принятию для недопущения совершения пыток и других связанных с ними деяний частными лицами.

3.8 Авторы далее утверждают, что акты насилия были совершены "с ведома или молчаливого согласия" полиции, чья обязанность, согласно закону, состоит в обеспечении их безопасности и предоставлении им защиты.

3.9 Авторы также заявляют о нарушении статьи 12 в отдельности или, если совершенные деяния не представляют собой пытки, в совокупности с пунктом 1 статьи 16, поскольку компетентные органы не провели быстрого, беспристрастного и всестороннего расследования с целью установления личности и наказания виновных. Учитывая правовую практику Комитета против пыток, авторы утверждают, что власти были обязаны провести "не просто любое расследование", а надлежащее расследование, даже при отсутствии официальной жалобы, поскольку в их

распоряжении имелись веские доказательства». Авторы далее полагают, что беспристрастность указанного расследования определяется степенью независимости проводившего его органа. В данном случае, по утверждению авторов, степень независимости проводившего расследование судьи являлась недостаточной.

3.10 Авторы в заключение заявляют о нарушении статьи 13 в отдельности и/или в совокупности с пунктом 1 статьи 16, поскольку "их право на подачу жалобы компетентным властям... и на быстрое и беспристрастное рассмотрение ими такой жалобы" было нарушено. Они также заявляют о нарушении статьи 14 в отдельности и/или в совокупности с пунктом 1 статьи 16, поскольку они не получили возмещения, а также справедливой и адекватной компенсации.

Замечания государства-участника в отношении приемлемости сообщения

4. В своем представлении от 9 ноября 1998 года государство-участник утверждает, что сообщение является неприемлемым, поскольку разбирательство по данному делу проводится в соответствии с национальным законодательством и все имеющиеся средства правовой защиты не исчерпаны.

Комментарии заявителей

5. В своем представлении от 20 сентября 2000 года авторы вновь излагают свои основные аргументы в отношении приемлемости жалобы сообщения и подчеркивают, что государство-участник не разъяснило, какие именно внутренние средства правовой защиты еще имеются в распоряжении авторов, которые им надлежит исчерпать. Кроме того, они считают, что, поскольку государство-участник не приводит каких-либо других возражений в этой связи, оно таким образом отказалось от своего права оспаривать соблюдение других критериев приемлемости.

Решение о приемлемости

6. На своей двадцать пятой сессии (ноябрь 2000 года) Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости жалобы. В соответствии с требованием пункта 5 а) статьи 22 Конвенции Комитет убедился в том, что этот вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования. В отношении исчерпания внутренних средств правовой защиты Комитет принял к сведению представленные авторами аргументы и отметил, что он не получил от государства-участника какой-либо аргументации или информации по этому вопросу. На основании пункта 7 правила 108 своих правил процедуры Комитет 23 ноября 2000 года объявил жалобу приемлемой.

Замечания государства-участника по существу дела

7. Несмотря на призыв Комитета о представлении замечаний по существу сообщения, препровожденный нотой от 5 декабря 2000 года, и два напоминания от 9 октября 2001 года и 11 февраля 2002 года, государство-участник не направило каких-либо других представлений.

Дополнительные замечания заявителей по существу дела

8.1 Письмом от 6 декабря 2001 года авторы направили Комитету дополнительную информацию и замечания по существу дела. В этом же письме они изложили подробные ответы на различные вопросы, заданные Комитетом, а именно о присутствии и поведении сотрудников полиции в ходе событий, о действиях в отношении местного населения, взаимоотношениях между различными этническими группами и их соответствующих правах собственности.

8.2 Относительно присутствия и поведения сотрудников полиции в ходе событий и мер, которые были приняты в отношении местного населения, авторы приводят подробное изложение фактов, содержащееся в пунктах 2.1-2.29 выше.

8.3 В отношении общего положения меньшинства рома в Сербии и Черногории заявители утверждают, что после ухода президента Милошевича оно практически не изменилось. Ссылаясь на более ранний доклад Центра гуманитарного права Комитету против пыток и на ежегодный доклад Организации по наблюдению за соблюдением прав человека за 2001 год, авторы указывают, что нынешнее положение рома в государстве-участнике вызывает серьезную озабоченность, и подчеркивают, что за последние несколько лет представители этой народности стали жертвами ряда серьезных инцидентов, но при этом властями не было принято никаких существенных мер.

8.4 В отношении документов, подтверждающих право собственности, заявители поясняют, что большинство из них были утеряны или уничтожены в ходе событий 14 и 15 апреля 1995 года и что это обстоятельство не было оспорено властями государства-участника в ходе состоявшегося рассмотрения гражданского иска.

8.5 Затем заявители тщательно проанализировали сферу применения пункта 1 статьи 1 и пункта 1 статьи 16 Конвенции. Прежде всего они указали, что в деле Ирландия против Соединенного Королевства и в ходе рассмотрения дела Греция Европейский суд по правам человека признал, что статья 3 Европейской конвенции о правах человека также охватывает "причинение душевных страданий путем создания состояния тревоги и стресса иными средствами, помимо физического нападения"с.

8.6 Кроме того, авторы вновь указывают, что оценка уровня жестокого обращения также зависит от уязвимости жертвы и, таким образом, должна также учитывать пол, возраст, состояние здоровья или этническую

принадлежность жертвы. Поэтому Комитету следует принять во внимание этническую принадлежность жертв в ходе оценки совершенных нарушений, особенно в Сербии и Черногории. Аналогичным образом они вновь указывают, что данный уровень физического насилия, скорее всего, представляет собой обращение, запрещенное статьей 16 Конвенции, если оно имеет расовые мотивы.

8.7В связи с уничтожением поселений заявители ссылаются на два дела, которые были рассмотрены Европейским судом по правам человека и фактические обстоятельства которых аналогичны данному делу. В обоих случаях Европейский суд счел, что сожжение и разрушение домов, равно как и выселение их жителей из деревни, являются деяниями, противоречащими статье 3 Европейской конвенции.

8.8В отношении лиц, виновных в предполагаемых нарушениях статьей 1 и 16 Конвенции, заявители утверждают, что, хотя лицом, совершающим какое-либо деяние по смыслу любого из упомянутых выше положений, может являться только должностное лицо или лицо, выступающее в официальном качестве, оба положения предусматривают, что акты пыток или другого жестокого обращения могут также совершаться с ведома или молчаливого согласия должностного лица. Таким образом, хотя они не оспаривают, что эти деяния не были совершены сотрудниками полиции или что полицейские не подстрекали кого-либо к их совершению, авторы считают, что они были совершены с их ведома или молчаливого согласия. Полиция была проинформирована о том, что именно должно было произойти 15 апреля 1995 года, и присутствовала на месте происшествия в момент погрома, однако не воспрепятствовала виновным в совершении их противоправных действий.

8.9В отношении позитивных обязательств государств по предупреждению и пресечению актов насилия, совершаемых частными лицами, авторы ссылаются на Замечание общего порядка № 20 Комитета по правам человека по статье 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которому это положение охватывает акты, совершаемые частными лицами, что предполагает обязанность государства принять надлежащие меры по защите каждого человека от таких актов. Авторы также ссылаются на Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка Организации Объединенных Наций, Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка и на Рамочную конвенцию Совета Европы о защите национальных меньшинств, в которых содержатся положения аналогичной направленности.

8.10В этой же связи авторы ссылаются на решение Межамериканского суда по правам человека по делу Веласкес Родригес против Гондураса, согласно которому

незаконное деяние, которое является нарушением прав человека и сначала непосредственно не приписывается государству (например, поскольку речь идет о деянии частного лица или поскольку лицо, несущее за него ответственность, не выявлено), может быть отнесено к сфере международной ответственности государства не в силу совершения самого этого деяния, а ввиду того, что не было проявлено должной заботы для предотвращения этого нарушения или для реагирования на него в соответствии с требованиями Конвенции.

Аналогичным образом Европейский суд по правам человека рассмотрел дело Осман против Соединенного Королевства и постановил, что

статья 2 Конвенции может также предполагать при некоторых четко определенных обстоятельствах позитивное обязательство властей принимать оперативные превентивные меры по защите лица, жизни которого угрожают уголовные деяния другого лица... При наличии утверждения о том, что власти нарушили свое позитивное обязательство по защите права на жизнь в контексте вышеупомянутой обязанности предупреждать и пресекать преступления против личности, ... необходимо убедительно доказать, что власти знали или должны были знать о реальной и непосредственной опасности для жизни определенного лица или лиц от уголовных деяний третьей стороны на момент ее существования и что они не приняли мер в рамках своих властных полномочий, которых можно было разумно ожидать для устранения этой опасности... С точки зрения характера права, защищаемого статьей 2 - одного из фундаментальных прав в системе Конвенции, - заявителю достаточно доказать, что власти не сделали всего того, чего можно было разумно ожидать от них для устранения реальной и непосредственной опасности для жизни, о наличии которой им было или должно было быть известно.

8.11 Авторы далее заявляют, что сфера действия обязательства по принятию превентивных мер может расширяться при непосредственном характере опасности для жизни. В обоснование этого аргумента они ссылаются на постановление Европейского суда по правам человека по делу Махмуд Кайя против Турции, в котором суд изложил обязательство государств следующим образом: во-первых, государства обязаны предпринимать все разумные шаги по предотвращению реальной и непосредственной угрозы жизни и неприкосновенности лица, когда действия могут совершаться лицом или группой лиц с ведома или молчаливого согласия властей. Во-вторых, государства обязаны обеспечить эффективное средство правовой защиты, включая надлежащее и эффективное расследование, в связи с действиями, совершенными негосударственными субъектами с ведома или молчаливого согласия властей.

8.12 Авторы также подчеркивают, что обязательство государств по Европейской конвенции о правах человека значительно выходит за рамки только уголовных мер наказания, применимых к частным лицам, которые совершили деяния в нарушение статьи 3 упомянутой Конвенции. В деле З. против Соединенного Королевства Европейская комиссия по правам человека указала, что

властям было известно о жестоком обращении и пренебрежении по отношению к авторам, в течение нескольких лет находившимся в руках своих родственников, и, несмотря на имевшиеся в их распоряжении разумные средства, они не предприняли каких-либо эффективных шагов по прекращению этих деяний... [Таким образом, государство] не выполнило свое позитивное обязательство по статье 3 Конвенции в отношении обеспечения заявителям

адекватной защиты от бесчеловечного и унижающего достоинство обращения.

8.13 Авторы утверждают, что "в отношении них действительно были совершены акты общественного насилия, причинившие им большие физические и психические страдания, представляющие собой пытку и/или жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение или наказание". Они далее утверждают, что "это было сделано с целью наказать их за деяние, совершенное третьим лицом (изнасилование С.Б.), и что упомянутое общественное насилие (или, скорее, расистский погром) было совершено в присутствии и, следовательно, "с ведома или молчаливого согласия" сотрудников полиции, которые по закону были обязаны делать как раз обратное - обеспечивать их безопасность и предоставлять им защиту".

8.14 Наконец, в отношении отсутствия замечаний со стороны государства-участника по существу дела авторы ссылаются на правило 108 (б) правил процедуры Комитета и считают, что такой принцип следует применять в равной степени и на этапе рассмотрения дела по существу. Опираясь на практику Европейского суда по правам человека и Комитета по правам человека, авторы далее заявляют, что, не оспорив факты или правовую аргументацию, изложенные в жалобе и последующих представлениях, государство-участник молчаливо согласилось с рассматриваемыми претензиями.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

9.1 Комитет рассмотрел жалобу в свете всей информации, представленной ему соответствующими сторонами, руководствуясь пунктом 4 статьи 22 Конвенции. Кроме того, при отсутствии каких-либо замечаний от государства-участника по решению Комитета относительно приемлемости, Комитет опирается на подробную информацию авторов. В этой связи он напоминает, что государство-участник в соответствии с пунктом 3 статьи 22 Конвенции обязано сотрудничать с Комитетом и представлять письменные пояснения или заявления, разъясняющие суть дела или средство правовой защиты (если таковое имеется), которое могло быть предоставлено.

9.2 Что касается юридической квалификации фактов, имевших место 15 апреля 1995 года, как они были изложены авторами жалобы, то Комитет, во-первых, считает, что поджог и разрушение домов в данных обстоятельствах представляют собой акты жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания. Тяжесть этих актов еще больше усугубляется тем фактом, что в момент поджога и разрушения домов некоторые из авторов жалобы все еще находились в поселке, особой уязвимостью предполагаемых жертв и тем обстоятельством, что эти акты в значительной степени совершались по расовым мотивам. Кроме того, по мнению Комитета, авторы в достаточной степени продемонстрировали, что хотя сотрудники полиции (государственные должностные лица) и были уведомлены о непосредственной опасности, грозящей авторам, и присутствовали на месте указанных событий, не приняли соответствующих мер для защиты авторов, что предполагает их "молчаливое согласие" по смыслу статьи 16 Конвенции. В этой связи Комитет неоднократно выражал свою озабоченность относительно "бездействия сотрудников полиции и сотрудников правоохранительных органов, которые не обеспечивают адекватную защиту лиц в связи с актами насилия на расовой почве, когда таким группам грозит опасность". Хотя деяния, описанные авторами жалобы, не были совершены самими государственными должностными лицами, Комитет считает, что они совершались с их молчаливого согласия и поэтому представляют собой нарушение государством-участником пункта 1 статьи 16 Конвенции.

9.3 Сделав вывод о том, что изложенные авторами факты являются деяниями по смыслу пункта 1 статьи 16 Конвенции, Комитет впредь будет рассматривать другие предполагаемые нарушения в свете этих заключений.

9.4 Что касается предполагаемого нарушения статьи 12 Конвенции, то Комитет, как он уже подчеркивал в предыдущих случаях (см., среди прочего, дело № 59/1996 Энкарнасьон Бланко Абад против Испании, по которому решение было принято 14 мая 1998 года) полагает, что уголовное расследование должно быть направлено как на выявление характера и обстоятельств предполагаемых деяний, так и на установление личности любого причастного к ним лица. В данном случае Комитет отмечает, что, несмотря на участие в событиях 15 апреля 1995 года не менее нескольких сотен лиц, не принадлежащих к числу рома, и присутствие ряда сотрудников полиции как в момент, так и на месте происшедших событий, ни одно из этих лиц и ни один из сотрудников полиции не были привлечены государством-участником к суду. В этих обстоятельствах Комитет считает, что проведенное властями государства-участника расследование не соответствовало требованиям статьи 12 Конвенции.

9.5 Относительно утверждений о нарушении статьи 13 Конвенции Комитет считает, что отсутствие такого упомянутого в предыдущем пункте расследования также является нарушением статьи 13 Конвенции. Кроме того, Комитет полагает, что неуведомление государством-участником авторов жалобы о результатах расследования, в частности отказ ознакомить их с решением о прекращении следствия, фактически помешало им выступить в качестве "частных обвинителей" по этому делу. В этих обстоятельствах Комитет считает, что это является еще одним нарушением статьи 13 Конвенции.

9.6 Что касается предполагаемого нарушения статьи 14 Конвенции, то Комитет отмечает, что сфера действия упомянутой нормы относится только к пыткам по смыслу статьи 1 Конвенции и не охватывает другие формы жестокого обращения. Кроме того, хотя в пункте 1 статьи 16 Конвенции конкретно упоминаются статьи 10, 11, 12 и 13, в нем отсутствуют ссылки на статью 14 Конвенции. Тем не менее статья 14 Конвенции не означает, что государство-участник не обязано предоставлять средства правовой защиты и справедливую и адекватную компенсацию жертве нарушения статьи 16 Конвенции. Позитивные обязательства, вытекающие из первого предложения статьи 16 Конвенции, включают обязательство предоставлять средства правовой защиты и компенсацию лицам, пострадавшим в результате нарушения этого положения. Поэтому Комитет полагает, что государство-участник не выполнило свои обязательства по статье 16 Конвенции, не обеспечив для авторов жалобы

возможность правовой защиты и не предоставив им справедливую и адекватную компенсацию.

10. Действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции Комитет заключает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 16 и статей 12 и 13 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

11. В соответствии с пунктом 5 правила 111 своих правил процедуры Комитет настоятельно призывает государство-участник провести надлежащее расследование фактов, имевших место 15 апреля 1995 года, привлечь к суду и наказать лиц, виновных в совершении упомянутых деяний, и предоставить авторам жалобы средства правовой защиты, включая справедливую и адекватную компенсацию, и в течение 90 дней с момента препровождения настоящего решения сообщить ему о мерах, принятых в порядке реагирования на приведенные выше соображения.

Примечания

a См. *Assenov v. Bulgaria*, judgment of 28 October 1998, paras 102, 117; *Aksoy v. Turkey*, judgment of 18 December 1996; *Aydin v. Turkey*, judgment of 29 September 1997; *X and Y v. The Netherlands*, judgement of 26 March 1985, paras. 21-30.

b См. *Encarnacio Blanco Abad v. Spain*, 14 May 1998, CAT/C/20/D/59/1996, para. 8.2; *Henri Unai Parot v. Spain*, 2 May 1995, CAT/C/14/D/6/1990.

c The Greek case, *Yearbook of the European Connection on Human Rights*, vol. 12, 1969, p. 461.

d *Mentes and Others v. Turkey*, 58/1996/677/867 и *Selcuk and Asker v. Turkey*, 12/1997/796/998-999.

e *Velasquez Rodriguez v. Honduras*, judgement of 29 July 1988, p. 291.

f *Osman v. United Kingdom*, judgement of 28 October 1998, paras 115, 117.

g *Mahmut Kaya V. Turkey*, judgement of 28 March 2000.

h *Z. et al. v. United Kingdom*, judgement of 10 May 2001, paras 70, 72.

Заключительные замечания по первоначальному докладу Словакии, Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят шестая сессия, Дополнение № 44 (A/56/44), пункт 104 с); Заключительные замечания по второму периодическому докладу Чешской Республики, там же, пункт 113 b); Заключительные замечания по второму периодическому докладу Грузии, там же пункт 81 d).

Добавление

(Дело № 161/1999 - Хайризи Дземайл и др. против Сербии и Черногории)

Отдельное мнение г-на Фернандо Мариньо и г-на Алехандро Гонсалеса Поблете, приведенное в соответствии с правилом 113 правил процедуры Комитета

Идея настоящего мнения состоит в том, чтобы подчеркнуть, что, как мы полагаем, незаконные деяния, за которые ответственно государство-участник, представляют собой "пытки" по смыслу пункта 1 статьи 1 Конвенции, а не только "жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения" согласно ее статье 16. Отсутствие реагирования со стороны государственных должностных лиц на жестокие акты насилия, принудительные перемещение и уничтожение жилищ и имущества, которые совершались частными лицами, представляет собой противоправное деяние, которое, по нашему мнению, является нарушением пункта 1 статьи 1 и подпадает под действие пункта 1 статьи 2 Конвенции.

Мы полагаем, что страдания, причиненные жертвам, являлись настолько тяжкими, что были равнозначны "пыткам" по следующим причинам:

a) жители поселка Бозова-Главица были вынуждены срочно покинуть свои жилища под угрозой тяжелых телесных повреждений и материального ущерба;

b) их поселок и жилища были полностью уничтожены. Одновременно было уничтожено имущество, включая предметы первой необходимости;

c) в результате обусловленного этими причинами принудительного перемещения, помимо того, что они не смогли вернуться на свое прежнее место жительства, многие члены перемещенной группы были вынуждены жить в тяжелых условиях без постоянной работы и постоянного жилища;

d) граждане Сербии и Черногории, перемещенные и пострадавшие таким образом, спустя шесть лет после этих событий так и не получили никакого возмещения, невзирая на просьбы о помощи к местным властям;

e) все жители поселка, перемещенные насильственным образом, принадлежат к этническим рома, чья уязвимость особенно хорошо известна во многих странах Европы. Поэтому государства обязаны совершенствовать их защиту.

Все вышеизложенное позволяет предположить наличие "сильного страдания", которое явно носит не только "нравственный", но и неизбежно "физический" характер, хотя пострадавшие и не стали объектами непосредственных физических нападений.

Исходя из вышеизложенного мы полагаем, что эти деяния следует квалифицировать в качестве "пыток".

Подпись [г-н Фернандо Мариньо]

Подпись [г-н Алехандро Гонсалес Поблете]

Жалоба № 204/2002

Представлена: Г-ном Хассаном Карбалай Хейдаром

(представлен адвокатом)

Предполагаемая жертва: Г-н Хассан Карбалай Хейдар

Государство-участник: Швеция

Дата представления жалобы: 26 марта 2002 года

Дата настоящего решения: 19 ноября 2002 года

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 19 ноября 2002 года,

завершив рассмотрение жалобы № 204/2002, представленной Комитету против пыток в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв во внимание всю информацию, представленную ему автором жалобы, его адвокатом и государством-участником,

принимает следующее решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции:

1. Заявителем является гражданин Исламской Республики Иран г-н Хассан Карбалай Хейдар, ожидающий в настоящее время депортации из Швеции. Он утверждает, что его выдворение в Иран было бы нарушением Швецией статьи 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Он представлен адвокатом.

1.28 апреля 2002 года Комитет препроводил данную жалобу государству-участнику для замечаний и просил его на основании пункта 1 правила 108 своих правил процедуры не высылать заявителя в Иран, пока его ходатайство находится на рассмотрении Комитета. Государство-участник удовлетворило эту просьбу.

Факты в изложении заявителя

2.1 Проживая в Иране, заявитель являлся членом и активистом политической организации "Черихай Фадай Шалг". Он утверждает, что за период 1983-1988 годов он несколько раз подвергался аресту по подозрению в нелегальной политической деятельности. Он заявляет, что примерно в сентябре 1989 года он случайно убил "стража революции" при следующих обстоятельствах. Заявитель был знаком с девушкой армянского происхождения. Гуляя по парку в центре Тегерана, они встретили группу "стражей революции". Те стали "приставать" к заявителю и его девушке, потому что у нее на шее они увидели христианский крестик. Потом "стражи революции" плеснули кислотой в лицо девушке. Когда один из "стражей" стал угрожать заявителю ножом, заявителю удалось перехватить нож и ударить им этого "стража", после чего заявитель с девушкой убежали.

2.2 После этого инцидента заявитель скрывался в разных местах под Тегераном. Вскоре его известили о том, что "страж революции" скончался от ран, а его девушка покончила с собой. Ему также сообщили, что у некоторых из его родственников были произведены обыски. 26 октября 1989 года заявителю удалось нелегально покинуть Иран и прибыть в Швецию, где он обратился в Национальный совет по иммиграции (в настоящее время он именуется "Советом по вопросам миграции" и далее в тексте упоминается под этим названием) с просьбой предоставить ему убежище. Совет по вопросам миграции 17 сентября 1990 года отклонил просьбу заявителя, поскольку заявитель представил противоречивую информацию о своей политической деятельности. Заявитель обжаловал это решение в Апелляционном совете по делам иностранцев, который по аналогичным соображениям отклонил его ходатайство и отказался предоставить ему статус беженца. Позднее ему был выдан вид на жительство на основании общей амнистии просителей убежища.

2.3 По словам заявителя, его мать была убита в 1996 году. Он считает, что это убийство было, по всей вероятности, связано с его деятельностью. Один из его братьев покончил с собой в 1996 году, а другой брат был убит в 2000 году. Еще двое его братьев бежали из Ирана и получили убежище в Канаде. Заявитель также утверждает, что, согласно полученной им устной информации, в Иране он приговорен к смертной казни. Представитель движения "стражи революции" сообщил об этом приговоре матери заявителя до ее кончины.

2.4 В 1994 году заявитель был подвергнут судебному преследованию за контрабанду наркотиков. Он был приговорен к 10 годам тюремного заключения и депортации, так как было сочтено, что он представляет опасность для общества.

Заявитель безуспешно пытался обжаловать приговор в Апелляционном суде для Средней Швеции, а затем в Верховном суде. Заявитель утверждает, что в ходе судебного разбирательства не было принято во внимание, что он нуждается в защите. Национальный совет исправительных учреждений снизил срок наказания, в результате чего заявитель подлежал освобождению 8 марта 2002 года.

2.510 января 2002 года заявитель направил правительству ходатайство на предмет отмены решения суда о его высылке из Швеции, ибо его потребность в защите не претерпела изменений по сравнению с тем, что он указывал в своем ходатайстве в Совет по вопросам миграции. Кроме того, он заявил, что противоречия в информации, представленной им в Совет по вопросам миграции, объясняются последствиями пыток, которым он подвергался в ходе его арестов и допросов в Иране. Хотя автор представил информацию по последующим документам, принятым во внимание правительством при рассмотрении его дела, эта информация была препровождена автору на основании шведского закона о сохранении тайны и по просьбе заявителя здесь не приводится.

2.6В решении от 21 марта 2002 года правительство констатировало отсутствие обоснованных опасений в том, что в случае возвращения в Иран заявитель подвергнется пыткам. 10 апреля 2002 года заявитель был освобожден из-под стражи по решению министерства юстиции, которое постановило впредь до особого распоряжения приостановить исполнение постановления о выдворении заявителя.

2.7По словам заявителя, в Иране применение пыток является обычной практикой. В ходе расследований полиция, "стражи революции" и другие службы безопасности нередко используют тяжкие формы пыток. Применяются пытки и в пенитенциарной системе - уже после вынесения приговора. В этой связи заявитель ссылается на доклады Специального представителя Комиссии по правам человека по вопросу о положении в области прав человека в Исламской Республике Иран, страновые доклады Государственного департамента США о положении в области прав человека и организации "Международная амнистия". По его словам, сам иранский парламент признал, что в иранских тюрьмах применяются пытки и чрезмерное насилие.

Жалоба

3.1По словам заявителя, имеются веские основания считать, что по возвращении в Иран ему грозила бы опасность подвергнуться применению пыток и поэтому, если бы он был возвращен туда, Швеция нарушила бы статью 3 Конвенции. Заявитель признает, что он представил шведским государственным ведомством противоречивую информацию о своей причастности к политической деятельности, но утверждает, что это обусловлено психологическими последствиями перенесенных пыток. Кроме того, как он утверждает, он никогда не представлял противоречивой информации об инциденте со "стражами революции" в парке, и это является его главным доводом в подкрепление тезиса о том, что в случае его возвращения в Иран он подвергнется пыткам. Он заявляет, что тем самым он стал врагом государства, а в качестве наказания за такое деяние, будь оно случайным или преднамеренным, предусмотрена смертная казнь.

3.2Как подчеркивает заявитель, он вовсе не утверждает, что риск подвергнуться смертной казни был бы равносителен нарушению статьи 3, но он все же настаивает, что в силу характера преступления перед казнью он будет наверняка подвергнут пыткам - возможно, с целью получения информации о его принадлежности к нелегальным организациям. Заявитель также утверждает, что случаи, происшедшие в его семье и в том числе то обстоятельство, что двое из его близких родственников были убиты, а двое из его братьев были вынуждены искать убежище за границей, подтверждают, что власти занимались его розыском, но, не сумев найти его, отомстили его семье.

3.3Заявитель утверждает, что им были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты и что его жалоба не представлена на рассмотрение по какой-либо иной процедуре международного расследования или урегулирования.

Представление государства-участника относительно приемлемости и существа жалобы

4.1Письмом от 18 июня 2002 года государство-участник представило информацию относительно приемлемости и существа жалобы. Что касается приемлемости жалобы, то государство-участник считает, что утверждение заявителя о том, что по возвращении в Иран ему грозит опасность подвергнуться пыткам, лишено всякого основания, в силу которого его жалоба была бы совместима со статьей 22 Конвенции.

4.2Что касается существа жалобы, то, как напоминает государство-участник, наличие постоянной практики серьезных, вопиющих или массовых нарушений прав человека в той или иной стране само по себе не дает достаточных оснований для вывода о том, что какому-либо лицу может угрожать применение пыток по возвращении в эту страну, и такое лицо должно доказать, что ему грозит объективная, реальная и персональная опасность подвергнуться пыткам. Государство-участник утверждает, что, как вытекает из этих принципов, сбор и представление доказательств в поддержку этих утверждений лежит прежде всего на заявителе.

4.3Государство-участник полагает, что несколько положений Закона об иностранцах отражают те же права, что и пункт 1 статьи 3 Конвенции. В этом контексте оно указывает, что дело заявителя оценивалось Советом по вопросам миграции в 1990 и 1994 годах, Апелляционным советом по делам иностранцев в 1992 году и Советом по вопросам миграции и правительством в 2002 году. Кроме того, вопрос о препятствиях для его высылки рассматривался двумя шведскими судами. Как оно утверждает, жалоба заявителя в Комитете на то, что в ходе уголовного разбирательства не поднимался вопрос о его защите, не соответствует истине. Что касается вопроса о высылке, то суд принял к сведению то обстоятельство, что на протяжении четырех лет заявитель проживал со шведской гражданкой, от которой у него в ноябре 1993 года родился ребенок. Тем не менее он счел, что преступления, в совершении которых он был признан виновным, носят особо тяжкий характер, ибо они чреватны опасностью как для отдельных граждан,

так и для общества в целом. Более того, он признал, что эти преступления носили широкий характер и совершались в течение довольно продолжительного времени. В порядке общей оценки суд заключил, что для высылки заявителя имеются исключительно веские основания. Окружной суд основывал свое заключение и на мнении Совета по вопросам миграции об отсутствии каких-либо препятствий для высылки заявителя.

4.4 Государство-участник также утверждает, что при рассмотрении вопроса о том, следует ли правительству отменить постановление о высылке, оно запросило мнение Совета по вопросам миграции и посольство Швеции в Тегеране. Посольство представило два ответа, но, по утверждению государства-участника, лишь один из них был передан заявителем Комитету. Государство-участник сообщает, что посольство представило следующую информацию. По его мнению, заявитель вряд ли мог быть осужден заочно. Однако, если утверждение об убийстве им "стража революции" соответствует действительности, его дело могло рассматриваться либо одним из исламских революционных судов, либо публичным судом. Если бы он был осужден публичным судом, то приговор был бы предъявлен ему или его семье. Если бы слушание его дела производилось в революционном суде, то у него не было бы доказательств, что ему предъявлен какой-либо приговор. В Иране за убийство "стража революции" предусмотрено наказание в виде смертной казни. Революционный суд, вероятно, не считал бы, что обстоятельства его дела носят в достаточной мере смягчающий характер, чтобы исключить такой приговор, но если бы слушание его дела производилось в публичном суде, он мог бы успешно выдвинуть довод о том, что действовал в порядке самообороны. Описанный заявителем инцидент в парке носит правдоподобный характер, поскольку посольству сообщалось о таких инцидентах. Посольство могло бы сделать иранским властям официальный запрос о том, был ли заявитель подвергнут заочному осуждению, однако оно сочло, что это могло бы ни к чему не привести или же могло быть сопряжено с опасностью признания заявителя "виновным по ассоциации".

4.5 Государство-участник утверждает, что описание событий в изложении заявителя отличается рядом неувязок и пробелов. Конечно, государству-участнику известно мнение Комитета о том, что от жертв пыток редко можно ожидать точности изложения событий, но оно все же считает, что при оценке его убедительности эти изъяны следует толковать против заявителя. Государство-участник принимает к сведению довод заявителя о том, что противоречия в его изложении событий связаны с тем, что он якобы страдает от последствий перенесенных пыток. Вместе с тем оно отмечает, что до своего обращения в Апелляционный совет по делам иностранцев заявитель не упоминал, что он подвергался пыткам (или что в тюрьме он дважды пытался покончить с собой). Так, он не упоминал об этом ни в ходе собеседований в Совете по вопросам миграции, ни в своих дополнительных замечаниях на имя Совета по вопросам миграции, которые составлялись при содействии его адвоката.

4.6 Государство-участник также отмечает, что в ходе судебных разбирательств заявитель ни разу не представил каких-либо сведений о предположительных пытках. По мнению государства-участника, единственное медицинское заключение (от 23 мая 1990 года), представленное по этому делу, никак не подкрепляет утверждение о том, что заявитель страдает посттравматическим стрессовым расстройством. Не содержит оно и сведений о том, что в ходе медицинского освидетельствования у него были обнаружены рубцы на губах и ротовой полости. Поэтому государство-участник считает, что утверждения о якобы перенесенных им пытках недостаточно для того, чтобы объяснить неувязки в изложении событий.

4.7 Что касается вопроса о причастности заявителя к политической деятельности, то государство-участник отмечает, что он не представил никаких доказательств такой деятельности или того, что иранским властям известно о его деятельности. Государство-участник утверждает, что такое отсутствие доказательств следует отметить особо, поскольку в ходе разбирательства по вопросу о предоставлении убежища заявитель представил явно противоречивую информацию о том, занимался ли он в Иране политической деятельностью. Кроме того, он представил иную информацию как относительно причин его арестов, так и продолжительности этих задержаний, якобы обусловленных его деятельностью. Если же Комитет решит принять утверждения заявителя на этот счет, то государство-участник отмечает, что, как сообщил заявитель, он является не членом, а лишь сторонником организации "Черихай Фадай Шалг", и его деятельность, как представляется, и по своей природе, и по своему размаху носила "пассивный" характер. По этим причинам он неизменно представлял для иранских властей лишь незначительный интерес. Поэтому, по мнению государства-участника, маловероятно, чтобы инцидент в парке был сопряжен с политической предысторией заявителя, как он утверждал в 1990 году в своем ходатайстве перед Советом по вопросам миграции.

4.8 Что касается изложения заявителем инцидента со "стражами революции" в 1989 году, то, как полагает государство-участник, заявитель изменил свою версию событий в ряде важных моментов. Имеются неувязки по таким факторам, как время, место и причины предполагаемого посяательства, равно как и ход событий и их последствия. В частности, государство-участник отмечает новые факты, приведенные заявителем в своем обращении к правительству от 10 января 2002 года: его девушка находилась с ним в момент инцидента и "стражи революции" плеснули ей в лицо кислотой. Он также впервые упомянул в своем обращении, что действительно убил ножом "стража революции" и что его девушка совершила самоубийство, и признал, что, когда он покинул Иран, ему было известно об этих фактах.

4.9 Государство-участник также отмечает, что Комитету были представлены новые обстоятельства этого инцидента, которые прежде шведскими властями не упоминались, в частности заявление о том, что он ударил ножом "стража революции" не в лицо, а в тело, что девушка заявителя находилась с ним в момент инцидента и что крестик был на шее не у заявителя, а у нее. Кроме того, государство-участник указывает, что утверждение о том, будто "страж революции" толкнул заявителя в витрину магазина и тем самым причинил ему серьезные телесные повреждения, было по неведомым причинам снято в период между рассмотрением вопроса о предоставлении убежища и судебным разбирательством по поводу высылки.

4.10 Что касается вопроса об отъезде заявителя из Ирана, то государство-участник указывает, что заявитель видеоизменил свою версию событий: вначале он утверждал, что его отъезд с контрабандистом организовал ему его отец, а затем, - что сам вступил в контакт с контрабандистом. Кроме того, в ходе его собеседований в Совете по вопросам миграции, состоявшихся 26 октября 1989 года и 13 ноября 1989 года, он говорил, что покинул Иран через иранский морской порт Бендер-Аббас и в ходе поездки от Тегерана до Бендер-Аббаса использовал в качестве документов свой военный билет и водительское удостоверение. Впоследствии же в ходе разбирательства он заявил, что уехал из Ирана через Турцию и использовал для выезда из страны фальшивые документы. По этой причине, а также в силу того, что заявитель не представил никаких документальных доказательств в подтверждение своих утверждений относительно переезда, по мнению государства-участника, нельзя исключить, что он покинул Иран законным образом. А с учетом того, что, по утверждению заявителя, на дату своего отъезда он уже месяц как разыскивался иранскими властями, сомнительно, чтобы ему удалось покинуть страну на основании военного билета и водительского удостоверения. По мнению государства-участника, этим-то, возможно, и объясняется то обстоятельство, что позднее заявитель стал утверждать, будто для выезда из страны он использовал фальшивые документы.

4.11 Что касается кончины матери заявителя, то государство-участник указывает, что заявитель противоречит сам себе: вначале он утверждает, что она скончалась в конце 1990 года от сердечной недостаточности, а затем, - что ее убили в 1996 году в отместку за действия ее сына. Заявитель не представил никаких разъяснений в этой связи.

4.12 Наконец, государство-участник указывает, что заявитель изменил свою позицию в отношении обвинения, выдвинутого против него в Швеции. В Окружном суде он признал себя виновным, а в Апелляционном суде - отказался от своего прежнего признания. По мнению государства-участника, это дает основания серьезно усомниться в его утверждении о том, что в Иране ему вынесен смертный приговор. В этой связи, как полагает государство-участник, нет никаких указаний на то, чтобы в отношении заявителя был выдан ордер на арест. Оно вновь ссылается на мнение шведского посольства в Тегеране о малой вероятности того, что заявитель был, как он утверждает, подвергнут заочному осуждению и приговору. По мнению государства-участника, все эти противоречивые показания заявителя вызывают серьезные сомнения в правдивости его заявления в целом.

Замечания заявителя

5.1 Заявитель оспаривает довод государства-участника о том, что жалоба является неприемлемой, и утверждает, что обстоятельства дела в значительной мере отличаются от обстоятельств тех дел, которые Комитет ранее признавал неприемлемыми по причине недостаточной обоснованности.

5.2 Заявитель согласен с тем, что закон об иностранцах отражает права, защищаемые в пункте 2 статьи 3 Конвенции, но утверждает, что все дело в том, как именно государство-участник применяет этот закон; он ссылается на тот факт, что ранее Комитет в девяти случаях устанавливал факт нарушения статьи 3 со стороны Швеции.

5.3 Заявитель утверждает, что представленная Советом по вопросам миграции в Окружной суд информация с заключением об отсутствии препятствий для высылки заявителя в Иран является стандартным ответом Совета по вопросам миграции в тех случаях, когда то или иное дело уже отклонено Советом по вопросам миграции и Апелляционным советом по делам иностранцев. Он утверждает, что Совет по вопросам миграции не менее поверхностно рассматривал и все аспекты тех рисков, с которыми мог бы столкнуться заявитель в случае его возвращения в Иран. По сути дела, в письменном постановлении Окружного суда вопросом о высылке заявителя ему посвящено лишь полстраницы, где говорится об отношениях заявителя с его женой и дочерью, а также содержится вывод о том, что необходимость высылки обусловлена тяжестью преступления, совершенного заявителем. В судебном решении нет никакого упоминания о том, какому риску подвергнется бы заявитель при его возвращении в Иран. Как он также утверждает, решение Апелляционного суда не содержит никаких указаний на необходимость рассмотрения судом риска, сопряженного с его высылкой.

5.4 Что касается вопроса о пытках, которым подвергался заявитель ранее в Иране, то он указывает, что причину, по которой он упомянул о них лишь на заключительном этапе расследования, необходимо рассматривать в свете того, что известно о психологических последствиях пыток, и что ее не следует использовать против него. Он утверждает, что, как установил Комитет в рамках прежних дел, от жертв пыток трудно ожидать спонтанных заявлений о том, что они подверглись таким страданиям, и, в частности, нельзя ожидать, чтобы такого рода информация излагалась связно и последовательно. Заявитель повторяет, что он страдает посттравматическим стрессовым расстройством, и добавляет, что после получения в марте 2002 года негативного решения правительства он пришел в такое отчаяние, что его пришлось поместить в психиатрическую больницу.

5.5 Что касается политической деятельности заявителя, то он допускает, что такая деятельность носила "пассивный" характер, но она все же была сочтена достаточно опасной для того, чтобы иранские власти подвергли его задержанию, пусть даже впоследствии он и был освобожден. Он указывает, что вел работу в пользу организации "Черихай Фадай Шал", между тем как ранее он ссылался на то, что вел работу в интересах организации "Мохахеддин". По словам заявителя, поскольку эти организации работали в тесном взаимодействии друг с другом, разница тут невелика. Он указывает, что инцидент в парке был связан с его политической деятельностью, поскольку "стражи революции" узнали заявителя. Он утверждает, что в случае его возвращения в Иран власти поднимут свои досье и расследуют связь между инцидентом в парке и его контактами с политическими группировками. Заявитель допускает, что он привел иную информацию о том, в каком именно месте произошел инцидент со "стражами революции", но оба эти места находятся очень близко друг от друга. Заявитель также допускает, что он был не в состоянии указать точную дату инцидента, но он все-таки трижды информировал шведские власти о том, что этот инцидент произошел в сентябре 1989 года. Он также допускает, что информация, представленная им по прибытии в

Швецию, могла носить нечеткий характер, поскольку он только что совершил продолжительную и небезопасную поездку и пережил травмировавшие его события.

5.6 Что касается причастности его девушки к инциденту в парке, то заявитель допускает, что он не упоминал конкретно, что она была с ним во время этого инцидента в парке, но он все-таки упоминал об их отношениях. Как он действительно припоминает, он говорил своему адвокату, что на нее плеснули кислотой, но он допускает, что мог ошибиться на этот счет. О том, что "страж революции" скончался и что его девушка покончила с собой, ему стало известно только после разбирательства дела по вопросу о предоставлении убежища, и поэтому он не упоминал этого обстоятельства в ходе такого разбирательства. Кроме того, заявитель допускает, что в своем ходатайстве на имя правительства он упоминал о том, что "стражи революции" толкнули его в витрину магазина, но это вовсе не означает, что его заявление противоречит прежним показаниям.

5.7 Что касается вопроса о противоречивых показаниях заявителя относительно своего отъезда в Швецию, то заявитель подтверждает, что он проехал через иранско-турецкую границу, но вначале солгал, так как не хотел выдавать контрабандиста. В отношении обстоятельств кончины его матери заявитель сообщает, что его первоначальное заявление было сделано им по недоразумению, и впоследствии он представил правительству информацию, доказывающую, что в 1996 году его мать была убита. Заявитель также полагает, что, несмотря на необычность заочного вынесения кому-либо смертного приговора, такая возможность вовсе не исключена. Он также указывает на возможность того, что, хотя его мать и сказала ему, что он был заочно приговорен к смертной казни, она могла неправильно истолковать слова "стражей революции".

Вопросы и процедуры их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в той или иной жалобе, Комитет против пыток должен решить, является ли жалоба приемлемой по статье 22 Конвенции. В этой связи, согласно пункту 5 а) статьи 22 Конвенции, Комитет удостоверился, что данный вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках другой процедуры международного расследования или урегулирования. Комитет также отмечает, что государство-участник не оспаривает факт исчерпания внутренних средств правовой защиты. Государство-участник полагает, что заявитель не обосновал своей позиции на предмет приемлемости жалобы, но Комитет считает, что предоставлена достаточная информация для рассмотрения этой жалобы по существу. Поскольку Комитет не усматривает каких-либо дальнейших препятствий для приемлемости жалобы, он признает жалобу приемлемой и приступает к ее рассмотрению по существу.

Рассмотрение по существу

6.2 Комитету надо решить, является ли принудительное возвращение заявителя в Исламскую Республику Иран нарушением обязательства государства-участника по пункту 1 статьи 3 Конвенции не высылать или не возвращать в принудительном порядке (refouler) какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что там ему может угрожать применение пыток. Чтобы прийти к заключению, Комитету нужно принимать в расчет все надлежащие соображения, включая наличие в соответствующем государстве постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Вместе с тем цель состоит в определении того, существует ли риск именно для заинтересованного лица подвергнуться пыткам в стране, куда оно было бы выслано. Отсюда вытекает, что, в соответствии с практикой Комитета и несмотря на утверждения заявителя о положении в Иране в пункте 2.8, наличие в той или иной стране постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека не дает само по себе достаточных оснований для решения вопроса о том, грозила бы данному лицу опасность подвергнуться пыткам по его возвращении в такую страну или нет, чтобы доказать, что именно соответствующее лицо подвергалось бы риску, нужно присовокупить дополнительные основания. И наоборот, отсутствие постоянной практики грубых нарушений прав человека вовсе не означает, что то или иное лицо не может рассматриваться в качестве находящегося в опасности подвергнуться применению пыток с учетом его конкретной ситуации.

6.3 Комитет отмечает, что основная причина, по которой заявитель опасается, что по возвращении в Иран именно он рискует подвергнуться пыткам, заключается в том, что до своего отъезда он якобы убил в тегеранском парке "стража революции". Заявитель признает, что он предоставил государству-участнику несогласованную информацию о своей предположительной причастности к политической деятельности, что он относит на счет последствий перенесенных пыток, но утверждает, что вовсе не был непоследовательным при описании инцидента в парке. Комитет отмечает, что заявитель представил медицинское заключение, которое свидетельствует о наличии рубцов у него на теле, но не подкрепляет его утверждения о том, что он страдает посттравматическим стрессовым расстройством в результате перенесенных пыток. Более того, Комитет отмечает довод государства-участника о том, что до своего обращения в Апелляционный совет по делам иностранцев заявитель не упоминал ни о каких эпизодах пыток, да и в этом случае он не представил никаких сведений о предполагаемых пытках. Никаких сведений о каких-либо пытках не привел заявитель и в своем представлении в адрес Комитета. Соответственно, Комитету трудно полагать, что неувязки в информации, предоставленной государству-участнику и Комитету, обусловлены последствиями перенесенных пыток. Кроме того, вопреки утверждению заявителя, Комитет отмечает, что заявитель отличался непоследовательностью при описании им инцидента в парке, включая и то, что о присутствии своей девушки он упомянул только в ходатайстве правительству в 2002 году. Комитет также отмечает, что заявитель не смог в достаточной степени объяснить и многие другие неувязки в его жалобе, включая обстоятельства кончины его матери и его отъезда из Ирана, что вызывает у Комитета сомнения в его убедительности. В свете вышеизложенного

Комитет считает, что заявитель не доказал, что именно он столкнулся бы с предвидимым, реальным и персональным риском подвергнуться применению пыток по смыслу статьи 3 Конвенции.

7. Действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Комитет против пыток считает, что выдворение заявителя в Исламскую Республику Иран государством-участником не представляло бы собой нарушения статьи 3 Конвенции.

Примечания

а Заявитель представил медицинское заключение от 23 мая 1996 года, согласно которому на его теле обнаружены рубцы, предположительно являющиеся следами ожогов сигаретой и порки. Заявитель не привел подробностей предполагаемых пыток.

б Государство-участник ссылается на дело И. против Швейцарии, дело № 18/1994; соображения приняты 17 ноября 1994 года.

Жалоба № 190/2001

Представлена: К.С.Я. (представлен адвокатом)

Предполагаемая жертва: К.С.Я.

Государство-участник: Нидерланды

Дата представления жалобы: 5 января 2001 года (первоначальная дата представления)

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 15 мая 2003 года,

завершив рассмотрение жалобы № 190/2001, представленной Комитету против пыток г-ном К.С.Я. в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв к сведению всю информацию, представленную ему автором жалобы, его адвокатом и государством-участником,

принимает следующее решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции.

1.1 Заявителем является гражданин Исламской Республики Иран г-н К.С.Я., родившийся 23 августа 1950 года, чье заявление о предоставлении статуса беженца было отклонено в Нидерландах. Он заявляет, что его депортация в Иран может являться нарушением Нидерландами статьи 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Он представлен адвокатом.

1.2 В соответствии с пунктом 3 статьи 22 Конвенции Комитет направил 16 октября 2001 года сообщение государству-участнику. В соответствии с правилом 108 Правил процедуры Комитета государству-участнику была направлена просьба не высылать заявителя в Иран до рассмотрения его дела Комитетом.

Факты в изложении заявителя

2.1 Заявитель утверждает, что в Иране он столкнулся с проблемами в связи с его гомосексуализмом и политической деятельностью его брата А.А.

2.2 У заявителя возникли трудности с иранскими властями, поскольку в начале 80-х годов его брат был признан беженцем в Нидерландах. Его четыре или пять раз допрашивали в Монкерате (Специальное подразделение Революционного комитета), и после каждого допроса он был вынужден давать подписку о согласии на следующий вызов.

2.3 В марте 1992 года заявитель направился в Нидерланды на свадьбу своего брата. По возвращении в Иран власти его допросили о причинах его поездки и деятельности его брата в Нидерландах. Иранские власти реквизировали его паспорт и издали распоряжение, запрещающее ему поездки за границу. Ему было предписано ежедневно представлять сообщения в паспортное отделение Департамента уголовных расследований.

2.4 В Иране заявитель имел гомосексуальную связь с неким К.Х., чья гомосексуальность была очевидна в силу его "женского" поведения. Из-за своего гомосексуализма он разошелся со своей женой, от которой у него есть трое детей.

2.5 10 августа 1992 года сотрудники Монкерата арестовали его в Ширазе на основании жалоб со стороны соседей относительно его гомосексуализма. Его партнера не арестовали, поскольку он скрылся. Заявитель был помещен в тюрьму в Луте и подвергся допросу относительно его гомосексуализма и деятельности его брата. Во время содержания под стражей его предположительно пытали, били проводами по пяткам, ногам и лицу и держали подвешенным за руку под потолком на протяжении половины дня более трех недель. Затем заявитель был приговорен к смерти, но так и не получил письменного решения о приговоре. Через пять месяцев содержания под

стражей ему удалось убежать с помощью уборщиков мусора, которые спрятали его в мусороборочной машине. Побег удался благодаря отсутствию охранников вечером в то время, когда все заключенные находились в своих камерах.

2.6 Заявитель вначале поехал в Масхад, затем в Исфахан, где проживали некоторые его родственники. Оттуда он организовал свою поездку в Европу. В августе 1993 года заявитель и его партнер отдельно приехали в Нидерланды. Заявитель воспользовался иранским паспортом со своей фотографией, который дал ему "проводник". По прибытии в Нидерланды он, как ему было сказано, этот паспорт уничтожил.

2.7 16 марта 1994 года заявитель подал заявление о предоставлении ему статуса беженца и разрешения на жительство по гуманитарным соображениям. 26 августа 1994 года оба заявления были отклонены. 29 августа 1994 года заявитель подал заявление о пересмотре этого решения. 22 декабря 1994 года Консультативный комитет по делам иностранцев рекомендовал государственному секретарю департамента юстиции отказать в предоставлении убежища заявителю, но предоставить ему вид на жительство, учитывая его физическое и психологическое состояние.

2.8 После прибытия в Нидерланды заявитель проживал вместе со своим партнером К.Х. до тех пор, пока последний не начал сожительствовать с другими мужчинами. В ходе возникшей в результате этого ссоры заявитель убил своего партнера. 22 июня 1995 года окружной суд Леувардена обвинил заявителя в убийстве и приговорил его к шести годам тюремного заключения. С 21 января 1995 года по 21 января 1999 года он находился в тюремном заключении. После вмешательства иранского посольства в Нидерландах тело К.Х. было отправлено в Иран.

2.9 Тем временем 12 сентября 1996 года заявление о пересмотре первоначального решения об отказе заявителю в предоставлении убежища и виде на жительство было отклонено. 13 сентября 1996 года заявитель обжаловал это решение в Гаагском окружном суде.

2.10 Кроме того, вследствие преступления, совершенного заявителем, государственный секретарь министерства юстиции объявил 10 сентября 1996 года заявителя "нежелательным лицом". 6 декабря 1996 года просьба о пересмотре этого решения была отклонена. 24 декабря 1996 года заявитель подал еще одну апелляцию против этого решения в Гаагский окружной суд.

2.11 22 декабря 1999 года Гаагский окружной суд отклонил обе апелляции от 13 сентября 1996 года и 24 декабря 1996 года.

2.12 Между тем 1 октября 1999 года заявитель подал новое заявление о предоставлении убежища, которое было отклонено 5 октября 1999 года. Его апелляция против этого решения была окончательно отклонена 11 мая 2001 года.

Жалоба

3.1 Заявитель утверждает, что, если его вернут в Иран, он рискует подвергнуться пыткам и что его насильственное перемещение в Иран будет нарушением статьи 3 Конвенции со стороны государства-участника.

3.2 В подтверждение своей претензии заявитель утверждает, что его пытали, когда он был задержан в Иране в 1992 году. Последствия такого плохого обращения подтверждаются рядом медицинских заключений, представленных Комитету. Согласно медицинским заключениям, заявитель страдает серьезным посттравматическим стрессовым расстройством, в том числе склонностью к самоубийству, и он не может полностью двигать своим плечом, поскольку его в течение длительного времени подвешивали за одну руку.

3.3 Заявитель считает, что основным мотивом, вызывающим опасность применения пыток, является гомосексуализм и события, которые произошли в Нидерландах после его прибытия. Он утверждает, что его гомосексуализм был подтвержден его партнером К.Х. во время слушаний, связанных с его собственным заявлением о предоставлении убежища, и решением от 22 июня 1995 года, в котором заявитель был обвинен в убийстве.

3.4 Заявитель объясняет, что после смерти тела К.Х. было возвращено в Иран и что иранские власти, без сомнения, пытались получить разъяснения относительно причин смерти К.Х. Если бы его сейчас вернули в Иран, он, несомненно, столкнулся бы с проблемами, связанными с убийством, которое он совершил, и в частности с его гомосексуализмом. В этом случае перед ним вновь возникла бы опасность быть задержанным и подверженным пыткам и другим формам жестокого обращения.

3.5 Заявитель, ссылаясь на доклад "Международной амнистии" от 30 июля 1997 года, отмечает, что по иранскому уголовному кодексу гомосексуализм является уголовным преступлением. Он обращает внимание на то, что простое заявление четырех свидетелей может привести к наказанию, а также к вынесению заключения судьей на основе полученной им информации. В докладе также говорится, что лицо, подозреваемое в "совершении" актов гомосексуализма, рискует быть арестованным, подвергнутым пыткам (битью кнутом) или жестокому обращению.

3.6 Что касается источников, подтверждающих применение пыток в Иране, заявитель ссылается на доклад Специального представителя Комиссии по правам человека по вопросу о положении в области прав человека в Исламской Республике Иран от 21 сентября 1999 года, согласно которому "по сообщениям печати, в Иране распространены телесные наказания. В январе 1999 года одна иранская газета сообщила, что два 15-летних юноши были приговорены к наказанию плетью за "оскорбление" народной демократии, когда они одевались девочками и пользовались макияжем. Они разъярили суду, что они делали это для того, чтобы "выбивать деньги из богатых молодых людей". В июне еще одна иранская газета сообщила, что один молодой человек в Масхаде был наказан 20

ударами плетью за "оскорбление общественной морали" путем выщипывания бровей и нанесения теней. В марте одна из иранских газет сообщила, что в Масхаде шесть человек были приговорены к 18 месяцам тюремного заключения и 228 ударам плетью за то, что они заставляли прохожих танцевать на улице"... (A/54/365, пункт 38).

3.7 Заявитель подчеркивает, что решения государства-участника отказать ему в предоставлении статуса беженца основаны на предполагаемых расхождениях, и в частности, на том, что К.Х. во время слушаний по его заявлению о предоставлении убежища не упоминал о том, что заявитель был задержан в Иране. Заявитель утверждает, что К.Х. упомянул лишь о его гомосексуальных связях с ним, и объяснил, что у его партнера также были проблемы, не приводя при этом никаких подробностей. Заявитель также ссылается на правовую практику Комитета, в соответствии с которой от жертв пыток редко можно ожидать полной точности.

3.9 В заключение заявитель указывает, что отказ в его просьбе остаться в государстве-участнике, поскольку он обвинялся в серьезном преступлении, не совместим с абсолютным характером статьи 3 Конвенции. Кроме того, заявитель утверждает, что он не представляет угрозы для голландского общества, поскольку он совершил преступление в состоянии аффекта, что подтверждается решением суда от 22 июня 1995 года.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа дела

4.1 В представлении от 21 ноября 2000 года государство-участник вынесло свои замечания по существу дела, не приводя никаких оснований для неприемлемости.

4.2 Ссылаясь на правовую практику Комитета, государство-участник напоминает о том, что для того, чтобы персонально подвергаться опасности применения пыток по смыслу статьи 3 Конвенции должна существовать не только закономерность грубых нарушений прав человека в стране, в которую был выслан заявитель, но и конкретные основания, указывающие на то, что заявитель лично подвергается опасности применения пыток. Оно также напоминает о том, что термин "серьезные основания" означает, что применение пыток весьма вероятно и что данное лицо должно столкнуться с предсказуемой, реальной и персональной опасностью быть подвергнутым пыткам, если толковать это в свете замечания Комитета общего порядка № 1 об осуществлении статьи 3.

4.3 Касаясь положения в Иране, государство-участник, ссылаясь на некоторые мнения Комитета, утверждает, что, хотя положение в стране вызывает тревогу, это еще не говорит о том, что любое лицо, возвращаемое в Иран, может подвергаться опасности применения пыток. Кроме того, гомосексуализм заявителя сам по себе не представляет опасности, не совместимой со статьей 3 Конвенции. Ссылаясь на ряд докладов по отдельным странам, подготовленных его собственными службами, государство-участник придерживается мнения о том, что, хотя в Иране запрещены гомосексуальные акты, которые могут повлечь за собой вынесение смертного приговора, фактически политика судебного преследования не проводится. Даже если обвинение в гомосексуализме в некоторых случаях присовокупляется к целому ряду других обвинений, нет известных случаев обвинений, в том числе по усмотрению судов, исключительно за совершение гомосексуальных актов. Кроме того, отмечается, что Верховный комиссар Организации Объединенных Наций по делам беженцев "не смог проследить какие-либо случаи казни лиц, обвиненных в гомосексуальных отношениях".

4.4 В отношении политической деятельности его брата А.А. государство-участник считает, что заявитель не привел обоснованных доказательств того, что она будет означать для него персональную, реальную и предсказуемую опасность применения пыток, поскольку его заявления в этом отношении были непоследовательными, туманными и почти без каких-либо подробностей. Согласно различным опросам, заявитель арестовывался один раз, пять или шесть раз, или более 40 раз в связи с политической деятельностью своего брата. Кроме того, заявитель утверждал, что его брат был руководителем группы муджахедов, в то время как сам брат говорил властям государства-участника, что он только симпатизировал муджахедам и распространял брошюры, но никакой другой деятельности против иранского правительства не вел.

4.5 Государство-участник считает маловероятным, что, несмотря на то, что заявитель в связи с этим не сталкивался ни с какими проблемами до своей поездки в Нидерланды в марте 1992 года с разрешения властей, он по возвращении в Иран был арестован, его паспорт изъят и его допрашивали в связи с деятельностью его брата. Государство-участник ссылается на доклады министерства, в соответствии с которыми лица, деятельность которых подвергается сомнению властями, не могут выезжать за границу, и отмечает, что тысячи иранцев ежегодно выезжают за границу, не встречая никаких проблем по возвращении в страну.

4.6 Кроме того, государство-участник утверждает, что, даже если предположить, что заявитель был действительно арестован по возвращении в Иран в апреле 1992 года, тот факт, что он вскоре после этого был освобожден без всяких препятствий и что политическая деятельность его брата происходила 17 лет назад, не может служить свидетельством того, что заявитель по этой причине подвергался опасности применения пыток.

4.7 В связи с его сексуальной ориентацией государство-участник принимает к сведению объяснения заявителя о том, что до августа 1992 года и до его отбытия из Ирана в августе 1993 года он в этом отношении не имел никаких проблем с иранскими властями. Кроме того, государство-участник считает, что его арест в августе 1992 года по причине его гомосексуализма не заслуживает доверия потому, что заявитель скрывал свою сексуальную ориентацию. При этом мало вероятно, что его партнер К.Х., чей гомосексуализм не вызывал сомнения, не был арестован. Тот факт, что К.Х. не упомянул об аресте заявителя во время слушаний о предоставлении ему убежища, также дает повод для сомнений относительно правдивости этого заявления, учитывая важность такой подробности.

4.8 Относительно смертного приговора, который был ему вынесен по причине его гомосексуализма, заявитель на своем первом допросе сказал, что он не получал какого-либо документа, определяющего меру его наказания. В

апреле 1994 года он заявил, что его приговор был подсунут под дверь камеры, привязанный к куску шпагата. Позднее он заявил, что ему было сказано о том, что он должен умереть потому, что он гомосексуалист. И наконец, в декабре 1994 года он заявил, что его смертный приговор был зачитан ему в отделении Монкерата.

4.9 Государство-участник отмечает, что сообщение заявителя о его содержании под стражей и побеге, т.е., что вечером не было охраны и он смог проникнуть в мусороуборочную машину без всяких проблем, несовместимо с содержанием под стражей лица, которому вынесен смертный приговор.

4.10 Государство-участник считает, что правовая практика Комитета, связанная с вопросами несоответствия и расхождений, допущенных жертвами пыток в их заявлениях о совершенных над ними надругательствах, не применима к настоящему делу, поскольку предполагаемые противоречия в сообщении заявителя касаются основных факторов, связанных с его преследованием.

4.11 Что касается медицинских заключений, представленных заявителем, то государство-участник утверждает, что они противоречат факту отсутствия правдивости заявителя относительно его причин поиска убежища. В связи с этим государство-участник считает, что нет необходимости рассматривать вопрос о том, являются ли предполагаемые физические симптомы свидетельством пыток и таким образом дают основания для оценки жалобы заявителя и что заявитель сам должен это обосновать, представив достоверные объяснения. Кроме того, врачи делают свои медицинские заключения, исходя исключительно из ограниченного контекста представленных им сообщений, поэтому причины медицинского состояния заявителя нельзя установить объективно.

4.12 В заключение государство-участник считает, что заявитель не доказал, что после его прибытия в Нидерланды его сексуальная ориентация стала известна иранским властям, и, вновь ссылаясь на сообщения своего министерства иностранных дел, согласно которым гомосексуализм по-прежнему остается табу в иранском обществе, маловероятно, что семья К.Х. сообщила властям о причинах его смерти. Заявитель также не доказал, что он может быть заключен в тюрьму в Иране, не говоря уже о том, что он может подвергнуться пыткам из-за убийства К.Х., совершенного в другой стране.

Комментарии адвоката

5.1 В представлении от 30 мая 2002 года адвокат заявителя передал свои комментарии по замечаниям государства-участника.

5.2 Что касается отсутствия известных за последнее время случаев преследования исключительно по обвинению в гомосексуализме, то адвокат подчеркивает, что, по словам заявителя, это вовсе не означает, что этого не происходит, и что, как известно, иранские власти неохотно дают информацию об уголовных преследованиях. Кроме того, согласно докладу Международной амнистии, переданному государству-участнику 7 ноября 2001 года, в Иране в июле 2001 года подверглись пыткам 100 человек, по меньшей мере 10 человек были повешены и Верховный суд утвердил 100 смертных приговоров. Поскольку подоплеку этих событий в большинстве случаев установить сложно, гомосексуализм в ряде случаев может быть предметом разбирательства.

5.3 Заявитель подчеркивает замечание государства-участника о том, что гомосексуальные акты зачастую преследуются в судебном порядке наряду с другими пунктами обвинения. Он указывает, что именно этого он ожидает в связи с его делом, поскольку тело его партнера было возвращено в Иран. Это дает иранским властям основание добавить к обвинению в гомосексуализме обвинение в убийстве. Заявитель считает, что совершенное им убийство уже само по себе представляет собой риск быть подвергнутым пыткам по возвращении в Иран и что тот факт, что он уже был наказан в Нидерландах, является несущественным.

5.4 Что касается предполагаемых противоречий и несоответствий в его изложении фактов, то заявитель считает, что государство-участник неправильно истолковало его слова, особенно в том, что касается его задержания в связи с политической деятельностью его брата. Во время первой беседы с голландскими властями заявитель упомянул, что он был арестован один раз в связи с гомосексуализмом и несколько раз в связи с политической деятельностью его брата. Его последующие заявления так или иначе связаны с отдельными и разными арестами. И наконец, заявитель отмечает, что он не в состоянии сопоставить его беседы с беседами его брата, поскольку досье было ему передано государством-участником.

5.5 Что касается предполагаемой неправдоподобности того факта, что его арестовали в августе 1992 года за гомосексуализм, поскольку он скрывал свою сексуальную ориентацию, то заявитель вновь повторяет, что он был арестован после жалоб со стороны соседей, которые видели его с К.Х., который был явным гомосексуалистом. Кроме того, заявитель считает, что совершенно понятно, почему К.Х. скрывался.

5.6 Что касается того, что К.Х. не упоминал о задержании заявителя во время слушания вопроса о предоставлении ему убежища, то отмечается, что К.Х. конкретно не допрашивали по этому вопросу и беседы были короткими.

5.7 Заявитель подтверждает, что он никогда не получал какого-либо документа о вынесении ему смертного приговора и что ему только сообщили об этом, когда документ с текстом приговора был подсунут под дверь камеры и затем вытаскен назад.

5.8 В заключение заявитель представляет дополнительные сообщения, подготовленные "Stichting Centrum '45" - организацией, занимающейся проблемами травмированных жертв войны и тех, кто ищет убежища. Согласно этим сообщениям, его положение ухудшается и существует серьезная опасность совершения самоубийства. Вопреки утверждениям государства-участника, заявитель считает, что медицинские заключения служат доказательством в

поддержку его заявления. Кроме того, он отмечает, что он уже доказал обоснованность медицинских заключений.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 До рассмотрения каких-либо претензий, содержащихся в сообщении, Комитет должен решить, приемлемо ли оно в соответствии со статьей 22 Конвенции. Комитет установил, как это требуется в соответствии с пунктом 5 а) статьи 22 Конвенции, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования.

6.2 Кроме того, Комитет отмечает, что государство-участник не представило каких-либо возражений относительно приемлемости сообщения, в том числе относительно исчерпывания внутренних средств правовой защиты. В связи с этим Комитет признает сообщение приемлемым и незамедлительно приступает к его рассмотрению по существу.

7.1 Комитет должен решить, будет ли насильственное возвращение заявителя в Исламскую Республику Иран нарушением обязательства государства-участника по пункту 1 статьи 3 Конвенции не высылать или возвращать (*refouler*) какое-либо лицо другому государству, если существует серьезное основание полагать, что ему может угрожать там применение пыток. Чтобы сделать свое заключение, Комитет должен учесть все соответствующие соображения, в том числе наличие в соответствующем государстве закономерности грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Однако цель состоит в том, чтобы определить, подвергается ли соответствующее лицо лично опасности применения пыток в стране, куда оно должно вернуться. Отсюда следует, что наличие закономерности грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в стране само по себе не представляет серьезных оснований для того, чтобы определить, будет ли конкретное лицо подвергаться опасности применения пыток по его возвращении в эту страну: необходимы дополнительные основания для того, чтобы определить, что конкретное лицо будет лично подвергаться такой опасности. И наоборот, отсутствие закономерности грубых нарушений прав человека вовсе не означает, что то или иное лицо можно считать вне опасности применения пыток в его конкретных обстоятельствах.

7.2 В настоящем случае Комитет отмечает, что политическая деятельность брата заявителя происходила более 17 лет тому назад и что сама по себе она не может означать опасность для заявителя быть подвергнутым пыткам в случае его возвращения в Иран.

7.3 Что касается предполагаемых трудностей, с которыми столкнулся заявитель по причине своей сексуальной ориентации, то Комитет отмечает ряд противоречий и несоответствий в его изложении имевших место в прошлом злоупотреблений со стороны иранских властей, а также факт того, что часть его заявлений не была подкреплена адекватными доказательствами или не является правдоподобной.

7.4 Комитет также отмечает, что, согласно информации, полученной из различных и надежных источников, в настоящее время в Иране не проводится активной политики судебного преследования по обвинениям в гомосексуализме.

7.5 В свете аргументов, представленных заявителем и государством-участником, Комитет считает, что заявитель не представил ему достаточных доказательств, позволяющих сделать вывод о том, что в настоящее время последний будет подвергаться предсказуемой и персональной опасности применения пыток в случае его возвращения в страну происхождения.

8. Действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Комитет против пыток считает, что заявитель не обосновал своего утверждения о том, что он будет подвергаться пыткам по своему возвращению в Исламскую Республику Иран, и поэтому заключает, что возвращение заявителя в эту страну не будет являться нарушением государством-участником статьи 3 Конвенции.

Примечание

а Заявитель объясняет, что ему так и не показали копию судебного решения, а только информировали о смертном приговоре в документе, который был подсунут под дверь его камеры, а затем сразу убрался назад. В связи с этим он не может указать точную дату принятия судебного решения.

Жалоба № 191/2001

Представлена: Ш.С. (представлен адвокатом)

Предполагаемая жертва: Ш.С.

Государство-участник: Нидерланды

Дата представления жалобы: 20 сентября 2001 года (первоначальное представление)

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 5 мая 2003 года,

завершив рассмотрение жалобы № 191/2001, представленной Комитету против пыток г-ном Ш.С. в соответствии со

статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв во внимание всю информацию, представленную ему автором сообщения, его адвокатом и государством-участником,

принимает следующее решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции.

1.1 Заявителем является г-н Ш.С., гражданин Шри-Ланки, относящийся к тамильской национальной группе, родившийся 27 ноября 1956 года в Кайтсе (Джафна), который в настоящее время проживает в Нидерландах и ожидает депортации в Шри-Ланку. Он утверждает, что его принудительное возвращение в Шри-Ланку является нарушением Нидерландами статьи 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Он представлен адвокатом.

1.223 октября 2001 года Комитет препроводил жалобу государству-участнику для изложения замечаний и на основании пункта 1 правила 108 правил процедуры Комитета просил его не высылать заявителя в Шри-Ланку, пока его жалоба находится на рассмотрении Комитета. Государство-участник удовлетворило эту просьбу.

Факты в изложении заявителя

2.1 В 1989-1995 годах заявитель проживал в Джафне, где работал тренером по каратэ. Он также тренировал членов организации "Тигры освобождения Тамил-Илама" (ТОТИ), но, хотя он и сочувствовал ТОТИ, но отказался проводить тренировки в их военных лагерях. Когда ланкийская армия в конце 1995 года заняла Джафну, он с женой и детьми бежал сначала в Чавакачери, а затем - в Киллиночи.

2.27 апреля 1996 года мать заявителя умерла в Тринкомале, который контролировался частично ТОТИ, частично - армией Шри-Ланки. Автор хотел съездить в Тринкомале на могилу матери, но члены ТОТИ отказали ему в выдаче выездного пропуска, поскольку он не нашел себе какого-либо поручителя. В июне 1996 года в качестве вознаграждения за занятия каратэ с некоторыми членами ТОТИ ему наконец удалось получить разрешение на то, чтобы вместе с сопровождающим выехать в Муллаитиву, находящийся в районе, контролируемом ТОТИ. После двухмесячного пребывания в Муллаитиву в доме одного из рыбаков он на рыбацкой лодке отправился в районе Тринкомале. В течение двух-трех месяцев он жил у одного из тамильских жителей в районе Анбувелипурам, после чего в ноябре 1996 года добрался до дома своей сестры в центре Тринкомале.

2.313 декабря 1996 года, через два дня после бомбардировки силами ТОТИ военного лагеря ланкийской армии, регулярные войска заняли Тринкомале и арестовали целый ряд лиц, включая заявителя. Все лица в возрасте старше 12 лет были построены перед храмом, после чего человек в маске отобрал из их числа заявителя вместе с другими мужчинами. Заявитель был доставлен в военный лагерь в Тринкомале, где он содержался примерно два месяца. Вместе с тремя другими мужчинами его держали в узкой полутемной камере с бетонным полом, без мебели и кормили раз в день малосъедобной пищей. Поскольку в камере не было туалета, заключенные были вынуждены справлять нужду в углах помещения, которые вычищались от случая к случаю. Сообщалось, что солдаты регулярно приходили в камеру, особенно после вооруженных нападений со стороны ТОТИ, чтобы издеваться над заключенными, пинать и избивать их, иногда при этом задавая вопросы. Заявитель утверждает, что его спросили, является ли он тренером по каратэ, на что он дал отрицательный ответ. Его и других мужчин часто держали обнаженными или одетыми только в нижнее белье. Нередко солдаты обливали их водой, после чего избивания возобновлялись. Заявителя избивали ладонью, кулаком, прикладом и резиновой дубинкой. Однажды его били палкой по ступням, после чего ноги несколько дней сильно болели. В другой раз его поставили перед шкафом с поднятыми руками и били по спине резиновой дубинкой; после этого в спине начались хронические боли, которые, как он утверждает, продолжают до сих пор. Его ударили кулаком в глаз, в результате чего была повреждена бровь. Солдаты также били его по половым органам и по почкам, что привело к опухоли одного яичка и появлению крови в моче. Кроме того, заявитель утверждает, что его левую руку прижигали раскаленным прутком, и на ней остались рубцы. Большой палец его правой ноги был искалечен после того, как истязавшие его солдаты наступали на него ботинками. Когда солдаты разбитой бутылкой порезали ему правую руку и спросили: "Так ты тренер по каратэ?", он потерял сознание.

2.4 Заявитель очнулся в госпитале военного лагеря, где провел несколько дней, после чего неизвестный мусульманин по имени Нухуман смог организовать ему побег. Заявитель подозревает, что его сестра заплатила Нухуману, который подкупил охрану, дежурившую перед его палатой. Заявитель утверждает, что вместе с Нухуманом ему удалось без всяких трудностей выйти из госпиталя и покинуть военный лагерь.

2.5 Нухуман довез заявителя до Коломбо, откуда тот 14 февраля 1997 года вылетел из Шри-Ланки по поддельному ланкийскому паспорту на имя Мохамеда Али. Сначала он прилетел в Дубай, затем - на Украину, где пробыл пять месяцев. 1 августа 1997 года русский "турагент" доставил его на грузовике в неизвестное место, откуда он с пятью другими тамилами переправился через реку. Они прибыли в неизвестный заявителю польский город и сели на поезд в Берлин. 14 августа 1997 года русский гид доставил заявителя в Нидерланды, где он 15 августа 1997 года подал ходатайство о предоставлении ему убежища и вида на жительство. В тот же день его впервые допросил сотрудник Департамента по вопросам иммиграции и натурализации Нидерландов (ДИН), который задал ему вопросы о его личных данных и национальности, гражданском состоянии, родственных связях, проездных и других документах, о дате и способе выезда из Шри-Ланки, а также о том маршруте, который он проделал до Нидерландов.

2.6 Письмом от 16 февраля 1998 года заявитель обратился в ДИН с жалобой на то, что этот орган не вынес решения по его ходатайству о предоставлении убежища в установленный шестимесячный срок, что, согласно существующей

практике, равносильно отказу в удовлетворении ходатайства (см. пункт 4.2 ниже). 7 апреля 1998 года он обратился в окружной суд Зволле с апелляцией на то, что ДИН не вынес своевременного решения по его жалобе. 4 июня 1998 года он отозвал эту апелляцию после того, как ДИН обещал ему оперативно вынести решение, но возобновил ее письмом от 28 августа 1998 года, поскольку ДИН не сдержал своего обещания. Постановлением от 18 ноября 1998 года окружной суд обязал ДИН вынести решение по ходатайству заявителя в течение шести недель.

2.76 октября 1998 года заявитель был допрошен второй раз при содействии переводчика. В ходе трехчасовой беседы он подтвердил сделанное им на первом допросе заявление о том, что на момент его отъезда в июне 1996 года его жена находилась на третьем месяце беременности, что после отъезда из Киллиночи он с ней больше не встречался и что в течение двух месяцев он скрывался в Муллаитиву. По вопросу о его семейном положении он указал, что его отец погиб в ходе налета ланкийской авиации и что одна из его дочерей умерла от лихорадки, поскольку из-за комендантского часа ее не удалось доставить в больницу. В письме от 1 декабря 1998 года бывший адвокат заявителя оспорил порядок ведения второго допроса. Наряду с этим он представил письма, полученные заявителем от его жены, в которых говорилось о том, что 21 мая 1997 года она родила ребенка.

2.811 февраля 1999 года заявитель был заслушан комиссией ДИН. Основное внимание в ходе слушания уделялось противоречию между утверждением заявителя о том, что на момент его отъезда в июне 1996 года его жена находилась на третьем месяце беременности, и тем фактом, что 21 мая 1997 года она родила ребенка. В конце слушания бывший адвокат заявителя сообщил комиссии о том, что он прояснит этот вопрос. В письме от 26 февраля заявитель информировал ДИН о том, что заявитель настаивает на том факте, что в июне 1996 года его жена находилась на третьем месяце беременности. Кроме того, в период своего пребывания в Муллаитиву он, строго говоря, не скрывался, и его жена время от времени посещала его там. У его жены случились преждевременные роды; этот факт тяжело воспринимается в индуистской культуре, поскольку, согласно религии индуизма, случившийся выкидыш означает повторное рождение умершей матери заявителя. Даже своему родному брату заявитель не сообщал об этой трагедии вплоть до февраля 1999 года.

2.915 марта 1999 года и 22 апреля 1999 года ДИН направил в Отдел медицинского освидетельствования консультации (ОМО) запрос о том, нуждался ли заявитель в лечении и был ли он достаточно здоров для поездки. 20 мая 1999 года ДИН отклонил жалобу на отсутствие своевременного решения по ходатайству заявителя, касающемуся статуса беженца. Наряду с этим заявителя проинформировали о том, что его высылка из Нидерландов будет отложена до получения медицинского заключения от ОМО. ДИН обосновал свое решение следующим образом: а) тот факт, что заявитель является тамиллом, сам по себе не служит достаточным основанием для предоставления убежища; б) в показаниях заявителя относительно сроков беременности его жены и периода, когда он скрывался в Муллаитиву, имеются противоречия; в) описание побега заявителя из военного госпиталя неправдоподобно, учитывая, что, по его собственному мнению, он являлся достаточно важным заключенным; а также д) гуманитарные соображения для выдачи вида на жительство отсутствуют. ДИН пришел к выводу, что в случае возвращения в Шри-Ланку заявитель не будет подвергаться опасности применения пыток и что нет оснований для ссылки на наличие посттравматического стрессового расстройства в качестве причины для его допуска в страну, поскольку его утверждения о пытках не вызывают доверия. К этому решению был приложен перечень имеющихся средств обжалования с информацией заявителю о том, что его высылка будет приостановлена в случае подачи апелляции в суд.

2.1016 июня 1999 года заявитель подал апелляцию на это решение в окружной суд Зволле, обосновав ее следующим образом: а) ДИН не имел оснований не принимать его пояснение в отношении сроков беременности его жены; б) его подробное изложение фактов, а также наличие шрамов на его теле опровергают вывод ДИН о том, что его утверждения о пытках неправдоподобны; в) подкуп военнослужащих является широко распространенным явлением в Шри-Ланке и заслуживающим доверия объяснением его побега из военного госпиталя; д) ДИН не принял в расчет показания его брата, данные 12 лет назад при подаче его собственного ходатайства об убежище в Нидерландах, которые подтверждают, что у заявителя всегда были проблемы из-за его владения каратэ; а также е) перенесенные им пытки являлись достаточным основанием для того, чтобы сослаться в его случае на наличие посттравматического стрессового расстройства.

2.11. Медицинское заключение ОМО было выдано 14 декабря 1999 года; в нем говорилось, что на момент освидетельствования заявитель страдал расстройством здоровья, включая боли в нижней части спины и проблемы со зрением, что он не проходил специального лечения, что он был способен совершать поездки и никакого серьезного обострения в состоянии его здоровья не ожидалось.

2.12 Письмом от 8 ноября 2000 года ДИН проинформировал заявителя о том, что отсрочка его высылки будет отменена. В письме от 15 ноября 2000 года адвокат заявителя представил ходатайство о промежуточном судебном запрете в Гаагский окружной суд.

2.13 По просьбе адвоката заявителя группа медицинских экспертов нидерландской секции "Международной амнистии" 12 июня 2001 года выдала медицинское заключение о том, что на теле заявителя имеется несколько рубцов и что ему не удастся полностью разгибать указательный палец. Рубцы на его теле, особенно следы ожогов на левой руке, повреждение большого пальца ноги и потемнение кожи в области глаза по внешнему виду, подтверждают его показания о пытках, а проблемы с указательным пальцем заявителя могут быть вызваны предполагаемым ранением разбитой бутылкой. В заключении также указано, что никаких внутренних повреждений спины заявителя выявить не удалось, но это не исключает возможную взаимосвязь между очевидными хроническими болями в спине заявителя и предположительно перенесенными им избиениями. Наконец, в заключении указано, что наблюдаемые у заявителя психологические симптомы - такие, как постоянные переживания из-за пережитых им событий, его повышенная восприимчивость и сверхвозбудимость, проблемы с

концентрацией внимания и бессонница, - являются типичными симптомами посттравматического стрессового расстройства.

2.142 июля 2001 года Гаагский окружной суд отклонил апелляцию на решение ДИН от 20 мая 1999 года как необоснованную и указал, что принятие промежуточных мер не является допустимым. Он счел, что утверждения заявителя не вызывают доверия из-за противоречивой информации о сроках беременности его жены и из-за того, что он не представил доказательств того, что он действительно скрывался, находясь в Муллаитиву. Суд также указал, что для ссылки на наличие посттравматического стрессового расстройства нет оснований и что интересы заявителя не были ущемлены тем, что ДИН вынес свое решение, не дожидаясь медицинского заключения ОМО. Кроме того, суд счел, что заявитель не относится к категории лиц, которым в случае возвращения в Шри-Ланку грозила бы опасность подвергнуться обращению, нарушающему статью 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Комментарии адвоката

3.1 Адвокат утверждает, что выводы окружного суда не исключают, что в случае его возвращения в Шри-Ланку заявитель может подвергнуться серьезной опасности применения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения, и поэтому Нидерланды нарушат статью 3 Конвенции, если он вернется в Шри-Ланку.

3.2 Относительно достоверности показаний заявителя адвокат утверждает, что основная часть его информации относится скорее к периоду его содержания под стражей и в военном лагере Тринкомале, нежели к вопросу о сроках беременности его жены и о времени родов.

3.3 Адвокат оспаривает порядок проведения второго допроса в ДИН и процедуру уличения заявителя в несовпадении его показаний о сроках беременности жены и о том, как он скрывался в Муллаитиву.

3.4 Адвокат указывает, что, помимо медицинского заключения ОМО, ДИН должен был рассмотреть заключение медицинских экспертов "Международной амнистии", которое, по мнению адвоката, подтверждает изложенную заявителем информацию и свидетельствует о полученных им травмах. Адвокат заявляет, что сомнения следует толковать в пользу заявителя, поскольку в делах о предоставлении убежища вряд ли возможно представить полные доказательства.

3.5 По мнению адвоката, заявителя нельзя возвращать в ту часть Шри-Ланки, которая контролируется ТОТИ, поскольку положение в этом районе обычно является небезопасным из-за военных действий между ТОТИ и армией Шри-Ланки и ввиду того, что заявителю следует опасаться преследования за выезд из этого района без разрешения ТОТИ. Аналогичным образом, заявителя, по мнению адвоката, нельзя высылать и в южную часть Шри-Ланки, где ему будет угрожать опасность подвергнуться пыткам, поскольку а) из-за его прошлой известности как тренера по каратэ возникнут подозрения в его причастности к ТОТИ, б) наличие рубцов на его теле может привести к выводу о том, что он участвовал в боевых действиях или по меньшей мере проходил подготовку в рядах ТОТИ, и с) его тамильское происхождение, незнание сингальского языка и тот факт, что у него нет письменного разрешения или видимых причин оставаться в южной части территории страны, повышает опасность его ареста и возможного применения пыток со стороны полиции Шри-Ланки.

3.7 Адвокат делает вывод о том, что в случае возвращения в Шри-Ланку заявитель подвергнется серьезной опасности ареста и более длительного содержания под стражей, чем те 48-72 часа, на которые задерживают тамилы для выяснения личности. По мнению адвоката, опасность применения пыток в течение столь продолжительного периода содержания, как правило, высока.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа дела

4.122 апреля 2002 года государство-участник представило свои замечания по существу жалобы. Оно не оспаривает приемлемость жалобы.

4.2 Государство-участник указывает, что из-за высокой плотности населения в Нидерландах прием просителей убежища в страну ограничен тремя критериями: а) статусом беженца по Конвенции 1951 года о статусе беженцев, б) защитой жизненных интересов Нидерландов и с) императивными соображениями гуманитарного характера. Для предоставления статуса беженца по пункту а) требуется наличие обоснованных причин опасаться преследования за религиозные, идеологические или политические убеждения или национальность либо по причине принадлежности к какой-либо определенной расе или социальной группе. При рассмотрении кандидатуры на получение статуса беженца голландские власти также рассматривают вопрос о том, будет ли возвращение заявителя в страну происхождения противоречить обязательствам государства-участника по статье 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания и по статье 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Ходатайства о предоставлении убежища рассматриваются ДИН, находящимся в подчинении министерства юстиции. После первой и второй беседы с заявителем сотрудник ДИН, проводивший вторую беседу, составляет отчет, по которому заявитель может высказывать замечания. Юридическая практика показывает, что невынесение решения со стороны ДИН по ходатайству о предоставлении убежища в шестимесячный срок равнозначно отрицательному решению, которое заявитель вправе обжаловать. Если в обоснование своего ходатайства заявитель приводит доводы медицинского характера, у Отдела медицинского освидетельствования (ОМО) при министерстве юстиции может быть запрошено медицинское заключение, имеющее юридическую силу экспертной оценки. Если вынесено решение о высылке

заявителя, то его исполнение приостанавливается в ожидании заключения ОМО.

4.3В связи с положением в области прав человека в Шри-Ланке государство-участник ссылается на три постановления окружного суда Гааги и на страновые доклады министерства иностранных дел Нидерландов за 1996-2001 годы, в которых указано, что возвращение тамильских заявителей, которым отказано в предоставлении убежища, в контролируемые правительством районы на западе, в центре и на юге Шри-Ланки, где для расселения не требуется регистрации в органах полиции или в других структурах, попрежнему является целесообразной процедурой. Однако в докладе за 2000 год также говорится, что в этих районах тамилы нередко задерживают на срок до 72 часов для выяснения личности. Кроме того, в Коломбо тамилы в ряде случаев преследовались сингалским населением и иногда подвергались пыткам со стороны сотрудников полиции по подозрению в причастности к ТОТИ. В страновых докладах также указан ряд факторов риска, которые обуславливают либо а) общую опасность подвергнуться аресту на 48-72 часа для выяснения личности, либо б) серьезную опасность быть задержанным на более длительный период, когда угроза применения пыток значительно возрастает. Факторы риска по пункту а) включают: i) молодой возраст, ii) слабое владение сингалским языком и iii) тамильское происхождение. К факторам риска по пункту б) относятся: i) недавнее прибытие в Коломбо из какого-либо охваченного войной района страны, ii) отсутствие действительных документов, удостоверяющих личность, iii) наличие в полицейской картотеке данных о том, что то или иное лицо могло участвовать в деятельности ТОТИ или быть осведомлено об этой деятельности и iv) наличие на теле какого-либо лица шрамов в случае, если оно уже подозревается в причастности к ТОТИ. При наличии убедительных доказательств в причастности к ТОТИ соответствующее лицо может быть задержано на период до 18 месяцев в соответствии с законом о чрезвычайном положении или с законом о борьбе с терроризмом.

4.4Относительно утверждения заявителя по статье 3 Конвенции государство-участник указывает, что, даже если в Шри-Ланке имеют место систематические серьезные нарушения прав человека, это само по себе не является достаточным основанием полагать, что тому или иному конкретному лицу в случае его возвращения в страну будет угрожать применение пыток. Согласно правовой практике Комитета, должны иметься конкретные основания, указывающие на то, что именно этому лицу будет грозить опасность применения пыток. Государство-участник также ссылается на практику Комитета, в соответствии с которой упомянутые в статье 3 "серьезные основания" предполагают нечто большее, чем просто наличие возможности применения пыток.

4.5По мнению государства-участника, в случае его возвращения в Шри-Ланку заявитель не будет подвергаться реальной, персональной и прогнозируемой опасности подвергнуться пыткам. Один лишь факт его тамильского происхождения сам по себе не является достаточным основанием для констатации такой опасности. Кроме того, государство-участник указывает, что утверждения заявителя не вызывают доверия; это обусловлено противоречием между его утверждением о беременности его жены и обстоятельствами пребывания в Муллаитиву. Государство-участник указывает, что это пояснение расходится по основным пунктам с его прежними заявлениями и что такое расхождение нельзя объяснить исключительно неадекватностью перевода утверждений заявителя. Даже если культурные традиции его народности не позволяли рассказывать о случившемся у его жены выкидыше, ему не было нужды давать ложные показания об обстоятельствах его пребывания в Муллаитиву. Государство-участник также считает, что ущерб правдивости заявителя нанесен его утверждениями об обстоятельствах побега из военного лагеря в Тринкомале. Вряд ли он смог бы без труда совершить побег из этого лагеря, охранявшегося ланкийскими военнослужащими.

4.6Государство-участник добавляет, что заявителю не удалось убедительно показать, что власти Шри-Ланки будут считать его подозреваемым. Его утверждение о том, что у него будут трудности с властями, было основано на предположении, не подтвержденном объективными фактами. Единственным доказательством в обоснование его утверждений являлись письма членов его семьи и друзей. В отношении возможных санкций со стороны ТОТИ, в случае возвращения на подконтрольную ТОТИ часть территории Шри-Ланки, государство-участник заявляет, что такие санкции не подпадают под определение пытки, содержащееся в статье 1, и, следовательно, не относятся к статье 3 Конвенции. Поскольку, согласно статье 1, "определение "пытка" означает любое действие, ... причиняемое государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия", действия негосударственных субъектов - таких, как ТОТИ, - с точки зрения Конвенции не могут рассматриваться как представляющие собой пытку.

4.7Что касается медицинского заключения экспертов "Международной амнистии", то государство-участник указывает, что оно лишь подтверждает частичное соответствие медицинских симптомов заявителя его утверждениям. Из этого заключения не следует, что ему удалось убедительно доказать, что наличие этих симптомов, а также рубцов на его теле является следствием применения пыток.

4.8В заключение государство-участник указывает, что, учитывая общее положение в Шри-Ланке и личные обстоятельства заявителя, нет существенных оснований полагать, что заявителю в случае его возвращения в Шри-Ланку будет угрожать реальная, персональная и прогнозируемая опасность подвергнуться пыткам в нарушение статьи 3 Конвенции.

Комментарии заявителя по замечаниям государства-участника

5.1Адвокат утверждает, что заявитель был лишен возможности опротестовать решение ДИН от 20 мая 1999 года по существу дела, поскольку он уже подал жалобу в связи с невынесением ДИН своевременного решения по его ходатайству о предоставлении убежища, тем самым утратив возможность представления аргументов в адрес ДИН по существу своего ходатайства до передачи дела в суд.

5.2В связи с информацией медицинского характера адвокат подвергает критике то обстоятельство, что медицинское заключение ОМО ограничивалось ответом на вопрос о том, удовлетворяет ли состояние здоровья заявителя критериям его приема в качестве беженца, а вопрос о том, подтверждаются ли его утверждения о перенесенных пытках его жалобами на состояние здоровья и рубцами на его теле, не рассматривался. Адвокат далее указывает, что государство-участник недооценило медицинское заключение группы врачей "Международной амнистии", которые составляют протоколы освидетельствования лишь в ограниченном числе достоверных случаев.

5.3Что касается общего положения в Шри-Ланке, то, по утверждению адвоката, при составлении оценки государство-участник опиралось прежде всего на страновые доклады, подготовленные министерством иностранных дел, не рассматривая сведения из других соответствующих источников.

5.4В отношении оспаривания государством-участником достоверности утверждений заявителя адвокат не согласен с тем, что его клиент давал непоследовательную информацию. Он подчеркивает, что замечания государства-участника о том, что заявитель счел качество перевода беседы "плохим", является упрощением его аргументации. Между тем он выделил различные варианты перевода слова "скрываться" на голландский язык, каждый из которых имел иное значение.

5.5Адвокат указывает, что от заявителя нельзя разумно ожидать подробного подтверждения обстоятельств его побега из военного госпиталя в Тринкомале.

5.6В связи с грозящей лично заявителю опасностью подвергнуться пыткам в случае его возвращения в Шри-Ланку заявитель указывает, что его репутация как тренера по каратэ усугубляет эту опасность. В этой связи адвокат подвергает критике то обстоятельство, что государство-участник не рассматривало информацию об уровне подготовки заявителя в области каратэ, изложенную его братом в ходе процедуры подачи ходатайства о предоставлении ему убежища в Нидерландах. Согласно этой информации, заявитель покинул Шри-Ланку в 1984 году и проживал в Катаре (до 1987 года), поскольку его подозревали в подготовке членов ТОТИ. Кроме того, адвокат указывает, что тот факт, что заявитель в прошлом подвергался пыткам, в сочетании с общей опасностью применения пыток к лицам, подозреваемым в причастности к ТОТИ, свидетельствует о том, что заявителю в случае его возвращения в Шри-Ланку будет угрожать серьезная опасность быть задержанным и подвергнуться пыткам. Эта опасность усугубляется вероятностью того, что фамилия заявителя была введена в базу данных национального разведывательного бюро при его аресте в Тринкомале в 1996 году. Адвокат считает, что, скорее всего, в ходе обычного анализа властями Шри-Ланки личных данных тамильских просителей убежища, ходатайства которых были отклонены, обстоятельства ареста заявителя и его содержания под стражей в военном лагере непременно всплывут наряду с информацией о том, что он работал тренером по каратэ в Джафне. Кроме того, наличие шрамов на его теле даст основания подозревать его в участии в боевых действиях на стороне ТОТИ. Адвокат приходит к выводу о том, что ввиду сочетания этих факторов заявителю будет грозить серьезная персональная опасность подвергнуться пыткам, степень которой выходит за рамки "простой возможности".

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1Перед рассмотрением любой жалобы, содержащейся в каком-либо сообщении, Комитет против пыток должен принять решение относительно его приемлемости или неприемлемости на основании статьи 22 Конвенции. В соответствии с пунктом 5 а) статьи 22 Конвенции Комитет убедился в том, что этот вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования. Комитет также отмечает, что государство-участник не оспаривало приемлемость сообщения. Поскольку Комитет не видит других препятствий для решения вопроса о приемлемости, он объявляет данное сообщение приемлемым и приступает непосредственно к его рассмотрению по существу.

6.2Комитет должен ответить на вопрос о том, будет ли принудительное возвращение автора в Шри-Ланку нарушением обязательства государства-участника по пункту 1 статьи 3 Конвенции не высылать и не возвращать (refouler) какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток. В ходе принятия этого решения Комитет должен учитывать все относящиеся к делу обстоятельства, включая наличие в соответствующем государстве постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека. Однако цель вынесения такого решения заключается в определении того, угрожает ли соответствующему лицу персональная опасность применения пыток в стране, в которую оно возвратится. Он указывает, что наличие в какой-либо стране постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека само по себе не является достаточным основанием для вывода о том, что по возвращении в эту страну конкретному лицу будет угрожать опасность применения пыток; должны иметься дополнительные основания, позволяющие утверждать, что опасность будет угрожать именно этому лицу. Аналогичным образом, отсутствие постоянной практики грубых нарушений прав человека не означает, что то или иное лицо не может подвергнуться пыткам с учетом конкретных обстоятельств его случая.

6.3В связи с общим положением в области прав человека в Шри-Ланке Комитет напоминает, что в своих заключительных замечаниях по первоначальному докладу Шри-Ланки он выразил серьезную озабоченность в связи с "информацией о серьезных нарушениях Конвенции, в частности в том, что касается пыток в связи с исчезновениями" g. Кроме того, на основе информации из недавних докладов о положении в области прав человека в Шри-Ланке Комитет также отмечает, что, несмотря на принятие мер по искоренению пыток, сообщения о случаях их применения продолжают поступать и что жалобы на применение пыток зачастую не находят должного рассмотрения со стороны сотрудников полиции, судебных и медицинских работников. Вместе с тем Комитет также отмечает продолжающийся в Шри-Ланке процесс мирного урегулирования, который в феврале 2002 года привел к заключению соглашения о прекращении огня между правительством и ТОТИ, а также тот факт, что между

участующими в конфликте сторонами проводятся, хотя и часто прерываемые, переговоры. Комитет далее напоминает, что по итогам рассмотрения результатов его расследования положения в Шри-Ланке в соответствии со статьей 20 Конвенции он пришел к заключению, что практика пыток не является систематической в государстве-участнике. Наконец, Комитет отмечает, что в 2001 и 2002 годах в Шри-Ланку возвратилось большое число беженцев.

6.4В связи с утверждением заявителя о том, что ему будет угрожать опасность подвергнуться пыткам со стороны ТОТИ за выезд с подконтрольной ТОТИ территории Шри-Ланки без соответствующего разрешения и без указания имени какого-либо поручителя, Комитет напоминает, что обязательство государства-участника воздерживаться от принудительного возвращения какого-либо лица другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток, непосредственно связано с определением пытки, содержащимся в статье 1 Конвенции. Для целей этой Конвенции, согласно статье 1, "определение "пытка" означает любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия". Комитет отмечает, что вопрос о том, несет ли данное государство-участник обязательство воздерживаться от высылки лица, которому может угрожать причинение боли или страданий со стороны какого-либо негосударственного образования, без ведома или молчаливого согласия правительства, не входит в сферу применения статьи 3 Конвенции, за исключением тех случаев, когда контроль над занимаемой территорией, на которую будет возвращен заявитель, осуществляется неправительственной группировкой, выполняющей квазиправительственные функции. Поскольку заявитель может быть возвращен на территорию, не находящуюся под контролем ТОТИ, вопрос, на котором частично основана его жалоба и который заключается в том, что он по возвращении в Шри-Ланку навлечет на себя возмездие со стороны ТОТИ, не может рассматриваться Комитетом.

6.5Что касается грозящей заявителю опасности применения пыток со стороны государственных должностных лиц в случае его возвращения в Шри-Ланку, то Комитет принял к сведению утверждение заявителя о том, что ему лично угрожает серьезная опасность из-за его предыдущей работы в качестве тренера по каратэ и что он якобы уже подвергался жестокому обращению со стороны военнослужащих ланкийской армии и что на его теле имеются рубцы, на основании которых власти заподозрят его в участии в боевых действиях на стороне ТОТИ. Он рассмотрел утверждение о том, что из-за невынесения ДИН решения по ходатайству заявителя о предоставлении ему статуса беженца в установленный срок, заявитель был лишен возможности обжаловать окончательное решение ДИН от 20 мая 1999 года по существу. Комитет далее отметил, что ДИН вынес свое решение до получения от ОМО заключения о состоянии здоровья заявителя. Аналогичным образом, Комитет принял к сведению тот факт, что государство-участник обратило внимание на ряд несоответствий и противоречий в рассказе заявителя, из-за которых, как указывается, возникли сомнения в правдивости заявителя и достоверности его утверждений.

6.6Комитет отмечает, что представленные заявителем сведения о состоянии его здоровья подтверждают наличие физических и психических симптомов, которые можно считать обусловленными предполагаемым жестоким обращением с ним, когда он находился в руках военнослужащих Шри-Ланки. При этом Комитет отмечает, что, даже если утверждение заявителя о том, что его жестоко пытали в период содержания в военном лагере Тринкомале в 1996 году, в достаточной степени обосновано, эти предполагаемые акты пыток не относятся к недавнему прошлому.

6.7По мнению Комитета, заявитель не подтвердил наличия каких-либо других обстоятельств, за исключением факта его работы в качестве тренера по каратэ в Джафне до 1996 года и наличия шрамов на его теле, в силу которых ему со всей очевидностью угрожала бы опасность подвергнуться пыткам по возвращении в Шри-Ланку. Кроме того, Комитет вновь отмечает, что позитивный ход мирных переговоров между правительством Шри-Ланки и ТОТИ и текущее осуществление мирного процесса дают основания полагать, что лицо, находящееся в положении заявителя, не будет подвергаться такой опасности в случае возвращения в Шри-Ланку. Поэтому Комитет считает, что заявитель не представил достаточных доказательств в подтверждение того, что ему в случае возвращения в Шри-Ланку будет угрожать опасность применения пыток и что такая опасность носит реальный и персональный характер.

7. Комитет против пыток, действуя на основании пункта 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания, делает вывод о том, что высылка заявителя государством-участником в Шри-Ланку не будет являться нарушением статьи 3 Конвенции.

Примечания

аАдвокат сообщает, что система выездных пропусков применяется к каждому лицу, желающему выехать с подконтрольной ТОТИ территории, и нацелена на мобилизацию средств для вооруженной борьбы ТОТИ. Для воспрепятствования тому, чтобы выезд тамилы приводил к потере денежных взносов, каждый тамил, планирующий покинуть контролируемый ТОТИ район, должен найти состоятельного поручителя, который выступил бы гарантом его возвращения.

бОписание заявителем большинства подробностей этих пыток зафиксировано в медицинском заключении от 14 июня 2001 года, составленном группой медицинских экспертов нидерландского отделения "Международной амнистии".

сВ подтверждение своих доводов адвокат ссылается на ряд докладов о положении в области прав человека в Шри-

Ланке, а также на постановление Европейского суда по правам человека. Однако эта жалоба датирована октябрём 2001 года и что с тех пор положение могло измениться.

dГосударство-участник ссылается на решения Комитета по делу А. против Нидерландов, сообщение № 91/1997 (CAT/C/21/D/91/1997), пункт 6.3, и по делу К.Н. против Швейцарии, сообщение № 94/1997 (CAT/C/20/D/94/1997), пункт 10.2.

eСм. Е.А. против Швейцарии, сообщение № 28/1995 (CAT/C/19/D/28/1995), пункт 11.3. Государство-участник далее ссылается на пункт 6 замечания общего порядка № 1 Комитета об осуществлении статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22.

fВ этой связи государство-участник ссылается на решение Комитета по делу С.В. и др. против Канады, сообщение № 49/1996 (CAT/C/26/D/49/1996), пункт 9.5.

gОфициальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят третья сессия, Дополнение № 44 (A/53/44), пункт 249.

hСм. Amnesty International Report 2002, Sri Lanka, AI index: POL 10/001/2002; Amnesty International, Sri Lanka: Torture prevails despite reforms, AI index: ASA 37/14/1999.

iОфициальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят седьмая сессия, Дополнение № 44 (57/44), глава IV, раздел В, пункт 181.

jСм. Садик Шек Амир против Австралии, сообщение № 120/1998, там же, пятьдесят четвертая сессия, Дополнение № 44 (A/57/44), приложение VII, раздел А, пункт 65; М.П.С. против Австралии, там же, пятьдесят седьмая сессия, Дополнение № 44 (A/57/44), приложение VII, раздел А, пункт 7.4; С.В. и др. против Канады, там же, пятьдесят шестая сессия, Дополнение № 44 (A/56/44), приложение VII, раздел А, пункт 9.5.

Жалоба № 192/2001

Представлена: Х.Б.Х., Т.Н.Т., Х.Дж.Х., Х.О.Х., Х.Р.Х. и Х.Г.Х. (представлены адвокатом)

Предполагаемые жертвы: Заявители

Государство-участник: Швейцария

Дата представления жалобы: 15 октября 2001 года

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 29 апреля 2003 года,

завершив рассмотрение жалобы № 192/2001, представленной Комитету против пыток Х.Б.Х., Т.Н.Т., Х.Дж.Х., Х.О.Х., Х.Р.Х. и Х.Г.Х. в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв во внимание всю информацию, представленную ему авторами жалобы, их адвокатом и государством-участником,

принимает следующее решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции

1.1. Заявителями являются **г**н Х.Б.Х., его супруга **г**жа Т.Н.Т., и их дети Х.Дж.Х., Х.О.Х., Х.Р.Х. и Х.Г.Х. **г** граждане Сирии курдского происхождения. В настоящее время они находятся в Швейцарии, где они подали ходатайство о предоставлении убежища. Это ходатайство было отклонено, и заявители утверждают, что их высылка в Сирию представляла бы собой нарушение Швейцарией статьи 3 Конвенции против пыток. В этой связи они обратились к Комитету с просьбой о принятии срочных мер, поскольку на момент подачи жалобы им грозила неминуемая высылка. Они представлены адвокатом.

1.2. В соответствии с пунктом 3 статьи 22 Конвенции Комитет 20 ноября 2001 года довел жалобу до сведения государства-участника. Одновременно Комитет, действуя на основании пункта 1 правила 108 своих правил процедуры, обратился к государству-участнику с просьбой не высылать заявителей в Сирию, пока их жалоба будет рассматриваться Комитетом.

Факты в изложении заявителей

2.1. **г** Х. утверждает, что во время прохождения обязательной военной службы он был подвергнут аресту за отказ вступить в правящую партию Баас. По его словам, в период с 1 ноября 1987 года по 31 марта 1988 года его содержали в тюрьме Тадмора, где он подвергся жестокому обращению.

2.2. Он заявляет также, что с 1992 года является сторонником партии Йекиги, членом которой стал в 1995 году. В связи с этим он, по его словам, распространял листовки и газеты и участвовал в партийных собраниях. Он утверждает, что 5 ноября 1996 года сирийская служба политической безопасности обвинила его в распространении запрещенных листовок и взяла под стражу, а затем 20 ноября 1996 года он был освобожден ввиду отсутствия улик.

2.318 июля 1998 года в его доме в Камишли проходило партийное собрание, в котором приняли участие 45150 человек, в том числе руководители партии Йекиги, и на котором он резко критиковал политику правительства. После собрания по совету его председателя он укрылся у своей сестры, опасаясь того, что его высказывания будут доведены до сведения властей. Вскоре после собрания сотрудники сирийской службы действительно начали его разыскивать. В последующие дни ему сообщали о том, что силы безопасности неоднократно пытались арестовать его. Вначале он прятался у своей сестры в Камишли, а затем у дяди, который проживает недалеко от турецкой границы. Там он вновь встретился с членами своей семьи, также бежавшими из Камишли. Заявители утверждают, что в начале августа 1998 года они все вместе покинули Сирию и через Турцию въехали в Швейцарию.

2.4Г-н Х. заявляет, что после бегства из Сирии он поддерживал контакты с находящимися в изгнании в Европе организациями своей партии. Кроме того, он утверждает, что весной 2000 года принимал участие в демонстрации против сирийского режима в Женеве.

2.517 августа 1998 года заявители подали ходатайство о предоставлении убежища в Швейцарии, которое было отклонено 21 января 1999 года. Вынося постановление по апелляции, поданной заявителями 20 февраля 2001 года, швейцарская Апелляционная комиссия по делам беженцев (АКБ) 11 апреля 2001 года подтвердила первоначальное решение об отклонении ходатайства. В письме от 23 апреля 2001 года был установлен срок выезда заявителей - 23 июля 2001 года.

2.6На основании нового документа, представленного в качестве доказательства обоснованности заявлений о грозящих преследованиях, а именно внутреннего распоряжения отдела политической полиции Эль-Хасаки от 21 августа 1998 года отделу политической полиции Камишли арестовать г-на Х. за запрещенную политическую пропаганду в пользу движения курдов, заявитель 21 июня 2001 года подал в АКБ ходатайство о пересмотре постановления от 11 апреля 2001 года. Постановлением по процедурному вопросу от 28 июня 2001 года АКБ отклонила просьбу об отсрочке для рассмотрения ходатайства о пересмотре и приостановлении исполнения распоряжения о высылке.

2.7Почтовым отправлением от 27 августа 2001 года АКБ была представлена копия судебного решения, принятого 20 мая 1999 года судом Эль-Хасаки, который приговорил г-на Х. к трем годам лишения свободы за принадлежность к запрещенной организации. АКБ не сочла целесообразным вернуться к рассмотрению ранее принятого постановления по процедурному вопросу.

2.831 августа 2001 года АКБ был также направлен доклад расположенного в Берне швейцарского отделения организации "Международная амнистия" от 3 июля 2001 года, в котором делается вывод о том, что в случае возвращения заявителей в Сирию они, весьма вероятно, будут взяты под стражу, подвергнуты допросу с применением пыток и произвольно заключены в тюрьму. АКБ не изменила свое первоначальное решение.

2.9Почтовым отправлением от 18 сентября 2001 года АКБ было направлено еще одно подтверждение опасности, грозящей заявителям, а именно письмо о поддержке, направленное Ассоциацией Западного Курдистана. Письмом от 19 сентября 2001 года АКБ подтвердила свой отказ предоставить отсрочку для рассмотрения просьбы о пересмотре решения и отложить исполнение распоряжения о высылке.

2.10Заявители утверждают, что они исчерпали все внутренние средства правовой защиты. Они уточняют, что, несмотря на то, что какого-либо рассмотрения по существу ходатайства о пересмотре еще не проводилось, решение о высылке подлежит исполнению с 23 июля 2001 года.

Жалоба

3.1Заявители утверждают, что для них существует реальная угроза подвергнуться пыткам в случае их высылки в Сирию.

3.2Для обоснования этих опасений они ссылаются на различные материалы, представленные ими в швейцарские инстанции, в частности на доклад организации "Международная амнистия", который, по их мнению, не был или не в полной мере был оценен по достоинству, а также на копию решения сирийского суда, которая не была принята во внимание властями в качестве доказательства. Они подчеркивают, что, покинув свою страну три года назад, они, скорее всего, должны будут по возвращении оправдать свое пребывание за границей. В связи с этим они будут подвергнуты усиленному допросу органом, который выдает разрешения на выезд и паспорта. Существует угроза того, что после этого они будут арестованы сирийскими секретными службами за то, что они являются курдами и поддерживают тесные связи с партией Йекиги. По словам заявителей, сирийские власти не преминут сделать это, тем более что заявители участвовали в демонстрации в Женеве. Поэтому, по мнению заявителей, есть все основания полагать, что они будут подвергнуты допросу с применением пыток для выяснения их связей и контактов за границей, а также их деятельности.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа жалобы

4.1В своем письме от 10 января 2002 года государство-участник заявило, что оно не оспаривает приемлемость жалобы. Оно уточнило, что 25 июня 2001 года заявители подали в АКБ ходатайство о пересмотре решения и что постановлением от 12 декабря 2001 года это ходатайство было отклонено.

4.2В письме от 20 мая 2002 года государство-участник изложило свои замечания в отношении существа жалобы.

4.3В связи с заявлениями о жестоком обращении или пытках, которым г-н Х. подвергался в прошлом, государство-участник подчеркивает, что в досье имеется только заявление г-на Х., согласно которому он подвергался жестокому обращению, находясь под стражей в тюрьме Тадмора в период с 1 ноября 1987 года по 31 марта 1988 года. По информации, представленной государством-участником, несмотря на конкретные вопросы, заданные в этой связи заявителю в ходе собеседования швейцарскими властями, занимающимися вопросами предоставления убежища, он не смог представить какие-либо более подробные сведения. На вопрос о том, каким образом его пытали, он ответил: "Прежде всего они применяют там пытку шиной. На человека надевают шину и начинают бить. Мне давали лишь небольшой кусок хлеба и холодный чай. Пять месяцев мы не видели зеркала. Нам не давали разрешений на свидания. Моя семья не знала, где я нахожусь"^а. По мнению государства-участника, заявитель в очень общих выражениях говорит о применяемом методе пыток, не уточняя при этом, пытали ли его самого таким способом. Кроме того, он не уточняет, в каких обстоятельствах он подвергался жестокому обращению; в частности, он не указывает, сколько человек участвовали в этом, как часто и где это происходило и чего они добивались. Государство-участник считает, что такое отсутствие деталей и конкретных фактов вызывает серьезные сомнения в достоверности утверждений заявителя о том, что в период прохождения военной службы он подвергался жестокому обращению.

4.4Вместе с тем, даже если исходить из того, что заявитель действительно подвергался жестокому обращению в прошлом, по мнению государства-участника, данное обстоятельство не должно быть определяющим при вынесении решения в рамках настоящей процедуры. По существу, факты жестокого обращения, о которых он заявляет, имели место более чем за десять лет до отъезда заявителя из Сирии, и, таким образом, совершенно очевидно, что нельзя считать выполненным условие, согласно которому такое обращение должно иметь место в недалеком прошлом, для того чтобы была доказана угроза применения пыток по смыслу статьи 3 Конвенции, как это установлено в Замечании общего порядка № 1 Комитета. Государство-участник добавляет, что те же условия *a fortiori* применяются в отношении заявительницы, поскольку она никогда не утверждала, что подвергалась жестокому обращению со стороны государственных органов.

4.5Что касается политической деятельности заявителя в Сирии, то в рамках национальной процедуры предоставления убежища заявитель представил свидетельства своей принадлежности к партии Йекиги, датированные 1 октября 1998 года и 12 марта 1999 года. Вместе с тем в ходе проведенного с ним собеседования по вопросам, касающимся этой партии, в рамках процедуры предоставления убежища заявитель, как это ни странно, смог представить лишь очень расплывчатую информацию о целях партии, одним из видных членов которой он, по его словам, является. Кроме того, он располагает лишь весьма приблизительными сведениями о партийных структурах, в частности о руководящих органах партии. Он заявил, что высшим органом партии является ее секретарь, тогда как по сведениям, полученным из достоверных источников швейцарскими органами, ведающими вопросами предоставления убежища, высшим руководящим органом партии Йекиги является съезд, который заявитель даже не упомянул^б. По мнению государства-участника, учитывая, что до официального принятия в члены партии Йекиги люди должны пройти "кандидатский стаж", можно сделать вывод о том, что представленная заявителем информация о целях и структуре партии является слишком неточной для того, чтобы можно было верить его утверждениям о принадлежности к ней. Кроме того, органы, ведающие вопросами предоставления убежища, пришли к выводу о том, что заявитель не имеет таких связей с партией Йекиги, о которых он говорит. По мнению государства-участника, представленные два свидетельства членства в партии ничего не меняют в этом отношении, поскольку подобные документы не носят официального характера и, насколько известно швейцарским властям, сделать их настолько просто, что их вообще следует считать фиктивными.

4.6Что касается свидетельств тесных связей заявителя с партией Йекиги и его членства в этой партии, то заявитель сделал ряд утверждений, которые государство-участник не считает заслуживающими доверия. Во-первых, его заявление о том, что тайное собрание, на котором присутствовали приблизительно 50 человек, было проведено в его доме, не выглядит правдоподобным. Действительно, по мнению государства-участника, если сирийские службы безопасности следили за заявителем, как он сам утверждает, то он никоим образом не мог бы организовать проведение столь важного собрания у себя дома, не привлекая внимания служб безопасности. Государство-участник не считает также заслуживающим доверия утверждение заявителя о том, что после проведения этого собрания он в течение примерно одной недели скрывался в доме проживавшей в том же городе своей сестры, что ему сообщили, что силы безопасности активно разыскивают его. По мнению государства-участника, нет абсолютно никаких сомнений в том, что, если бы силы безопасности действительно хотели арестовать заявителя, они вряд ли ограничились бы поисками в его доме, а произвели бы также обыск у его сестры, проживавшей в той же местности. Как считает государство-участник, трудно также представить, что заявитель, которого, как он утверждает, активно разыскивали, смог организовать свое бегство вместе со своей семьей после того, как он скрывался у своей сестры.

4.7В рамках процедуры пересмотра в АКБ заявитель представил документ сирийской службы безопасности города Эль-Хасака от 21 августа 1998 года (см. пункт 2.6). Заявитель отметил, что одному из знакомых его семьи, который проживает в Сирии и имеет хорошие связи в кругах, близких к сирийским спецслужбам, удалось путем подкупа получить этот документ. Впоследствии документ был переправлен в Германию другим его знакомым в виде фотографии, сделанной с помощью фотоаппарата "Полароид", а затем отправлен в Швейцарию по почте. По мнению государства-участника, которое было изложено АКБ в его решении от 12 декабря 2001 года, непонятно, каким образом заявитель мог получить этот документ, который не был адресован ему лично и который он сам назвал внутренним распоряжением. С точки зрения государства-участника, объяснения, данные заявителем по поводу того, каким образом этот документ сирийской службы безопасности попал к нему в Швейцарию, являются крайне неясными и малоубедительными. Заявитель даже не назвал имени кого-либо из тех, кто помог завладеть этим документом. Точно так же заявитель не уточнил, какое отношение к нему имеют эти лица. Кроме того, ничего не было сказано об использованном методе подкупа, и наконец, не было дано никаких объяснений в отношении того,

зачем потребовалось препровождать этот документ в Германию, прежде чем он попал к заявителю в Швейцарию. Учитывая все эти несоответствия, государство-участник считает, что данный документ является фальшивкой. К тому же в своем сообщении, представленном Комитету, заявитель не приводит никаких фактов, которые могли бы опровергнуть данное мнение. Наконец, по мнению государства-участника, по меньшей мере странно, что документ, датированный 1998 годом, был получен заявителем и представлен им для включения в досье лишь после того, как Федеральное управление по делам беженцев (УДБ) и АКБ отклонили его ходатайство о предоставлении убежища. Таким образом, вполне вероятно, что данный документ был составлен лишь с целью представления новых доказательств, которые позволили бы начать процедуру пересмотра.

4.8 В рамках процедуры пересмотра в АКБ заявитель также представил копию решения суда города Эль-Хасака от 20 мая 1999 года, который приговорил его к трем годам лишения свободы за принадлежность к запрещенной организации (см. пункт 2.7). Несмотря на утверждения заявителя (см. пункт 3.2), государство-участник считает, что АКБ при вынесении решения о пересмотре 12 декабря 2001 года рассмотрела все документы, представленные г-ном Х., включая судебное решение от 20 мая 1999 года и вполне обоснованно сочла, что этот документ является поддельным по следующим причинам:

а) во-первых, содержание этого документа не соответствует фактам, приведенным заявителем и его супругой. Фактически в ходе собеседования, проведенного органами, ведающими вопросами предоставления убежища, заявитель и его супруга ни разу не сказали о том, что заявитель содержался под стражей в период с 1 по 16 июня 1998 года, о чем говорится в судебном решении. В ходе собеседования, состоявшегося 21 декабря 1998 года, заявитель упомянул лишь, что находился в заключении в период прохождения военной службы в 1987 году и еще один раз в 1996 году. На прямой вопрос о том, были ли еще какие-либо случаи его ареста или задержания, заявитель ответил отрицательно. Супруга заявителя также ни разу не упоминала в ходе собеседования о том, что в июне 1998 года ее муж находился под стражей. Напротив, она заявила, что последний раз ее муж подвергался аресту 5 ноября 1996 года;

б) во-вторых, упомянутый в судебном решении трехлетний срок превышает продолжительность меры наказания, предусмотренной сирийским законом за преступление, за которое заявителя могли бы осудить;

в) кроме того, данное судебное решение противоречит содержанию внутреннего распоряжения службы безопасности от 28 августа 1998 года, которое было представлено заявителем. Действительно, совершенно непонятно, почему, несмотря на то, что заявитель подозревался в создании тайной организации, он содержался под стражей только две недели и был освобожден 16 июня 1998 года, а спустя всего лишь два месяца служба безопасности начала вновь его разыскивать в связи с тем же самым преступлением. Учитывая тяжесть преступления, заключающегося в создании тайной организации, факт освобождения, о котором говорится в данном судебном решении, выглядит более чем сомнительным. Кроме того, весьма странно, что заявитель был заочно осужден лишь 20 мая 1999 года, т.е. спустя год после того, как сирийским властям стало известно о его подрывной деятельности;

г) наконец, заявитель утверждает, что сотрудник суда, вынесшего ему обвинительный приговор, с помощью взятки сумел сделать копию судебного решения. Однако заявитель представил копию столь низкого качества, что вряд ли она была сделана с оригинала судебного решения, скорее она выглядит как копия документа, который сам является уже далеко не первой копией.

4.9 Учитывая эти противоречия и несоответствия, государство-участник считает, что представленная копия судебного решения, по всей видимости, является поддельной.

4.10 Что касается политической деятельности заявителя за пределами Сирии (пункт 2.4), то государство-участник считает, что, несмотря на все утверждения заявителей, представленная фотография, на которой они изображены во время демонстрации за права курдов перед зданием Постоянного представительства Сирийской Арабской Республики в Женеве, не может служить подтверждением ни их участия в данной демонстрации, ни какой-либо их политической деятельности в Швейцарии. Фотография свидетельствует лишь о том, что заявители находились в том месте, где проводилась политическая демонстрация, и не дает ответа на вопрос о том, о какой демонстрации идет речь. В частности, она не позволяет определить роль заявителей в этой демонстрации; скорее, учитывая то, что они на этой фотографии стоят в окружении малолетних детей вдали от лиц, несущих транспаранты, можно сделать вывод, что заявители выступали лишь в качестве зрителей. В любом случае, по мнению государства-участника, на основании этой фотографии нельзя сделать вывод о том, что заявители занимались в Швейцарии активной политической деятельностью и что в связи с этим в случае их высылки в Сирию им будут угрожать репрессии.

4.11 Что касается доклада организации "Международная амнистия" от 3 июля 2001 года (см. пункт 2.8), то государство-участник поясняет, что в начале своего документа эта организация уточняет, что она не может указать в данном докладе, каким угрозам подвергались заявители в связи со своей деятельностью до бегства из Сирии, поскольку она не имела возможности провести необходимые расследования. Однако, согласно "Международной амнистии", угроза того, что заявитель в случае его высылки в Сирию будет подвергнут жестокому обращению, обусловлена связями заявителя с партией Йекутиф и его деятельностью в Сирии. По мнению государства-участника, эти выводы можно поставить под сомнение, поскольку, как уже было показано выше, тесные связи заявителя с партией Йекути и угроза, которой он якобы будет подвергаться вследствие своей политической деятельности за рубежом, никак не доказаны. Что касается мер, которые могут применяться в отношении лиц, возвращающихся в Сирию после пребывания за границей, т.е. допросов, проводимых различными государственными органами, а также избиений, которым иногда подвергаются допрашиваемые лица, то государство-участник подчеркивает, что эти факты отмечаются в общем плане и что из доклада организации "Международная амнистия" никоим образом не следует, что заявителям лично угрожает серьезная опасность

подвергнуться жестокому обращению в случае возвращения в свою страну. В отношении положения курдов в Сирии и арестов, которым они подвергаются, "Международная амнистия" признает, что эти лица подвергаются арестам не по причине их курдского происхождения, а в связи с их политической деятельностью. Таким образом, по мнению государства-участника, утверждение заявителей о том, что в случае их возвращения в Сирию им угрожает жестокое обращение или пытки по причине их принадлежности к курдам, не является обоснованным. Кроме того, государство-участник заявляет, что по сведениям, имеющимся у правительства Швейцарии, продолжительное пребывание за границей и подача ходатайства о предоставлении политического убежища сами по себе не ведут к преследованиям по политическим мотивам или к возникновению особых проблем после возвращения в Сирию. Поэтому, ссылаясь на практику Комитета, государство-участник делает вывод о том, что непременное условие наличия угрозы того, что заявитель "лично" будет подвергнут жестокому обращению, в данном конкретном случае не соблюдено.

4.12 В отношении конкретного положения г-жи Т. государство-участник поясняет, что на протяжении всей процедуры только г-н Х. отмечал причины, которые могли бы объяснять (в том случае, если бы они были признаны обоснованными) недопустимость его высылки в Сирию. Напротив, он вообще не говорил, что г-жа Т. вела активную политическую деятельность в Сирии или в других странах или что она подверглась аресту или жестокому обращению. В этой связи государство-участник напоминает о том, что статья 3 Конвенции не гарантирует, судя по практике Комитета, совместного рассмотрения дел всех членов семьи, если только один из них может доказать наличие реальной и серьезной угрозы жестокого обращения. В связи с этим государство-участник делает вывод о том, что высылка г-жи Т. не противоречила бы ни одному из положений Конвенции.

4.13 Касаясь достоверности показаний заявителей, государство-участник отмечает, что многочисленные выявленные противоречия в словах заявителя (в частности, в связи с его заявлениями о его активной политической деятельности) существенно снижают доверие к ним. Наконец, государство-участник считает целесообразным особо подчеркнуть, что на протяжении всей внутригосударственной процедуры заявители представляли различные документы не спонтанно в начале этой процедуры, а лишь в связи с принимаемыми против них решениями швейцарских властей. Так, например, заявители представили фотографию, где они были сняты весной 2000 года в Женеве, лишь после получения решения АКБ от 12 апреля 2001 года. То же самое касается документа сирийских служб безопасности от 21 августа 1998 года и решения сирийского уголовного суда от 20 мая 1999 года. По мнению государства-участника, такое поведение вынуждает считать, что заявители "представляли" некоторые доказательства лишь после того, как они убеждались, что их утверждения не дали желаемых результатов, на которые они надеялись при обращении в компетентные национальные органы.

Комментарии заявителей в связи с замечаниями государства-участника

5.1 В письме от 23 октября 2002 года заявители указали, что у них нет дополнительных замечаний помимо тех, которые изложены в первоначальной жалобе.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 Прежде чем рассматривать какую-либо жалобу, содержащуюся в сообщении, Комитет против пыток должен решить, является ли сообщение приемлемым в соответствии со статьей 22 Конвенции. Действуя согласно подпункту а) пункта 5 статьи 22 Конвенции, Комитет убедился в том, что этот вопрос не рассматривался ранее и не рассматривается в настоящее время в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования. В данном случае Комитет также отмечает, что государство-участник не оспаривало приемлемость сообщения. Поэтому он полагает, что жалоба является приемлемой. Поскольку государство-участник и заявители сформулировали свои замечания по существу жалобы, Комитет приступает к рассмотрению существа сообщения.

6.2 Комитет должен высказаться по вопросу о том, не является ли высылка заявителей в Сирийскую Арабскую Республику нарушением обязательства государства-участника по статье 3 Конвенции не высылать или не возвращать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток.

6.3 В соответствии с пунктом 1 статьи 3 Комитет должен принять решение о том, существуют ли серьезные основания полагать, что в случае высылки заявителей в Сирию им там может угрожать применение пыток. При этом Комитет должен принять во внимание все относящиеся к делу обстоятельства на основании пункта 2 статьи 3, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека. Однако цель этого анализа состоит в том, чтобы определить, рискует ли именно данное лицо подвергнуться пыткам в стране, куда оно может быть выслано. Из этого следует, что наличие в какой-либо стране постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека само по себе не является достаточной причиной для того, чтобы установить, что данному лицу по его возвращении в эту страну будет грозить опасность применения пыток. Должны существовать и другие причины, дающие основание полагать, что именно этому лицу будет грозить опасность. Аналогичным образом отсутствие постоянной практики грубых и систематических нарушений прав человека отнюдь не означает, что то или иное лицо не может быть подвергнуто пыткам в какой-либо конкретной ситуации.

6.4 Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка № 1 относительно осуществления статьи 3 в контексте статьи 22, пункт 6 которой гласит: "Ввиду того, что государство-участник и Комитет обязаны оценивать наличие серьезных оснований полагать, что автору может угрожать применение пыток в случае его/ее высылки, возвращения или выдачи, при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Вместе с тем при оценке этого риска не

следует брать за основу критерий высокой степени вероятности".

6.5В данном конкретном случае Комитет отмечает, что государство-участник указало на явные несоответствия и противоречия в словах заявителей и представленных ими материалах, что позволяет усомниться в правдивости их утверждений. Он также принимает к сведению информацию, представленную заявителями в этой связи.

6.6Что касается утверждений о практике жестокого обращения или пыток, применяемой в Сирии, Комитет отмечает, с одной стороны, что только г-н Х. заявил о том, что он подвергнулся такому обращению в период пребывания в тюрьме Тадмора с 1 ноября 1987 года по 31 марта 1988 года, и, с другой стороны, что заявитель оставался в своей стране до 1998 года - даты своего отъезда из Сирии, причем за этот период власти не причиняли ему никакого беспокойства.

6.7В отношении политической деятельности заявителей Комитет отмечает, во-первых, что такую деятельность в Сирии вел только г-н Х. Во-вторых, Комитет придерживается того мнения, что ни своими заявлениями, ни представленными документами заявитель не доказал, что он вел активную работу в рядах партии Йекити и находился в оппозиции сирийским властям, и это мнение основывается на упомянутых противоречиях и несоответствиях, а также на серьезных сомнениях в подлинности внутреннего распоряжения сирийской службы безопасности от 21 августа 1998 года и решения суда Эль-Хасаки от 20 мая 1999 года. Наконец, Комитет считает, что заявители не доказали факт проведения ими активной оппозиционной политической деятельности в Швейцарии.

6.8Комитет принимает к сведению замечания государства-участника относительно того, что вышеупомянутые документы представлялись заявителями лишь в ответ на решения швейцарских властей отклонить их ходатайство о предоставлении убежища, причем заявители не могут внятно объяснить причины, по которым эти материалы были представлены ими с запозданием.

6.9Что касается доклада организации "Международная амнистия" 2001 года, то, помимо упомянутых государством-участником противоречий в отношении выводов о политической деятельности заявителей в Сирии, Комитет отмечает, что, с одной стороны, о мерах, которые могут быть применены в отношении лиц, возвращающихся в Сирию после пребывания за границей, приводится лишь весьма общая информация, которая не имеет непосредственного отношения к конкретному делу заявителей, и, с другой стороны, она идет вразрез с информацией, представленной государством-участником, т.е. теми утверждениями, против которых заявители впоследствии не стали возражать. Кроме того, он подчеркивает, что курдское происхождение заявителей само по себе не может служить основанием для жестокого обращения или применения пыток в Сирии.

6.10В заключение Комитет подчеркивает, что заявительница, г-жа Т., не приводит каких-либо аргументов в пользу того, что в случае ее высылки в Сирию ей угрожает жестокое обращение.

6.11Учитывая вышеизложенное, Комитет считает, что заявители не доказали наличия серьезных оснований полагать, что в случае их высылки в Сирию для них лично возникнет реальная и конкретная угроза применения пыток.

7.В связи с этим Комитет против пыток, действуя на основании пункта 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, считает, что решение государства-участника о возвращении заявителей в Сирийскую Арабскую Республику не представляет собой нарушения статьи 3 Конвенции.

Примечания

a Протокол собеседования, проведенного с заявителем полицией по делам иностранцев кантона Цюрих, от 21 декабря 1998 года.

b Там же.

c Решение по вопросу о пересмотре, принятое АКБ (21 December 2001, p. 7).

d Показания заявителя, протокол собеседования, проведенного полицией по делам иностранцев кантона Цюрих (21 December 1998, p. 10).

e Показания заявительницы, протокол собеседования, проведенного в центре для беженцев в Кройцлингене (20 August 1998, p. 4).

f Доклад, пункты 5.8, 5.10 и 5.11.

g Amnesty International Report, chap. 5, "Situation in the event of return of Mr. H. and Mrs. T."

h Ibid., chap. 5.10.

i Ibid., pp. 4-6.

j Ibid., chap. 3.

k Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят первая сессия, Дополнение № 44 (A/51/44), приложение V.

Жалоба № 193/2001

Представлена: г-жа П.Э. (представлена адвокатом)

Предполагаемая жертва: г-жа П.Э.

Государство-участник: Франция

Дата представления жалобы: 24 сентября 2001 года

Дата принятия решения: 21 ноября 2002 года

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 21 ноября 2002 года,

рассмотрев жалобу № 193/2001, представленную Комитету против пыток в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв к сведению информацию, представленную ему автором жалобы и государством-участником,

принимает следующее решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции.

1.1 Заявительница, П.Э., родившаяся 26 мая 1963 года во Франкфурте, гражданка Германии, была выдана Францией Испании 7 ноября 2001 года. Она утверждает, что явилась жертвой нарушения Францией статьи 15 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Она представлена адвокатом.

1.2 В соответствии с пунктом 3 статьи 22 Конвенции Комитет 5 декабря 2001 года довел это сообщение до сведения государства-участника. Одновременно Комитет, действуя в соответствии с правилом 108 своих правил процедуры, просил государство-участника не выдавать заявительницу Испании до тех пор, пока ее жалоба будет находиться на рассмотрении Комитета.

Факты в изложении автора

2.1 В ноябре 1996 года заявительница была арестована в департаменте Ланды в обществе своего спутника Хуана Луиса Агирре Лете во время таможенного контроля на французской границе и заключена под стражу до суда в Париже. После ареста она была приговорена 23 февраля 1999 года к 30 месяцам лишения свободы за участие в преступном сообществе в качестве предполагаемого члена организации баскских сепаратистов - "Эускади Та Аскатасуна" ("Родина и свобода") (ЭТА).

2.2 После ее ареста испанские власти потребовали ее выдачи, но затем отозвали свою просьбу, так как ошибочно имелось в виду другое лицо. Вторая просьба о выдаче была направлена испанскими властями спустя год по обвинению в сотрудничестве с вооруженной бандой и основывалась, по утверждениям, на спорных доказательствах, но тем не менее была положительно воспринята французскими властями.

2.3 Третья просьба о выдаче была направлена Испанией на основе заявления некоего Микеля Асурменди Пеньягарикано, арестованного 21 марта 1998 года в Севилье гражданской гвардией, который во время своего заключения якобы подвергался обращению, противоречащему Конвенции. Заявительница добавляет, что знакомая г-на Асурменди была арестована одновременно с ним и также подвергалась обращению, не совместимому с положениями Конвенции.

2.4 Находясь под стражей, Микель Асурменди 23 и 24 марта 1998 года под принуждением дал два показания сотрудникам гражданской гвардии. В этих показаниях, содержащих многочисленные противоречия и несоответствия, заявительница была упомянута среди других 30 лиц в качестве члена "Мадридской вооруженной группы" ЭТА и обвинена в том, что вместе с другими занималась наблюдением и проверкой маршрута следования в Мадриде микроавтобуса генерального штаба военно-воздушных сил Испании с целью совершения теракта, а также участвовала вместе с другими в изготовлении взрывного устройства, помещенного в автомобиль, который был использован другими членами вооруженной группы при попытке совершить покушение 25 января 1994 года. Заявительница же утверждает, что она покинула Мадрид задолго до упомянутых событий.

2.5 В связи с обстоятельствами, в которых были даны эти показания, заявительница приводит выдержку из свидетельства г-на Асурменди:

"Направляю вам это письмо, чтобы сообщить об обращении, которому я подвергся со стороны испанских сил безопасности, а конкретно - гражданской гвардии - в ходе моего ареста [в Севилье], а также во время перевода в мадридское отделение и моего пребывания в нем. Я был арестован по адресу: улица Хосе Лакильо, № 5, первый этаж, подъезд В. Меня схватили, надели наручники, и, крепко держа, избили, высказывая угрозы в мой адрес. Зачитав мне мои права, один из сотрудников [инспектор сил безопасности] приказал полицейским сменить мне наручники. Они выполнили приказ в его присутствии, но сразу же после того, как мы сели в машину, они надели мне другие наручники, зажав их как можно сильнее, что причиняло мне боль в запястьях и вызвало кровоподтеки, видимые по сей день. Наручники мне сняли только по прибытии в изолятор комиссариата. Я испытывал боль от

наручников, меня били по голове, по ребрам и половым органам; полицейские инсценировали казнь, прижимая ствол пистолета к моей голове и неоднократно нажимая на спусковой крючок. Меня били по ногам, пока не вывихнули лодыжку. Все это происходило во время переезда из Севильи в Мадрид. По прибытии в Мадрид меня заставили идти, но моя нога отказала, и при каждой попытке я падал на землю. Полицейские избивали меня каждый раз, когда я падал, заставляя вставать, пока не убедились, что я не могу ходить, и тогда меня отвели в камеру. Там мне сказали, что меня на некоторое время оставят в покое, чтобы у меня восстановилось кровообращение.

Чуть позже они вернулись, заставили меня встать и завязали мне глаза. После этого меня стали бить по лодыжке, лицу и затылку, всячески мне угрожая. Через какое-то время, не могу сказать, через сколько часов они отвели меня в медицинский пункт, чтобы показать кровоподтек на моей лодыжке. В медпункте мне сказали, что у меня вывих, сделали повязку, и посоветовали положить лед, чтобы снять боль, и держать ногу на весу.

Когда сотрудники гражданской гвардии привели меня обратно в помещение жандармерии, они снова стали меня бить, нанеся новые телесные повреждения, и, продолжая наносить удары по больной ноге, сломали мне большой палец ноги.

Меня подвергали длительному допросу с побоями, выдергивая клочки волос из моей бороды и воздействуя током на половые органы, живот и грудь. Когда это не производило эффекта, они использовали другой метод: надевали мне пластиковый пакет на голову и стягивали его на шее, вызывая удушье. Это проделывалось несколько раз, иногда одновременно с пыткой электрошоком. Когда я терял сознание, мне давали немного прийти в себя, а затем вновь начинали истязать.

После этого меня отвезли в пункт скорой помощи, но не в тот, где я уже был, поскольку поездка заняла меньше времени, и я понял, что медпункт находится недалеко от комиссариата. Во время поездки мне не переставали угрожать, говоря: "Ты даже не знаешь, куда мы тебя возедем, ты едешь в горы, чтобы вырыть свою собственную могилу"...

На обратном пути мне продолжали угрожать, но на сей раз упомянув о сестре: если я не буду говорить, ее арестуют, и все, что с ней потом случится, произойдет по моей вине и будет из-за меня, будет зависеть от меня...

Потом они стали угрожать моей подруге Майте Педроса (арестованной одновременно со мной), говоря, что они ее изнасилуют, что ей будет плохо... и снова угрожали мне: "Мы уже наполняем ванну". Мне говорили, что если я буду продолжать упираться (sic), то меня "искупают". Избиения не прекращались в течение всего времени моего пребывания в комиссариате. Меня били по больной ноге, по голове и лицу.

В конце концов мне сказали, что меня отвезут в Национальную судебную коллегия для дачи показаний и что во второй половине дня я должен буду вернуться в комиссариат, чтобы посмотреть некоторые фотографии, и что обращение со мной будет зависеть от моих показаний в суде.

В ходе допросов меня почти все время держали с завязанными глазами, и если снимали повязку, то заставляли опускать голову, но я все-таки смог дважды увидеть лицо одного из допрашиваемых и смог бы его опознать. Тюрьма в Алькала-де-Энарес, 7 апреля 1998 года".

2.6В конце срока задержания в полиции 25 марта 1998 года во время беседы со следователем № 6 в Национальной судебной коллегии в Мадриде г-н Асурменди подал жалобу в связи с применением к нему пыток во время задержания в полиции и отказался от своих предыдущих показаний. Данная жалоба все еще находится на рассмотрении.

2.7Во время своего содержания под стражей в пенитенциарном центре в Мадриде г-н Асурменди был освидетельствован тюремной медицинской службой, и протокол судебно-медицинского освидетельствования был представлен 18 октября 1998 года. Эти медицинские заключения, а также свидетельства некоторых заключенных, арестованных в один день с г-ном Асурменди, подтверждают утверждения последнего о применении пыток и жестоком обращении с ним.

2.8В связи с упоминанием фамилии заявительницы в показаниях г-на Асурменди от 23 и 24 марта 1998 года испанская прокуратура обусловила ее преследование в уголовном порядке "позитивными результатами изучения доказательств". Поскольку результаты были негативными, уголовное дело не было возбуждено. Однако следственный судья № 2 мадридского центрального суда, член Национальной следственной коллегии г-н Исмаэль Морено Чамаро, принял 29 октября 1998 года решение о предъявлении обвинения заявительнице и заключении ее под стражу. На этой основе 22 декабря 1998 года судья вынес постановление с просьбой о выдаче заявительницы. Вербальной нотой от 10 марта 1999 года испанское правительство через свое посольство направило французским властям просьбу о выдаче заявительницы. 15 июня 1999 года она была помещена в изолятор для лиц, ожидающих выдачи, в тюрьме города Фрэн. Просьба о выдаче была рассмотрена в открытом заседании 24 мая 2000 года в первой обвинительной палате Парижского апелляционного суда, которая решением от 21 июня 2000 года вынесла частичное положительное заключение по поводу выдачи в связи с совершением деяний, квалифицированных испанской стороной в качестве 19 покушений на убийство с помощью террористических актов.

2.9Заявительница подчеркивает, что просьба о выдаче не содержала копии показаний г-на Асурменди, данных им 25 марта 1998 года следственному судье Национальной судебной коллегии. В этой связи адвокат заявительницы указал обвинительной палате Парижского апелляционного суда на недопустимость того, что, требуя выдачи, особенно принимая во внимание тот факт, что по выдвинутому против заявительницы обвинениям ему угрожают длительные сроки тюремного заключения, государство не учло заявление г-на Асурменди, в котором он полностью

отказался от своих прежних показаний и, в частности, заявил, что не знаком с заявительницей.

2.10 Этот же адвокат отметил также, что

"Медицинские обследования, проведенные в период нахождения г-на Асурменди в полиции, во время которого он был доставлен в пункт скорой медицинской помощи, показания, данные им начиная с 25 марта 1998 года, официальные медицинские заключения, выданные по его прибытии в пенитенциарный центр Мадрида, протокол судебно-медицинской экспертизы от 18 октября 1998 года, поданная им жалоба и показания некоторых заключенных в тот день говорят о том, что г-н Асурменди подвергся жестокому обращению во время допросов в жандармерии. Помимо того, что подобное обращение, естественно, противоречит внутренним законам любого правового государства, оно запрещено также международными конвенциями, ратифицированными Францией, и в частности статьей 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая гласит, что никто не может быть подвергнут жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Еще четче этот принцип изложен в статье 15 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания: "Каждое государство-участник обеспечивает, чтобы любое заявление, которое, как установлено, было сделано под пыткой, не использовалось в качестве доказательства в ходе любого судебного разбирательства, за исключением случаев, когда оно используется против лица, обвиняемого в совершении пыток, как доказательство того, что это заявление было сделано". В данном случае совершенно очевидно, что показания г-на Асурменди, который, как установлено, подвергся жестокому обращению во время своего задержания в полиции, не могут служить юридическим основанием для преследования, возбужденного в отношении [П.Э.].

2.11 Обвинительная палата Парижского апелляционного суда в своем постановлении от 21 июня 2000 года дала следующий ответ:

"Считая, что в задачу суда входит не изложение его позиции по вопросу о том, что доказаны факты, представленные органом, направившим просьбу о выдаче, а установление того, образуют ли эти элементы состав уголовного преступления с точки зрения государства, просящего о выдаче, и государства, к которому обращена эта просьба; ... считая, что показания упомянутого Асурменди, свидетельствующие против [П.Э.], не были получены насильственным путем, а, как это следует из документов, представленных государством, просящим о выдаче, были даны в помещении гражданской гвардии в присутствии адвоката; считая, что обвинительная палата не может затребовать документы, относящиеся к сфере испанского судопроизводства, и провести их изучение вместо органов власти государства, направившего просьбу о выдаче; и что в данном конкретном деле обвинительная палата располагает достаточно точными фактами для установления наличия обвинений, с тем чтобы разрешить применить принцип двойного инкриминирования".

2.12 17 мая 2000 года германское отделение организации АКАТ (Действие христиан за отмену пыток направило французскому правительству письмо с просьбой не выдавать заявительницу Испании. 23 мая 2000 года многочисленные организации, ассоциации и отдельные лица направили открытое письмо французским властям с аналогичной просьбой.

2.13 Указом от 29 сентября 2000 года правительство Франции приняло решение о выдаче заявительницы испанским властям. 3 января 2001 года этот указ был обжалован заявителем в Государственный совет. В своей памятной записке, представленной в Государственный совет, адвокат заявительницы высказал ту же аргументацию, что и в обвинительной палате, добавив, что

"В ответ на ссылку относительно незнания французских юридических процедур министр [юстиции Франции] не оспорил ни одного из обстоятельств, изложенных заявительницей, в частности:

-ни того факта, что г-н Асурменди, дав во время его допроса гражданской гвардией показания, затрагивающие г-жу [П.Э.], впоследствии отказался от них в присутствии следственного судьи;

-ни того, что г-н Асурменди был доставлен в пункт скорой помощи после допросов в комиссариате в связи с тем, что подвергся жестокому обращению во время допросов со стороны представителей гражданской гвардии.

Согласно памятной записке администрации, показания г-на Асурменди не противоречат французским процессуальным нормам, ибо они были получены свободно, в присутствии адвоката и члена мадридской коллегии адвокатов. На самом же деле, ничто не подтверждает того факта, что все происходило именно таким образом и что адвокат с самого начала присутствовал на допросах г-на Асурменди в комиссариате;

аналогичным образом, хотя мадридский адвокат и оказывал содействие обвиняемому в какой-то момент его задержания в комиссариате, это обстоятельство никоим образом не исключает возможность того, что основания для обвинений в адрес заявительницы были получены в условиях, противоречащих нормам французского публичного права".

Решением от 7 ноября 2001 года Государственный совет оставил жалобу без удовлетворения. В этот же день заявительницу передали испанским властям.

Жалоба

3.1 Заявительница считает, что ее выдача Испании является нарушением статьи 15 Конвенции, поскольку ее обвинение испанскими властями стало возможным благодаря показаниям, полученным под пытками.

3.2Статья 15 Конвенции является логическим следствием полного запрещения пыток, лежащего в основе Конвенции против пыток. Первая часть этого положения в сущности направлена на то, чтобы лишить смысла саму практику пыток, когда им подвергается то или иное лицо именно с целью получения сведений или признаний у объекта пыток или у третьего лица. В этом смысле показания, полученные путем пыток, должны объявляться не имеющими никакой силы.

3.3Это положение применяется к любой процедуре, будь то судебного или внесудебного характера, в частности в рамках уголовного или административного судопроизводства. Следовательно, она должна применяться и в отношении процедур выдачи.

3.4По мнению автора, для того чтобы констатировать нарушение государством-участником статьи 15 Конвенции, необходимо сочетание ряда критериев:

a)должно быть установлено, что показания, используемые в качестве элемента доказательства в ходе данной процедуры, были получены с помощью пыток;

b)спорные показания должны быть ключевым элементом обвинения, предъявляемого заявителю;

c)из положений статьи 15 Конвенции для соответствующих судебных инстанций и государственных органов вытекает непреложное обязательство собрать и изучить самым глубоким, объективным и беспристрастным образом все элементы, позволяющие установить, что упомянутые показания были получены незаконным способом;

d)статья 15 Конвенции предписывает, чтобы спорные показания были признаны абсолютно недействительными соответствующими судебными инстанциями и властными структурами;

e)в рамках процедуры выдачи необходимо также установить, существует ли в государстве, требующем выдачи, практика пыток, и изучить обстоятельства, в которых были получены упомянутые спорные показания, а также выяснить, признается ли судами государства, требующего выдачи, действительность показаний, полученных с помощью пыток.

3.5В данном случае все эти критерии наличествуют:

3.5.1 По словам заявительницы, установлено вне всякого сомнения, что показания г-на Асурменди, используемые как доказательство в рассматриваемой процедуре, были получены с помощью пыток.

3.5.2 Что касается помощи адвоката, назначенного г-ну Асурменди на период его задержания в комиссариате, которая является аргументом, выдвигаемым государством-участником для того, чтобы опровергнуть утверждения заявительницы, то она подчеркивает, что в соответствии со специальным антитеррористическим законодательством Испании г-н Асурменди был задержан и содержался в режиме "инкоммуникадо", т.е. в строгой изоляции, будучи лишенным всякого контакта с адвокатом по своему выбору и с кем-либо из своих близких. Действие такого режима продолжалось вплоть до того момента, как он предстал перед судьей 25 марта 1998 года.

3.5.3 Заявительница по этому поводу поясняет, что, как известно, механизм защиты лиц, обвиняемых в террористических актах и задержанных силами испанских служб безопасности, является неадекватным:

a)эти лица не имеют доступа к адвокату по своему выбору в период задержания и даже, в некоторых случаях, во время общения со следственным судьей;

b)в период нахождения под стражей назначенный адвокат присутствует только при даче "официальных" показаний сотрудникам испанских служб безопасности; назначенный судом адвокат никогда не присутствует на всем протяжении срока содержания под стражей; в частности, он не присутствует на всех допросах.

3.5.4 В этой связи при рассмотрении третьего периодического доклада Испании 18 и 19 октября 1997 года, Комитет против пыток сделал следующие замечания:

"В отчетный период Комитет часто получал жалобы на пытки и жестокое обращение. ...Несмотря на юридические гарантии, касающиеся условий принятия решений о содержании в режиме строгой изоляции, при котором задержанный не может пользоваться помощью адвоката по своему выбору, имеют место случаи продолжительного содержания под стражей в таком режиме, который, как представляется, благоприятствует практике пыток. Большинство полученных жалоб касается пыток, применявшихся в этот период. Комитет также озабочен полученными сведениями о том, что, хотя судьи и не принимают в качестве доказательств показания, которые, по их мнению, были получены под принуждением или пытками, что соответствует статье 15 Конвенции, они все же учитывают эти показания для того, чтобы предъявить обвинения другим лицам, проходящим по делу. ...
Рекомендуется исключить случаи, когда разрешается продление срока содержания в режиме строгой изоляции и ограничение прав заключенного пользоваться помощью защитника по своему выбору".g.

3.5.5 Кроме того, следует учитывать выводы, сформулированные 9 ноября 1999 года Комитетом против пыток, в связи с сообщением № 63/1997, представленным Хосу Аркаусом Араной против Франции. В своем решении, опубликованном 1 декабря 1999 года, Комитет, в частности, констатировал, что

"При рассмотрении третьего периодического доклада, представленного Испанией в связи с осуществлением статьи 19 Конвенции, Комитет выразил свою озабоченность по поводу часто поступающих сообщений о пытках и жестокое обращение. Комитет также отметил, что, несмотря на юридические гарантии, касающиеся условий

принятия решений о содержании в режиме строгой изоляции, при котором задержанный не может пользоваться помощью адвоката по своему выбору, имеют место случаи продолжительного содержания в таком режиме, который, как представляется, благоприятствует практике пыток. Большинство полученных жалоб касается пыток, применявшихся в этот период. Озабоченность по этому же поводу уже выражалась при рассмотрении Комитетом второго периодического доклада, а также в заключительных выводах Комитета по правам человека по четвертому периодическому докладу, представленному Испанией в связи с осуществлением статьи 40 Международного пакта о гражданских и политических правах. Европейский комитет по предотвращению пыток (КПП) также отмечал сообщения о пытках или жестоком обращении, полученные во время его посещений Испании в 1991 году и в 1994 году, в частности от лиц, содержащихся под стражей за террористическую деятельность. КПП заключил, что было бы преждевременным утверждать, что пытки и жестокое обращение в Испании искоренены"^h.

3.5.6 При рассмотрении четвертого периодического доклада Испании, Комитет по правам человека в своих выводах от 3 апреля 1996 года (CCPR/C/79/Add.61) подчеркнул:

..."¹². Комитет озабочен действием на постоянной основе специального законодательства, согласно которому лица, подозреваемые в принадлежности к вооруженным группам или в сотрудничестве с ними, могут в течение пяти дней содержаться в строгой изоляции, не имеют права выбрать себе адвоката, ни права на обжалование решений Национальной судебной коллегии. Комитет подчеркивает, что эти положения не соответствуют статьям 9 и 14 Пакта.

Е. Пожелания и рекомендации

18. Комитет рекомендует упразднить законодательные положения, которые лишают лиц, обвиняемых в актах терроризма, и тех, кто подозревается в сотрудничестве с ними, права на выбор защитника. Он призывает государство-участник отменить практику содержания в режиме строгой изоляции, призывает его сократить срок содержания под стражей до суда и отказаться от установления максимальной продолжительности временного содержания под стражей в зависимости от срока действия предполагаемой меры наказания".

3.5.7 КПП также считает, что система защиты от пыток и других видов жестокого обращения с лицами, арестованными испанской службой безопасности в рамках операций по борьбе с ЭТА, имеет существенные недостатки. В этом отношении КПП придает особое значение признанию всех прав, в которых испанские власти отказывают лицам, задержанным силами безопасности:

a) право арестованного иметь возможность сообщить близким или третьим лицам о своем задержании;

b) право на доступ к адвокату по своему выбору;

c) право на освидетельствование врачом по своему выбору.

По мнению КПП, эти права представляют собой три основополагающие гарантии против жестокого обращения, которые должны применяться с самого начала задержания (т.е. с того самого момента, как данное лицо лишается свободы передвижения силами безопасности)ⁱ.

3.5.8 По мнению заявительницы, спорные показания являются ключевым элементом выдвинутого против нее обвинения. Действительно, изучение процедуры показывает, что единственный элемент доказательства, который привели испанские власти, требуя в третий раз выдачи заявительницы, основывался лишь на показаниях, данных г-ном Асурменди 23 и 24 марта 1998 года во время его содержания под стражей гражданской гвардией. Именно на этих показаниях, полученных с помощью пыток, основывалась обвинительная палата Парижского апелляционного суда, вынесшая положительное решение о выдаче от 21 июня 2000 года, а также французское правительство, принявшее постановление о выдаче 29 сентября 2000 года.

3.5.9 По мнению автора, французские власти и органы правосудия не собрали и не рассмотрели углубленным, объективным и беспристрастным образом все элементы, позволяющие установить, что спорные показания были получены незаконным образом. Действительно, с одной стороны, видно, что жалоба о применении пыток, направленная 25 марта 1998 года г-ном Асурменди во время его общения со следственным судьей, не была принята в расчет французскими властями и органами правосудия. Медицинские свидетельства, бесспорно подтверждающие, что показания г-на Асурменди во время его задержания в комиссариате были получены с помощью пыток, систематически игнорировались французскими властями и органами правосудия. Более того, французские органы правосудия упорно отказывались обратиться к испанским властям с тем, чтобы получить любую дополнительную информацию, которая позволила бы выяснить, что упомянутые показания не были получены с помощью пыток.

3.5.10 По мнению заявительницы, показания г-на Асурменди не были признаны недействительными французскими властями и органами правосудия. Несмотря на подтверждение того, что показания г-на Асурменди были получены с помощью пыток, эти показания явились основанием для положительного заключения, вынесенного 21 июня 2000 года обвинительной палатой Парижского апелляционного суда в отношении третьей просьбы испанских властей о выдаче и постановления о выдаче, принятого 29 сентября 2000 года французским правительством. Согласно же статье 15 Конвенции против пыток, показания, полученные с помощью незаконных средств, должны быть признаны полностью недействительными.

3.5.11 Наконец, в рамках процедуры выдачи надлежит, кроме всего прочего, установить, существует ли в государстве, направляющем просьбу о выдаче, практика пыток и признаются ли обычно действительными показания, полученные с помощью пыток, органами правосудия государства, требующего выдачи.

3.5.12 По мнению заявительницы, установлено, что применение пыток и жестокого обращения испанскими силами безопасности является "административной практикой", несовместимой с Конвенцией против пыток, ибо здесь имеет место повторение действий, противоречащих статье 1 Конвенции при официальном попустительстве со стороны властей. Эта практика пыток и жестокого обращения в Испании убедительно подтверждается многочисленными докладами международных органов на протяжении многих лет. Так, в своих выводах по второму периодическому докладу Испании Комитет против пыток "выражает беспокойство... по поводу увеличения числа жалоб, говорящих о пытках и жестоком обращении, задержках в рассмотрении этих жалоб и безнаказанности определенного числа лиц, совершающих пытки". Как подчеркивает КПП, "было бы преждевременным сделать вывод о том, что практика пыток и жестокого обращения в Испании искоренена"^к.

3.5.13 Риск применения пыток и жестокого обращения подтверждается также многочисленными докладами международных органов, касающимися Испании, в том числе совсем недавними:

a) выводами и рекомендациями Комитета по правам человека, сделанными при рассмотрении докладов, представленных Испанией в соответствии со статьей 40 Международного пакта о гражданских и политических правах;

b) докладами КПП о посещении Испании. В этих докладах КПП констатирует сохранение практики пыток и других видов крайне жестокого обращения, применяемых, в частности, сотрудниками гражданской гвардии в отношении лиц баскского происхождения, подозреваемых в принадлежности к ЭТА или в сотрудничестве с этой организацией. В докладе о своем посещении в период 22 ноября - 2 декабря 1998 года КПП сообщает о "наличии свидетельств о нанесении ударов по различным частям тела, а в некоторых случаях о более серьезных формах жестокого физического обращения, в том числе сексуальных надругательствах в отношении женщин-заключенных и удушения с помощью пластикового пакета"^л. В ряде случаев эти доклады включают медицинские справки, подтверждающие свидетельства жертв;

c) докладами гг. Койманса и Родли, Специальных докладчиков Организации Объединенных Наций по вопросу о пытках;

d) выводами Комитета против пыток при рассмотрении периодических докладов, представляемых Испанией в связи с осуществлением статьи 19 Конвенции. 9 ноября 1999 года Комитет сообщил о своих выводах в отношении сообщения № 63/1997, представленного Хосу Аркаусом Араной против Франции (см. пункт 3.5.5);

e) докладами "Международной амнистии", Ассоциации по предупреждению пыток, Всемирной организации против пыток, Международной организации по надзору за тюрьмами. Кроме того, важно подчеркнуть, что начиная с 1990 года испанское правительство разорвало соглашение, заключенное с Международным комитетом Красного Креста, которое позволяло последнему посещать политических заключенных в Испании, и в частности многочисленных заключенных-басков. Несмотря на многочисленные обращения к испанским властям, последние пока еще не возобновили действие этого соглашения.

3.5.14 Кроме того, как следует из заслуживающих доверия выводов международных правозащитных организаций, виды жестокого обращения, обычно применяемые испанскими должностными лицами умышленно и профессионально с тем, чтобы получить признания или сведения, или же с целью устрашения, носят столь серьезный характер, что могут быть квалифицированы как пытки по смыслу статьи 1 Конвенции против пыток и в соответствии с судебной практикой Европейского суда по правам человека.

3.5.15 Безнаказанность, которой пользуются со стороны испанских властей лица, применяющие пытки, является дополнительным фактором риска. Эта безнаказанность побуждает лиц, применяющих пытки и жестокое обращение, продолжать эту практику. Зачастую дела по жалобам жертв прекращаются без рассмотрения; процедуры рассмотрения весьма продолжительны; осуждение лиц, применявших пытки, имеет место весьма редко, а когда приговоры все же выносятся испанскими судами, лиц, применявших пытки, чаще всего ожидает помилование со стороны политических властей, причем некоторые из них даже получают повышение по службе. Таким образом, отсутствие каких-либо мер наказания сотрудников, применяющих пытки, создает атмосферу безнаказанности, которая благоприятствует сохранению практики пыток.

3.5.16 Как было констатировано Комитетом против пыток, показания, полученные с помощью пыток, признаются действительными испанским правосудием, и в частности национальной судебной коллегией, которая является специальной судебной инстанцией по вопросам террористических преступлений и деликтов. Кроме того, решения, выносимые Национальной судебной коллегией, не могут быть обжалованы, что противоречит пункту 5 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах; единственным возможным средством является кассационная жалоба в Верховный суд, который отказывается перепроверять законность доказательств, принятых в первой инстанции Национальной судебной коллегией.

3.5.17 Наконец, касаясь положения в Испании, нужно напомнить, как это было сделано Комитетом против пыток в своих недавних заключительных замечаниях, что в соответствии с пунктом 2 статьи 2 Конвенции "никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были, будь то... внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, не могут служить оправданием пыток". Таким образом, острая конфликтная ситуация, существующая в баскской провинции, не может служить оправданием практики пыток испанскими силами безопасности и использования испанским правосудием доказательств, полученных с помощью пыток.

Замечания государства-участника

4.1 Государство-участник в своей вербальной ноте от 29 апреля 2002 года препроводило Комитету свои замечания.

4.2 Государство-участник отмечает, что заявительница была арестована за хранение оружия и подозревается в принадлежности к ЭТА. Решением Парижского исправительного суда она была приговорена к двум годам и шести месяцам лишения свободы за правонарушения, связанные с хранением и ношением оружия, использованием фальшивых административных документов и участием в преступном сообществе с целью подготовки террористического акта.

4.3 Первая просьба о выдаче, касавшаяся автора, поданная 15 сентября 1997 года, была основана на ее принадлежности к ЭТА и на факте создания инфраструктуры, известной как "мадридская вооруженная группа", которая совершала теракты в испанской столице. По этой причине 21 октября 1997 года заявительница была помещена в отделение, предназначенное для лиц, ожидающих выдачи, в тюрьме города Фрэн. Указом от 18 марта 1998 года обвинительная палата Парижского апелляционного суда вынесла положительное заключение о ее выдаче, и кассационный суд 23 июня 1998 года оставил без удовлетворения ее кассационную жалобу в отношении этого решения.

4.4 Дополнительная просьба о выдаче заявительницы поступила 10 марта 1999 года. Поскольку изучение этой дополнительной просьбы так же, как и ускоренная уголовная процедура, начатая французскими судебными органами, уже велось, власти государства-участника решили не осуществлять выдачу в ответ на первую просьбу.

"Согласно обвинительному акту и доказательствам, представленным испанскими властями в поддержку этой дополнительной просьбы о выдаче, П.Э. обвинялась в том, что в качестве члена террористической организации ЭТА она совместно с другими членами этой организации в Мадриде собирала информацию, осуществляла наблюдение и проверку маршрута следования микроавтобуса, принадлежащего генеральному штабу военно-воздушных сил Испании, с целью подготовки теракта. 30 ноября 1993 года был украден автомобиль "Опель" и его регистрационные номера были заменены. Обвиняемая вместе со своими сообщниками изготовила взрывное устройство, состоящее из двух емкостей, каждая из которых содержала взрывной заряд мощностью около 45 кг. 24 января 1994 года двое сообщников обвиняемой проезжали на заминированном автомобиле через перекресток между Пасео ля Эрмита и Авенида дель Мансанарес в Мадриде. 25 января 1994 года около 8 часов, когда с ними поравнялся военный микроавтобус, Анхель Асурменди Пеньягарикано активировал взрывное устройство, но оно не сработало. Тогда вместе с Арри Паскуалем д'Альваро он бросился бежать Через некоторое время полицейские попытались произвести управляемый взрыв. Им это не удалось и, взорвавшись, бомба ранила 19 человек и серьезно повредила находившиеся поблизости здания и припаркованные автомашины".

4.5 На основании этой дополнительной просьбы 15 июня 1999 года заявительница была помещена в отделение для лиц, ожидающих выдачи. После сбора дополнительной информации с целью проверки того, не истек ли срок давности части деяний, инкриминируемых заявительнице, обвинительная палата 21 июня 2000 года вынесла положительное заключение о ее выдаче на основании фактов, квалифицируемых государством, просившем о выдаче, как покушение на убийство с помощью террористического акта, так как выяснилось, что по французскому праву срок давности применительно к этим деяниям истек.

4.6 21 октября 1997 года заявительница подала прошение об освобождении. Ее прошение было удовлетворено решением обвинительной палаты от 22 марта 2000 года. В рамках процедуры, касающейся дополнительной просьбы о выдаче, заявительница также подала прошение об освобождении 4 сентября 2000 года. Соответствующее решение было принято 18 октября 2000 года, однако сопровождалось помещением заявительницы под судебный надзор.

4.7 Именно в этих условиях, на основании первой просьбы о выдаче, а также дополнительной просьбы, премьер-министр в постановлении от 29 сентября 2000 года дал согласие на выдачу. Заявительница была передана испанским властям 7 ноября 2001 года, в день, когда Государственный совет принял решение отклонить ее апелляцию в отношении этого постановления.

4.8 Касаясь вопроса существования жалобы, государство-участник уточняет, что единственная претензия, которую высказывает заявительница, связана лишь с дополнительной просьбой о выдаче. Она не ставит под вопрос первую просьбу о выдаче, основанную на конкретных фактах, которые сами по себе могли бы оправдать решение о выдаче после вынесения обвинительной палатой положительного заключения от 18 марта 1998 года. Таким образом, оспаривается не сама выдача, а лишь тот факт, что решение о выдаче, принятое государством-участником, не сопровождалось оговоркой, касающейся фактов, связанных с показаниями г-на Асурменди.

4.9 Согласно законодательству государства-участника, в случае просьбы Испании о выдаче применяются положения Закона от 10 марта 1927 года. В силу статьи 16 этого Закона, обвинительная палата должна проверить, соблюдены ли все юридические условия выдачи. В этой связи она должна проверить, правильно ли велось дело, не было ли "явной ошибки" в отношении личности, которую просят выдать и нет ли каких-либо свидетельств того, что данный человек не мог совершить деяние, которое ему инкриминируется. Однако, в силу общего принципа французского права по вопросам выдачи, обвинительная палата не может оценивать, является ли судебное преследование заявительницы обоснованным и являются ли предъявленные ей обвинения достаточными.

4.10 После этого обвинительная палата выносит свое заключение, которое, будучи положительным, может

сопровождаться оговорками или может быть частично положительным. Если выносится отрицательное заключение, оно является окончательным. Возможный контроль со стороны Кассационного суда в этом вопросе может касаться единственно процессуальных аспектов и формальных правил, относящихся к процедуре.

4.11 На основании положительного заключения, вынесенного обвинительной палатой, правительство в каждом конкретном случае принимает постановление о выдаче, которое может быть обжаловано в Государственный совет, контролирующей правильность формы постановления о выдаче и ... законность выдачи как таковой с точки зрения внутреннего законодательства и международных конвенций, с тем чтобы проверить, могло ли правительство, в частности, после рассмотрения дела обвинительной палатой, на законном основании решить, что все условия для выдачи за отмеченные им правонарушения были соблюдены". Государство-участник подчеркивает, что именно в таком контексте Государственный совет 15 февраля 1999 года аннулировал решение о выдаче на основании несоответствия положениям статьи 3 Конвенции против пыток.

4.12. В отношении утверждений заявительницы, согласно которым показания г-на Асурменди были получены под пытками, обвинительная палата пришла к выводу, что "показания упомянутого Асурменди, свидетельствующие против [П.Э.], не были получены насильственным путем, а, как это следует из документов, представленных государством, просящим о выдаче, были даны в помещении гражданской гвардии в присутствии адвоката". Со своей стороны, Государственный совет, основываясь на тех же самых элементах, счел, что эти утверждения автора не сопровождалась никакими доказательствами. Государственный совет также подчеркнул, "что из общих принципов права, применяемых к выдаче, следует, что в функции французских властей не входит, за исключением очевидной ошибки, устанавливать, достаточно ли обоснованы обвинения, предъявляемые соответствующему лицу; в данном случае никакой очевидной ошибки не имело места, во всяком случае в том, что касается правонарушения, состоящего в факте принадлежности к вооруженной группе, а также в преступлении пособничества попытке убийства, инкриминируемых г-же [П.Э.]".

4.13 Государство-участник считает, что обязательства государства-участника в соответствии со статьей 15 Конвенции применяются только в том случае, когда "установлено", что соответствующие показания были получены с помощью пыток. Редакция этого положения значительно отличается от положения статьи 3 Конвенции, запрещающей государству-участнику принудительно возвращать или высылать лицо в другое государство, где существуют серьезные основания полагать, что данное лицо "рискует" подвергнуться пыткам. В данном же случае заявителем не доказано, что показания г-на Асурменди были получены под пытками, а присутствие адвоката на всем протяжении его задержания в комиссариате бросает достаточно серьезную тень сомнения на ее утверждения.

4.14 Кроме того, государство-участник считает, что статья 15 Конвенции отнюдь не вменяет ему в обязанность вести расследование в третьем государстве для того, чтобы оценить обоснованность утверждений о пытках. В вопросах выдачи никогда, в сущности, не допускалось, чтобы одно государство вмешивалось в ход судопроизводства третьей страны. Таким образом, бремя доказывания возлагается на автора этих утверждений.

4.15 Поскольку обязательство по статье 15 применяется лишь тогда, когда установлено, что показания получены под пытками, факт их применения должен быть доказан и таким доказательством может служить совокупность согласующихся между собой элементов. В данном же случае следует констатировать слабость элементов доказательств, приводимых заявительницей. Она ссылается на посещение больницы в конце задержания и на отказ г-на Асурменди от своих показаний на следующий день в присутствии следственного судьи. Вместе с тем заявительница не приводит ни малейшего доказательства ухудшения состояния здоровья г-на Асурменди во время содержания под стражей и не указывает на причинную связь между этим ухудшением и пытками, которым он якобы подвергался. Отказ же от своих прежних показаний в присутствии следственного судьи можно объяснить тем, что в этот момент г-н Асурменди не подвергался никакому давлению, а, значит, вполне мог "скорректировать" свои предыдущие показания в сторону сокращения.

4.16 В отношении присутствия назначенного судом адвоката и того факта, что испанское законодательство не позволяет лицам, содержащимся под стражей, выбирать адвоката по своему усмотрению, следует отметить, что назначение судом адвоката, присутствовавшего в ходе дачи показаний, не является само по себе элементом, позволяющим подозревать его в серьезном отступлении от своих профессиональных обязанностей, выразившемся в том, что он сразу же или позже не заявил о получении показаний под пытками.

4.17 Помимо того, что дополнительные пояснения автора относительно условий содержания под стражей в полиции в Испании носят очень общий характер, государство-участник подчеркивает, что сообщения, содержащие аналогичные утверждения, уже отклонялись органами Организации Объединенных Наций. Так, в своем мнении № 26/1999 (см. E/CN.4/2001/14/Add.1) Рабочая группа по произвольным задержаниям, сочла, что

"Само по себе содержание в режиме строгой изоляции, когда оно оправдано вескими причинами, связанными с расследованием конкретного дела, и тем более когда речь идет о таких серьезных преступлениях, как терроризм, не может само по себе считаться противоречащим Пакту. ... Рабочая группа считает, что обвинение в преступлении терроризма и принадлежности к преступному сообществу является чрезвычайным обстоятельством, которое, согласно испанскому законодательству, допускает тайное содержание в режиме строгой изоляции в течение короткого времени. ... Эти же замечания относятся к праву выбора адвоката и праву на его помощь во время процесса, к праву адвоката общаться с обвиняемым в соответствии с положениями Свода принципов, утвержденных в 1988 году консенсусом Генеральной Ассамблеи. Следует отметить, что Микель Эгбар не требовал, чтобы его допрашивали в присутствии адвоката, выбранного им самим, и дал согласие на присутствие назначенного адвоката, таким образом его права не были нарушены; более того, как только мера содержания в режиме строгой изоляции была отменена, он смог выбрать адвоката, которого сохранил на всем протяжении

процесса. ... Тайна следствия на первом этапе расследования является мерой, допускаемой не только испанским законодательством, но и подавляющим большинством законодательств других стран, с тем чтобы обвинительное заключение не было признано недействительным. Такая мера не нарушает права на защиту, поскольку защитник имеет в ходе судопроизводства доступ ко всем материалам дела и может опротестовать необоснованное доказательство или доказательство, полученное незаконным путем. Таким образом, нельзя делать вывод о нарушении основного права обвиняемого на защиту.

В связи с этим заявительница не может ссылаться на отсутствие выбора адвоката у г-на Асурменди.

4.18 Наконец, относительно выводов Комитета по делу Аркауса Араны, государство-участник считает, что его жалоба отличается от рассматриваемой, с одной стороны, потому что в данном случае содержится утверждение о нарушении статьи 3, а не статьи 15 Конвенции, что объясняет, почему Комитет приводит пространный перечень элементов, которые давали бы основания государству-участнику опасаться возможных актов пытки в случае выдачи и, с другой стороны, потому, что Комитет высказывал свои упреки Франции в связи с процедурой выдачи, впоследствии признанной незаконной французскими судами, осуществленной в форме прямой передачи лица из полиции в полицию без соблюдения прав задержанного, что неприменимо в данном случае, поскольку речь идет о процедуре выдачи, соответствующей нормам, применимым в этой области, когда заявитель никоим образом не был лишен возможности осуществить свои права в рамках французского правосудия.

Комментарии заявительницы

5.1 В письме от 23 июня 2002 года заявительницы изложила свои комментарии относительно замечаний государства-участника по существу своей жалобы. В своих комментариях она не отказывается от своих утверждений и повторяет аргументы, изложенные в ее жалобе.

5.2 Чтобы продемонстрировать уместность своих аргументов, согласно которым государства - участники Конвенции должны соблюдать статью 15 Конвенции, включая случаи выдачи или высылки, заявительница прежде всего привлекает внимание Комитета к тому факту, что две другие страны Европейского союза, а именно Бельгия и Португалия, недавно отказались выдать трех предполагаемых членов ЭТА на основании статьи 15 Конвенции по той причине, что просьбы об их выдаче были основаны на доказательствах, полученных под пытками.

5.3 Заявительница считает, что утверждение, согласно которому французское правосудие не обязано проводить расследование в третьем государстве, для того чтобы проверить обоснованность утверждения о пытках, является чрезвычайно узким толкованием, которое противоречит цели Конвенции. Она выхолащивает сущность основополагающего принципа Конвенции, а именно абсолютного запрещения пыток и одного из главных следствий этого - незаконности доказательств, полученных под пытками. При наличии, как это имеет место в данном случае, серьезного и обоснованного утверждения о том, что полученные с помощью пыток доказательства лежат в основе соответствующей процедуры, государство-участник должно использовать все средства, находящиеся в его распоряжении, для того чтобы проверить достоверность этих утверждений. В данном случае французские юридические инстанции могли, например, затребовать у испанских властей дополнительную информацию, что является весьма распространенной практикой в вопросах выдачи. Такая просьба могла бы помочь французским властям собрать и изучить на основе объективного, взвешенного и глубокого подхода все элементы, которые могли бы позволить установить, что указанные показания были получены незаконным образом.

5.4 В качестве элементов, позволяющих ей настаивать на своих утверждениях, согласно которым г-н Асурменди дал свои показания под пытками, заявительница ссылается на доклад КПП, относящийся как раз к периоду, когда были сделаны эти спорные заявления и согласно которым

"До и во время визита в Испанию КПП получала из различных источников сообщения, содержащие значительное число утверждений о жестоком обращении, применявшемся национальной полицией, гражданской гвардией и баскской автономной полицией (Ertzaintza) в период содержания под стражей в 1997 и 1998 годах. В этих сообщениях говорилось об ударах по различным частям тела и в некоторых случаях о более серьезных формах жестокого физического обращения, включая сексуальные надругательства над задержанными женщинами со стороны полицейских-мужчин и удушение с помощью пластикового пакета, надетого на голову. В некоторых случаях эти сообщения включали медицинские справки, свидетельствующие о ранениях и условиях содержания, о которых говорили заинтересованные лица.

Многие из вышеупомянутых сообщений касались лиц, задержанных в баскской провинции или в районе Наварры по подозрению в терроризме или в нарушениях общественного порядка, связанных с террористической деятельностью. Известно также, что в некоторых из этих случаев заинтересованные лица или их родственники подали официальные жалобы, в том числе в соответствующие судебные инстанции, в связи с обращением, которому они подвергались" 0 .

5.5 Вопреки утверждениям государства-участника Специальный докладчик по вопросу о пытках в своем докладе, представленном 2 февраля 2000 года (E/CN.4/2000/9, пункт 917), конкретно указывает, что

"21 марта 1998 года Микель Асурменди Пеньягарикано был задержан Гражданской гвардией в Севилье и в настоящее время находится в исправительном центре Мадрид-2 (в Алькала-де-Энарес). Г-н Асурменди заявил, что, будучи задержанным, он подвергался жестокому обращению и пыткам. Его постоянно били ногами, нанося ему удары по ребрам, голове и половым органам, воздействовали электрическим током на область желудка, грудь и половой член, инсценировали казнь, завязывали ему глаза, угрожали расправиться с его семьей и с его подружкой

Майте Педроса, которая также была задержана. С момента поступления в исправительное учреждение г-н Асурменди жаловался на боли в лодыжке, что доставляло ему большое неудобство".

5.6 По поводу присутствия назначенного судом адвоката во время дачи спорных показаний заявительница также ссылается на недавний доклад Специального докладчика по вопросу о пытках, согласно которому

"Отмечалось, что значительная часть задержанных подвергалась допросам в отсутствие адвоката или им назначался государственный защитник, который на этапе вынесения судьей соответствующей санкции не возражал против применения к подзащитным меры пресечения в виде содержания под стражей. В этой связи Специальному докладчику сообщили о том, что Уголовно-процессуальный закон предусматривает, что в случае содержания под стражей в режиме строгой изоляции задержанному назначается государственный защитник и что родственники или заинтересованные лица не информируются о факте задержания и месте содержания под стражей" (перевод с испанского документа E/CN.4/2002/76/Add.1, пункт 1390).

5.7 Заявительница также хотела бы подчеркнуть, что французские власти без колебаний признали действительными показания г-на Асурменди, сделанные 23 и 24 марта 1998 года во время содержания в полиции, и никоим образом не приняли в расчет его последующие показания, данные в присутствии следственного судьи. Таким образом, власти государства-участника наделили неопровержимой презумпцией достоверности признания, полученные 23 и 24 марта 1998 года.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 Прежде чем рассматривать любую жалобу, содержащуюся в сообщении, Комитет против пыток должен решить, является ли сообщение приемлемым в соответствии со статьей 22 Конвенции. В соответствии с подпунктом а) пункта 5 статьи 22 Конвенции Комитет удостоверился в том, что этот вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования. В данном случае Комитет также отмечает, что все внутренние средства правовой защиты были исчерпаны и что государство-участник не оспаривало приемлемость сообщения. Поэтому он считает сообщение приемлемым. Поскольку государство-участник и автор высказали свои замечания по существу жалобы, Комитет приступает к рассмотрению ее существа.

6.2 Комитет принимает к сведению утверждения заявительницы по поводу обстоятельств, в которых были даны показания г-на Асурменди, доводы, которые она приводит в поддержку этих утверждений, а также аргументы, приводимые сторонами в связи с обязательствами государств-участников по статье 15 Конвенции.

6.3 Комитет считает в этой связи, что общий смысл положений статьи 15 вытекает из абсолютного характера запрещения пыток и, следовательно, предполагает обязательство любого государства-участника проверять, не были ли получены с помощью пыток показания, которые служат элементами процедуры, находящейся в его компетенции. По этому поводу Комитет отмечает, что спорные показания являются частью элементов процедуры выдачи, касающейся заявительницы и входящей в компетенцию государства-участника. В этой связи, имея дело с утверждениями, согласно которым спорные показания, являющиеся, по крайней мере частично, основанием для дополнительной просьбы о выдаче, были получены с помощью пыток, государство-участник обязано проверить достоверность подобных утверждений.

6.4 Комитет отмечает, что французские власти, как судебные, так и административные, действительно рассматривали утверждения заявительницы и пришли к выводу о том, что они недостаточно подкреплены доказательствами. Комитет констатирует также, что жалоба, которую подал г-н Асурменди в связи с обращением, жертвой которого он стал в период содержания в полиции, находится на рассмотрении испанских судебных властей, которые должны по завершении судебного разбирательства заключить, были ли признания г-на Асурменди получены в условиях, противоречащих закону. По мнению Комитета, только такое судебное заключение должно приниматься во внимание, а не простой отказ г-на Асурменди от тех признаний, которые были им сделаны ранее в присутствии адвоката.

6.5 В этой связи Комитет подтверждает, что оценивать факты и элементы доказательств в каждом конкретном случае надлежит не Комитету, а судам государств - участников Конвенции. Рассматривать порядок ведения судопроизводства надлежит апелляционным инстанциям государств - участников Конвенции, если только не установлено, что способ, которым доказательства были получены, был явно незаконным или являлся отказом в правосудии, или что судья явно нарушил свою обязанность соблюдать беспристрастность.

6.6 Комитет, принимая во внимание тот факт, что бремя доказывания обоснованности утверждений принадлежит автору, считает, что на основании полученных им данных он не может заключить, что спорные показания были получены с помощью пыток.

6.7 В этой связи Комитет считает, что имеющиеся в его распоряжении данные не позволяют признать, что в данном случае имело место нарушение статьи 15 Конвенции.

Примечания

а Поскольку заявительница была выдана Испании 7 ноября 2001 года, государство-участник не смогло удовлетворить просьбу Комитета от 5 декабря 2001 года о временных мерах.

в Заявительница не сообщает точной даты своего ареста.

сЗаявительница подчеркивает в этой связи, что ее отношения со своим партнером всегда носили сугубо личный характер.

dРечь идет о просьбе, которую государство-участник квалифицирует как "дополнительную просьбу", см. пункт 4.4 и след. пункты.

eГосударство-участник поясняет в своих замечаниях (см. пункт 4.1 и далее) причины, в силу которых это заключение было частично положительным.

fЗаявительница поясняет, что "сама процедура содержания под стражей в целом не гарантирует того, что задержанное лицо может свободно дать показания, даже если назначенный судом адвокат присутствует при даче "официальных" показаний. По заслуживающим доверия свидетельствам, представленным многими лицами, ставшими жертвами пыток и жестокого обращения в Испании, содержание под стражей в сущности осуществляется следующим образом:

a)пытки или жестокое обращение начинаются с момента ареста, в том числе во время доставки в помещение испанских служб безопасности;

b)в первые часы и дни помещения под стражу применение насилия имеет своей целью добиться от задержанного дачи показаний, которые нужны его мучителям; насилие и допросы продолжаются непрерывно, днем и ночью; методы, обычно используемые сотрудниками испанских служб безопасности, по отдельности или в совокупности причиняют боль и сильные физические и/или душевные страдания и могут быть квалифицированы как пытка по смыслу статьи 1 Конвенции против пыток. В частности, речь идет об избиении, применении электротока, пытке под названием "болса" (удушение с помощью надеваемого на голову пластикового пакета), изнуряющих физических упражнениях, лишении сна и/или пищи, истязаниях сексуального характера, включая изнасилование, унижающем достоинство обращении, непрерывных угрозах и оскорблениях в адрес задержанного и/или его близких;

c)когда физическое и моральное сопротивление задержанного сломлено, необходимые показания диктуются сотрудниками, ведущими допрос, и должны быть заучены наизусть задержанным; устраиваются неоднократные проверки того, дает ли задержанный нужные показания. Если человек сопротивляется или не дает желаемых показаний в присутствии назначенного судом адвоката, мучители угрожают ему продолжением допросов или возобновлением пыток. В частности, перед тем, как дать "официальные" показания, человеку угрожают возобновлением пыток, если он точно не повторит во время дачи показаний в присутствии назначенного судом адвоката заученный им "урок". Если показания "не соответствуют требуемому", пытки начинаются снова до тех пор, пока не будет достигнут желаемый результат.

gОфициальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят четвертая сессия, Дополнение № 44 (A/54/44), глава IV, раздел F.

hТам же, пятьдесят пятая сессия, Дополнение № 44 (A/55/44), приложение VII, раздел A.2, пункт 1.1.4.

iДоклад испанскому правительству о посещении Испании Европейским комитетом по предотвращению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания (КПП) 10-22 апреля 1994 года (СРТ/Inf (96) 9 (Part 2), para 58.

jОфициальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят восьмая сессия, Дополнение № 44 (A/48/44), глава IV, пункт 457.

kДоклад испанскому правительству о посещении Испании Европейским комитетом по предотвращению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания (КПП) 10-14 июня 1994 года (СРТ/Inf (96) 9 (Part 3), para.5).

lДоклад испанскому правительству о посещении Испании Европейским комитетом по предотвращению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания (КПП) 22 ноября - 4 декабря 1998 года (СРТ/Inf (2000) 5), para. 12.

mСм. главу III настоящего документа.

nГосударство-участник не упоминает о существовании более ранней, "первой" просьбы о выдаче, на которую ссылается автор в пункте 2.2.

oДоклад испанскому правительству, *op. cit.*, сноска 1.

Жалоба № 197/2002

Представлена:У.С.а

Предполагаемая жертва:У.С.

Государство-участник:Финляндия

Дата представления жалобы:7 января 2002 года (первоначальное представление)

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких,

бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 1 мая 2003 года,

завершив рассмотрение жалобы № 197/2002, представленной Комитету против пыток г-ном У.С. в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв к сведению всю информацию, представленную ему автором жалобы, его адвокатом и государством-участником,

принимает следующее решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции

1.1 Заявителем является г-н У.С., гражданин Шри-Ланки, в настоящее время проживающий в Финляндии и ожидающий депортации в Шри-Ланку. Он утверждает, что его насильственное возвращение в Шри-Ланку будет представлять собой нарушение Финляндией статьи 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Его представляет адвокат.

1.210 января 2002 года Комитет направил государству-участнику сообщение, с тем чтобы оно представило свои замечания, и просил, согласно пункту 1 правила 108 его правил процедуры, не возвращать заявителя в Шри-Ланку, пока его сообщение находится на рассмотрении Комитета. Государство-участник выполнило эту просьбу.

Факты в изложении заявителя

2.1 Заявитель являлся членом Народно-освободительной организации Тамил Илама (НООТИ) до 1985 года, пока она не была запрещена организацией "Тигры освобождения Тамил Илама" (ТОТИ). В 1985 году ТОТИ арестовала заявителя и содержала его под стражей четыре месяца, в течение которых он подвергался допросам с целью выяснения местонахождения оружия НООТИ. Впоследствии представители ТОТИ допрашивали его несколько раз.

2.2 В этот период заявитель работал кондуктором автобуса и совершал поездки в районы, контролируемые ТОТИ и шри-ланкийской армией. Учитывая его профессию и тот факт, что он более не являлся членом НООТИ, эта организация подозревала его в сотрудничестве с ТОТИ и сообщила шри-ланкийской армии о своих подозрениях.

2.3 В марте 1987 года заявитель был арестован военнослужащими шри-ланкийской армии и содержался под стражей в течение почти двух лет. В период содержания под стражей он якобы постоянно подвергался пыткам в течение шести месяцев. Его избивали, в том числе ногами, подвешивали за левое плечо и оставляли висеть в таком положении продолжительное время, его половые органы были "повреждены", на руках были следы от ожога горячим предметом, и его также подвергали воздействию ударов электрического тока, одновременно обливая холодной водой.

2.4 После освобождения 2 января 1989 года заявитель был вновь арестован Индийскими силами по поддержанию мира (ИСПМ) и подвергался допросам три-четыре раза, каждый раз в течение порядка трех дней. Он также подвергался допросам и со стороны ТОТИ, представители которой пытались выяснить, что именно он рассказал ИСПМ о членах этой организации.

2.5 В июне 1989 года заявитель бежал в Германию, где обратился с просьбой о предоставлении убежища. Его заявление было отклонено, и он сразу же попытался переехать во Францию. Французская полиция арестовала его и вернула в Германию. Из Германии в июле 1989 года его вернули в Шри-Ланку. По возвращении он пребывал в находящемся под контролем ТОТИ районе Джафны до 1995 года. Его несколько раз допрашивали представители ТОТИ, которые хотели выяснить, имел ли он какие-либо связи с НООТИ.

2.6 В 1996 году, после того как шри-ланкийская армия оккупировала Джафну, заявитель бежал в Ванни, где проживал с родственниками, а затем переехал в Хаттон. Находясь в Хаттоне, заявитель дважды подвергался арестам шри-ланкийской армией, поскольку он был новым человеком в районе. В 1998 году он был арестован шри-ланкийской полицией и содержался под стражей в течение трех месяцев по подозрению в принадлежности к ТОТИ. Во время содержания под стражей он подвергался жестоким избиениям; на его губах и за ухом остались шрамы от ударов прикладом винтовки. В марте 1998 года, после того, как заявитель дал взятку сотруднику полиции, он был освобожден.

2.7 После освобождения заявитель бежал через Россию в Финляндию, куда прибыл 21 декабря 1998 года. Он сразу же подал заявление о предоставлении убежища. 12 февраля 2001 года Иммиграционное управление отклонило его заявление и издало приказ о его депортации. 13 ноября 2001 года Административный суд города Хельсинки отклонил его апелляцию. После этого он написал заявление с просьбой о разрешении на подачу апелляции в Верховный административный суд и приостановлении действия приказа о депортации. 31 декабря 2001 года его заявление было отклонено.

2.8 После прибытия в Финляндию заявитель прошел несколько медицинских обследований и психологических тестов. Он представил шесть медицинских заключений, три из которых касались его физического состояния и три - психологического. В двух заключениях говорится о шрамах на его губе и за левым ухом. В третьем заключении указывается, что он страдает посттравматическим стрессовым расстройством, что у него повреждено плечо, что подтверждает его утверждения в отношении пытки в виде подвешивания за руку, и что он страдает от психических травм и физических повреждений, которые "возможно, были вызваны пытками".

Жалоба

3.1 Заявитель утверждает, что, после того как его заявление о разрешении на подачу апелляции в отношении приказа о депортации было отклонено Верховным административным судом, он исчерпал все внутренние средства правовой защиты.

3.2 Заявитель утверждает, что есть серьезные основания полагать, что он будет подвергнут пыткам по возвращении в Шри-Ланку, что является нарушением статьи 3 Конвенции. Он подчеркивает, что положение в области прав человека в Шри-Ланке по-прежнему оставляет желать лучшего, и особенно это касается лиц, принадлежащих к тамилам, и что лица, которых подозревают в членстве в ТОТИ, находятся под угрозой исчезновения, а также произвольного задержания и пыток.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа дела

4.18 марта 2002 года государство-участник заявило, что оно не имеет возражений против приемлемости данного дела. 9 июля 2002 года оно представило свои замечания по существу дела. Государство-участник утверждает, что изложение фактов заявителем отчасти является неточным, особенно его утверждения, касающиеся просьбы о предоставлении убежища в Германии и последующих событий. Оно обращает внимание Комитета на решение Иммиграционного управления, в котором, как утверждается, указывается на ряд неточностей в описании событий заявителем. Государство-участник утверждает, что ходатайства заявителя были справедливо рассмотрены в рамках внутренней правовой системы. Оно приводит примеры конкретных дел о предоставлении убежища, когда Верховный суд отменял свое решение о депортации, с тем чтобы продемонстрировать, что каждое дело оценивается с учетом конкретных обстоятельств.

4.2 В решении от 22 октября 2001 года Иммиграционное управление рассмотрело личную ситуацию заявителя. Оно пришло к выводу о том, что развитие событий в период 1983-1989 годов не оказало непосредственного воздействия на решение заявителя покинуть страну своего происхождения. Как утверждает заявитель, он вернулся в свой родной город Джафну после того, как его просьба о предоставлении убежища была отклонена германскими властями. Он проживал там без проблем до 1996 года, когда Джафну оккупировала шри-ланкийская армия и когда большинство местных жителей были вынуждены переехать в Ванни. Пытки, которым якобы подвергнулся заявитель примерно за 10 лет до того, как он прибыл в Финляндию, не являются в чистом виде достаточным основанием полагать, что заявителю вновь будет угрожать применение пыток.

4.3 Государство-участник утверждает, что аресты, которым, по словам заявителя, он подвергся в 1998 году, не дают оснований считать, что шри-ланкийские власти проявят особый интерес к деятельности заявителя, поскольку, как утверждает он сам, аресты были обусловлены тем фактом, что заявитель недавно прибыл в этот район и подозревался в связи с ТОТИ. Государство-участник отмечает, что по освобождению после своего второго ареста заявитель продолжал оставаться в течение еще двух недель в Хаттоне, где он был вновь арестован, а после этого – в других районах, находившихся под контролем правительства, до тех пор, пока не покинул страну. По мнению государства-участника, ничто не свидетельствует о том, что заявитель лично преследуется шри-ланкийскими властями.

4.4 Государство-участник подчеркивает, что с 80-х годов заявитель не проявлял политической активности и не принимал участия в действиях ТОТИ. Поэтому нет каких-либо существенных оснований полагать, что ему будут угрожать пытки в стране его происхождения.

4.5 Хотя государство-участник соглашается с тем, что медицинские заключения в целом подтверждают слова заявителя относительно его травм, оно отмечает, что они уже в некоторой степени зажили и что заявитель более не нуждается в лечении от депрессии. Оно признает, что ему по-прежнему необходимо регулярное психиатрическое лечение и физиотерапия, но утверждает, что релевантность медицинских заключений следует оценивать на фоне других фактов, относящихся к данному делу.

4.6 Государство-участник утверждает, что у заявителя не выявлено симптомов заболеваний, которые не могли бы быть вылечены в стране его происхождения, и что состояние его здоровья не является препятствием для исполнения решения о депортации. Учитывая, что события, которые, как утверждается, повлияли на здоровье заявителя, происходили в 80-х годах, состояние его здоровья не является достаточным основанием полагать, что он окажется под угрозой быть подвергнутым пыткам в стране своего происхождения.

4.7 Государство-участник утверждает, что в последние несколько лет положение в области прав человека в Шри-Ланке значительно улучшилось. Оно ссылается на документ, подготовленный Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ) в 1999 году для Рабочей группы высокого уровня Европейского сообщества по проблемам убежища и миграции, в котором говорится, что просители убежища, в отношении которых было установлено, что они не соответствуют критериям, предъявляемым к беженцам, могут быть возвращены в Шри-Ланку. Оно ссылается на соглашение о прекращении огня, достигнутое 23 февраля 2002 года, условия которого вооруженные силы Шри-Ланки и ТОТИ с тех пор строго соблюдают. В настоящее время жителям более не надо отмечаться на военных контрольно-пропускных пунктах. Оно также ссылается на заявление представителя УВКБ от 21 мая 2002 года, где указывается, что в 2002 году домой вернулись 71 000 тамильских беженцев, в том числе более половины из них – в район Джафны. Поэтому, по мнению государства-участника, с учетом продолжающегося улучшения положения в Шри-Ланке нет оснований предполагать, что заявитель окажется в реальной опасности быть лично подвергнутым пыткам по возвращении в страну.

Комментарии заявителя по представлению государства-участника

5.1 В своем ответе заявитель повторяет факты, изложенные в его первоначальном представлении, дополняя его новой информацией. Он утверждает, что в августе 1985 года он зарыл оружие, принадлежавшее Организации освобождения Илама (ООИ), еще одной организации, запрещенной ТОТИ, в саду дома, где проживала его семья. Поскольку ТОТИ фактически контролирует жизнь населения Джафны, заявитель опасается серьезных последствий для себя и своей семьи в случае получения ТОТИ информации об этом оружии. Он утверждает, что ТОТИ рассматривает сокрытие оружия и боеприпасов как серьезное преступление против организации и примет в отношении такого деяния жесткие меры. Кроме того, поскольку это деяние представляет собой преступление по законодательству ШриЛанки, он рискует быть привлеченным к ответственности и властями. Он утверждает, что не представил эту информацию в ходе рассмотрения его просьбы о предоставлении убежища, поскольку испытывал страх. В объяснение того, почему он затронул данный вопрос лишь на этом этапе, заявитель ссылается на юридическую практику Комитета, указывая, что от жертвы пыток невозможно ожидать полного и последовательного отчета о ее прошлом опыте в ходе рассмотрения заявления о предоставлении убежища. Он также ссылается на согласие УВКБ с тем, что лицо, опыт которого заставил его не доверять властям страны своего происхождения, может не доверять представителям любой власти.

5.2 Кроме того, заявитель утверждает, что, после того как он бежал из ШриЛанки, он получил информацию о том, что некоторые из его тамильских друзей были убиты, некоторые вступили в армию, а другие покинули ШриЛанку. НООТИ была распущена в 2000 году, когда на ее лидера было совершено покушение в Вавуние. Он также утверждает, что, поскольку у него нет национального удостоверения личности, он окажется в исключительно рискованном положении, о чем свидетельствует доклад Управления по иммиграции и вопросам гражданства министерства внутренних дел Соединенного Королевства от апреля 2002 года.

5.3 Что касается нынешнего положения в области прав человека в ШриЛанке, то заявитель отрицает, что положение в стране существенно улучшилось, и ссылается при этом на доклад Организации по наблюдению за соблюдением прав человека (июль 2002 года) и Страновой доклад о практике в области прав человека за 2001 год государственного департамента Соединенных Штатов Америки). В соответствии с первым докладом, официальные власти в рамках мирного процесса уделяли мало внимания правам человека, несмотря на тот факт, что причинами гражданской войны были серьезные нарушения прав человека всеми сторонами. Большинство из сотен содержащихся под стражей лиц составляют тамилы, арестованные по подозрению в связях с ТОТИ. Меморандум о договоренности не является правозащитным документом, и имеются свидетельства продолжающихся нарушений после его принятия. Согласно второму докладу, в некоторых районах сохраняются серьезные проблемы в области прав человека, а продолжающаяся война с ТОТИ по-прежнему приводит к серьезным нарушениям прав человека обеими сторонами. Силы безопасности и полиция продолжают пытать и подвергать жестокому обращению задержанных, находящихся в отделениях полиции и тюрьмах, в особенности тамилы, подозреваемых в поддержке ТОТИ. По этим причинам заявитель выражает сомнение в отношении наличия достоверных свидетельств того, что положение в области прав человека радикально изменилось или что серьезные, вопиющие или массовые нарушения прав человека в ШриЛанке более не имеют места.

5.4 Что касается медицинских заключений, то заявитель признает, что его состояние немного улучшилось, но что это не имеет значения для оценки того, являлся ли он жертвой пыток. По его мнению, государство-участник отказывается признать, что он подвергался пыткам не только в 80х годах, но и во время его трехмесячного содержания под стражей в 1998 году. По его словам, нет оснований заявлять, что система здравоохранения ШриЛанки может обеспечить специальное лечение, в котором он нуждается. Хотя он и признает, что состояние его здоровья само по себе может и не являться существенным основанием для того, чтобы полагать, что ему угрожает опасность быть подвергнутым пыткам при оценке наличия такой опасности, оно представляет собой реальный факт по смыслу пункта 2 статьи 3 Конвенции.

5.5 Заявитель утверждает, что "вопрос заключается в том ... [существует ли] ... реальная угроза быть подвергнутым пыткам в ШриЛанке, а не в том, справедливо ли была рассмотрена его просьба о предоставлении убежища в Финляндии". Таким образом, проблема заключается в истолковании статьи 3 Конвенции, а не в том, было ли решение Финляндии в отношении предоставления убежища законным с процедурной и материальной точек зрения.

5.6 Заявитель утверждает, что критерии, применявшиеся Комитетом в деле Элми против Австралии в отношении расширенного понятия "государственное должностное лицо или иное лицо, выступающее в официальном качестве", также применимы к роли, которую ТОТИ играла в тех районах ШриЛанки, которые находились под ее контролем. Он ссылается на осуществление ТОТИ квазиправительственных полномочий в северных и восточных районах страны, находившихся под ее контролем, тот факт, что эта организация была признана в качестве одной из сторон на мирных переговорах и что недавно она открыла политическое представительство в Джафне при поддержке правительства ШриЛанки. Поэтому, утверждает заявитель, угроза пыток, которым он может быть подвергнут со стороны ТОТИ, является реальной при оценке риска, нарушения статьи 3.

5.7 Заявитель вновь отмечает, что примененные к нему в прошлом пытки причинили ему тяжелые психические страдания и физические травмы. Он утверждает, что в связи с нестабильной обстановкой в ШриЛанке правомерно говорить о том, что он, помимо значительного риска быть подвергнутым пыткам, будет испытывать крайнюю тревогу в связи с проживанием в ШриЛанке. Он указывает на то, что, по словам его психиатра, он нуждается в специальном лечении, а поэтому является психически уязвимым перед эмоциональным стрессом, который у него неизбежно вызовет жизнь в ШриЛанке. Таким образом, это само по себе может представлять собой страдание, сопоставимое с пыткой.

Дополнительные комментарии государства-участника

6.128 февраля 2003 года государство-участник заявило, что новая информация заявителя о его деятельности от имени ООИ не заслуживает доверия, поскольку она никогда не упоминалась заявителем до его письма Комитету 4 ноября 2002 года. Приводимая им причина, согласно которой он опасался того, что в ТОТИ узнают о его деятельности, не объясняет, почему он не упомянул об этом инциденте ранее, когда рассказывал о своей деятельности от имени НООТИ, которая тоже выступала против ТОТИ. Кроме того, учитывая, что эта предполагаемая деятельность имела место почти 20 лет назад, заявитель вряд ли станет объектом мести со стороны ТОТИ.

6.2 Государство-участник также утверждает, что тот факт, что заявитель вернулся в Шри-Ланку и не испытал на себе каких-либо негативных последствий после того, как ему было отказано в убежище в Германии, подтверждает мнение о том, что ему лично не будут угрожать пытки по возвращении в Шри-Ланку. Оно ссылается на сообщения заявителя относительно положений в области прав человека в Шри-Ланке и отмечает, что Иммиграционное управление, равно как и национальные суды уже приняли эти сообщения во внимание при рассмотрении его заявления о предоставлении убежища. Оно также отмечает, что Комитет уже по меньшей мере дважды приходил к заключению о том, что ТОТИ не может рассматриваться как власть по смыслу статьи 3 Конвенции.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

7.1 Комитет рассмотрел сообщение в свете всей представленной ему сторонами информации в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции.

7.2 Стоящий перед Комитетом вопрос заключается в том, чтобы определить, будет ли насильственное возвращение заявителя в Шри-Ланку являться нарушением обязательства Финляндии по статье 3 Конвенции о невозвращении того или иного лица в другое государство, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток.

7.3 Принимая такое решение, Комитет должен учесть все соответствующие соображения по смыслу пункта 2 статьи 3 Конвенции, включая наличие постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека. Однако цель решения по этому вопросу заключается в том, чтобы установить, будут ли конкретным лицам непосредственно угрожать пытки в стране, в которую они вернутся. Следовательно, наличие постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека в той или иной стране само по себе не является достаточным основанием для определения того, будет ли тому или иному лицу угрожать опасность применения пыток по возвращении в данную страну; для того чтобы убедиться в том, что данному лицу лично будет угрожать такая опасность, необходимо наличие дополнительных оснований. Аналогичным образом, отсутствие постоянной практики грубых нарушений прав человека не означает, что то или иное лицо не может оказаться в опасности быть подвергнутым пыткам в касающихся его конкретных обстоятельствах.

7.4 Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 1 в отношении осуществления статьи 3 в контексте пункта 6 статьи 22, где говорится, что:

"Ввиду того, что государство-участник и Комитет обязаны оценивать наличие серьезных оснований полагать, что автору может угрожать применение пыток в случае его/ее высылки, возвращения или выдачи, при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Вместе с тем при оценке этого риска не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности".

7.5 Комитет отмечает, что обязательство государства-участника воздерживаться от насильственного возвращения того или иного лица в другое государство, где есть серьезные основания полагать, что там ему могут угрожать пытки, непосредственно связано с определением пытки, содержащемся в статье 1 Конвенции. Для целей Конвенции, согласно статье 1, "определение "пытка" означает любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве".

7.6 Что касается возможности того, что заявитель может быть подвергнут пыткам со стороны государства по его возвращении в Шри-Ланку, то Комитет должным образом принимает к сведению утверждение заявителя о том, что он прежде подвергался содержанию под стражей и пыткам со стороны военнослужащих шри-ланкийской армии. Комитет далее отмечает, что заявитель представил медицинские заключения, подтверждающие наличие телесных повреждений, которые, "возможно, были получены в результате пыток", и что государство-участник не отрицает подлинность этих заключений, хотя ни в одном из заключений убедительным образом не подтверждается, что он был подвергнут пыткам во время его содержания под стражей в 1998 году. Государство-участник не оспаривает подлинность этих заключений, но отмечает, что в этих же заключениях подтверждается постепенное улучшение состояния здоровья заявителя и что излечение испытываемых им в настоящее время недугов может быть обеспечено в Шри-Ланке. Государство-участник не допускает возможность того, что такие пытки, которым, по видимому, подвергся заявитель, были применены к нему военнослужащими шри-ланкийской армии - во всяком случае эти события должны были бы произойти много лет назад.

7.7 Комитет отмечает значимость наблюдаемого мирного процесса в стране, приведшего к заключению в феврале

2002 года Соглашения о прекращении огня между правительством и ТОТИ, а также продолжающихся с того времени переговоров между сторонами в конфликте. Комитет напоминает также о результатах проведенного им расследования в отношении Шри-Ланки в соответствии со статьей 20 Конвенции и сделанный им вывод о том, что, несмотря на вызывающую беспокойство информацию об имеющихся в стране случаях пыток и жестокого обращения по смыслу статей 1 и 16 Конвенции, эта практика не носит систематического характера. Он отмечает, наконец, выраженное в марте 1999 года мнение УВКБ, согласно которому лица, не удовлетворяющие критериям беженцев, включая лиц тамильского происхождения, могут быть возвращены в Шри-Ланку, и тот факт, что большое число тамильских беженцев возвратились в Шри-Ланку в 2001 и 2002 годах. В этой связи следует также отметить, что с середины 1980-х годов заявитель не занимался активной политической деятельностью.

7.8 Комитет напоминает о том, что, для того чтобы статья 3 Конвенции была применима к соответствующему лицу, ему должны конкретно и реально угрожать пытки в стране, в которую оно возвращается, и эта угроза должна носить личный характер и существовать в настоящее время. С учетом замечаний, изложенных в пунктах 7.6 и 7.7 выше, Комитет не считает, что заявителю удалось доказать наличие действующей в отношении него лично и реально существующей угрозы.

8. Комитет против пыток, действуя согласно пункту 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, приходит к выводу о том, что высылка государством-участником заявителя в Шри-Ланку не будет являться нарушением статьи 3 Конвенции.

Примечания

a Заявитель специально просил о том, чтобы его имя не упоминалось в опубликованном решении или каком-либо ином документе, доступном широкой общественности, в котором может быть воспроизведено настоящее заявление. Поэтому после принятия Комитетом решения по данному делу его имя следует изъять из текста.

b Эти решения представлены в качестве приложения только на финском языке.

c Сообщение № 120/1998. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят седьмая сессия, Дополнение № 44 (A/57/44), приложение VII.

d Государство-участник ссылается на Сообщение № 49/1996, С.В. и другие против Канады, решение от 15 мая 2001 года, там же, пятьдесят шестая сессия, Дополнение № 44 (A/56/44), приложение VII, и Сообщение № 138/1999, М.П.С. против Австралии, решение от 30 апреля 2002 года, там же, пятьдесят седьмая сессия, Дополнение № 44 (A/57/44), приложение VII

e Там же, глава IV, раздел B, пункт 181.

Жалоба № 198/2001

Представлена: А.А.

Предполагаемая жертва: А.А.

Государство-участник: Нидерланды

Дата представления жалобы: 10 октября 2001 года (первоначальное представление)

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 30 апреля 2003 года,

завершив рассмотрение жалобы № 198/2001, представленной Комитету против пыток г-ном А.А. в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв во внимание всю информацию, представленную ему автором жалобы, его адвокатом и государством-участником,

принимает следующее решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции.

1.1 Заявителем является А.А., гражданин Судана, родившийся 11 ноября 1968 года и в настоящее время проживающий в Нидерландах, где он обратился с просьбой о предоставлении убежища. Он утверждает, что его высылка в Судан будет являться нарушением Нидерландами статьи 3 Конвенции. Его представляет адвокат.

1.210 января 2002 года Комитет, руководствуясь правилом 108 своих правил процедуры, просил государство-участник не высылать заявителя до рассмотрения его дела Комитетом. 11 марта 2002 года государство-участник проинформировало Комитет о том, что эта просьба будет удовлетворена.

Факты в изложении заявителя

2.1 Заявитель работал в Судане в качестве практикующего юриста. Он утверждает, что его сестра Закиа является вдовой Башира Мустафы Башира, который в числе других 28 человек участвовал в государственном перевороте в

Судане в 1989 году, за что и был казнен. Позднее сестра заявителя стала активисткой оппозиционной организации, представлявшей интересы родственников погибших мучеников. С 1993 года заявитель принимал активное участие в деятельности запрещенной Юнионистско-демократической партии (ЮДП), входящей в состав Национально-демократического альянса, представляющего собой коалицию оппозиционных партий (аль-Таджамму аль-Ватани лиадаат аль-Димукратия). С 1992 года он является членом Суданской ассоциации адвокатов.

2.2 Летом 1997 года одна из проправительственных партий соперничала с ЮДП на выборах в Суданскую ассоциацию адвокатов. В ходе подготовки к выборам ЮДП организовала собрание своих сторонников. Заявитель стал одним из его организаторов и выступил на нем с речью. Он утверждает, что на собрание прибыло столько народа, что суданские власти вмешались и арестовали несколько человек, в числе которых оказался и заявитель. Он утверждает, что после этого он в течение десяти дней содержался под стражей в изоляторе службы государственной безопасности в Аль Хартум-Бахри, где его подвергали допросам, жестокому обращению и пыткам. Затем он был условно освобожден (под подписку о невыезде).

2.3 Во время поездки в Порт-Судан в сентябре 1997 года с целью участия в мероприятиях оппозиционной партии заявитель был арестован вторично. Он содержался под стражей в Савакине, где его допрашивали и якобы угрожали ему смертью. Он утверждает, что после трехдневного задержания он был брошен в море, где минут через пятнадцать был подобран проходящим судном. Затем он был помещен в тюрьму, где его продержали неделю. При освобождении от него потребовали прекратить политическую деятельность.

2.4 В день выборов между активистами проправительственной партии и сторонниками оппозиции возник конфликт в связи с обвинениями в махинациях при голосовании. Заявителя вновь арестовали, продержав под стражей три дня, в течение которых, как он утверждает, его подвергали пыткам. 30 января 1998 года он был вновь арестован в ходе массовой демонстрации, в организации которой он принимал участие. Его привезли в тайную подземную тюрьму, так называемый "дом призраков", где около двух месяцев содержали под стражей. Ему удалось совершить побег из тюрьмы и перебраться в Нидерланды, куда он прибыл 13 апреля 1998 года.

2.5 15 апреля 1998 года заявитель обратился с ходатайством о предоставлении убежища. 12 мая 1998 года состоялось собеседование с сотрудниками иммиграционной службы, а 23 мая 1999 года его ходатайство было отклонено министром юстиции как явно необоснованное. Ходатайство заявителя о выдаче ему вида на жительство в стране по гуманитарным соображениям было также отклонено.

2.6 14 апреля 2000 года министр юстиции отклонил его ходатайство о пересмотре вышеупомянутого решения. Затем, 29 марта 2001 года, апелляция, поданная заявителем, была отклонена Гаагским окружным судом.

Жалоба

3. Заявитель утверждает, что в случае его возвращения в Судан он будет подвергнут пыткам. В подтверждение своих опасений он ссылается на случаи неоднократного помещения его под стражу и утверждает, что его подвергали пыткам за его политическую деятельность в Судане. Он далее указывает, что в действиях суданских властей прослеживается четкая тенденция к нарушению прав человека, и ссылается при этом на доклады правозащитных неправительственных организаций и документы Комиссии по правам человека Организации Объединенных Наций.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа дела

4.1 В своей вербальной ноте от 11 марта 2002 года государство-участник сообщило Комитету о том, что оно не оспаривает приемлемости жалобы. 9 июля 2002 года им были представлены замечания по существу жалобы.

4.2 Государство-участник утверждает, что высылка заявителя не будет означать нарушения его обязательств по статье 3 Конвенции. Оно подробно излагает национальные процессуальные нормы, применимые к данному делу. Порядок допуска в страну и выдворения иностранцев определяется Законом об иностранцах 1965 года, указом об иностранцах, положением об иностранцах и руководящими принципами применения Закона об иностранцах 1994 года.

4.3 Первое собеседование с просителем убежища проводится в возможно кратчайшие сроки. Оно посвящено обсуждению анкеты, заполняемой просителем убежища. На этом этапе от него не требуется пояснений относительно мотивов, по которым он покинул страну происхождения. После этого собеседования следует второе, где выясняются причины его отъезда из страны происхождения. Просителю убежища или его представителю направляется копия отчета, составляемого проводившим собеседование сотрудником, и дается не менее двух дней на внесение исправлений или добавлений. Затем сотрудник Службы иммиграции и натурализации (СИИ) от имени статс-секретаря министерства юстиции выносит соответствующее решение.

4.4 В случае отклонения ходатайства о допуске в страну в качестве беженца или о выдаче вида на жительство проситель убежища может оспорить это решение. Оно рассматривается комитетом, который проводит собеседование с просителем убежища. Если его жалоба признается необоснованной, он может подать апелляцию в Гаагский окружной суд. Закон об иностранцах 1965 года не предусматривает дальнейших возможностей для обжалования.

4.5 Государство-участник утверждает, что министром иностранных дел Нидерландов периодически публикуются страновые доклады, посвященные положению в области прав человека в Судане. В докладе по Судану, датированном сентябрем 1998 года, указывалось, что после имевшего место 30 июня 1989 года государственного

переворота, возглавленного генералом Омаром Хасан аль-Баширом, все политические партии были запрещены, а их руководители покинули страну или продолжили политическую деятельность в подполье. Единственной влиятельной политической силой оставался Национальный исламский фронт (НИФ). С 1993 года Омар Хасан аль-Башир является президентом Судана. НИФ располагает значительным большинством мест в парламенте. В докладе также указывалось, что в стране широко практикуются произвольные аресты и задержания без предъявления обвинений. Потенциальными жертвами являлись сторонники запрещенных политических партий, профсоюзные деятели, юристы и активисты-правозащитники. Известны случаи "исчезновения" лиц, принадлежавших к этим группам, помещения их в "дома призраков" при органах безопасности или преследований со стороны органов безопасности в иной форме.

4.6 Государство-участник утверждает, что, как отмечалось в вышеупомянутом докладе, политические заключенные содержались в основном в Северном центральном изоляторе Хартума (тюрьма Кобер). По европейским меркам условия содержания заключенных в этой тюрьме были крайне неблагоприятными, но запрет на пытки соблюдался. У армии и органов безопасности имелись свои собственные изоляторы, где часто практиковались пытки и задержания без предъявления обвинения. "Дома призраков" - это неофициальные изоляторы, которые не охватываются какой-либо системой контроля. Людей обычно содержали там от нескольких дней до трех недель. Цель состояла в том, чтобы запугать потенциальных политических противников; задержанных подвергали жестокой психологической и физической обработке и пыткам. В первой половине 1997 года в связи с вооруженными инцидентами в восточном Судане эти центры стали использоваться интенсивнее, но после того как позднее в 1997 году правительство стало в большей мере контролировать ситуацию, масштабы их использования сократились. По заключению министра, после 1997 года в Судане стали заметны определенные позитивные перемены. Положение в стране не давало оснований считать безответственным решение о возвращении на родину гражданина Судана, чье ходатайство о предоставлении статуса беженца или выдаче вида на жительство по гуманитарным соображениям было отклонено после тщательного рассмотрения.

4.7 В своем письме от 20 ноября 1998 года статс-секретарь министерства юстиции поставил палату представителей в известность о своем решении, согласно которому искатели убежища из северного Судана более не вправе претендовать на выдачу им временного вида на жительство. 2 июня 1999 года отделом правового единообразия было обнародовано заключение о том, что, исходя из имеющейся информации, решение статс-секретаря министерства юстиции является обоснованным.

4.8 В страновом докладе за 1999 год говорилось, что положение в области прав человека в Судане несколько улучшилось, хотя и продолжает вызывать озабоченность. Особенно тревожным было положение в зонах конфликта. Произвольные аресты и задержания стали практиковаться реже, но по-прежнему считались допустимыми в силу положений Закона о национальной безопасности и Уголовного кодекса (дата не указывалась).

4.9 21 июля 2000 года министром иностранных дел был обнародован дополнительный доклад, посвященный политике ряда западных стран в вопросе о репатриации суданцев, чьи ходатайства о предоставлении убежища были отклонены. Основываясь на страновых докладах за 1999 и 2000 годы, статс-секретарь министерства юстиции внес коррективы в политику защиты отдельных категорий лиц. В частности, лица, принадлежащие к южно-суданским народностям неарабского происхождения или к нубийским этническим группам, которые до выезда из страны спокойно проживали на севере Судана, утратили право претендовать на выдачу им временных видов на жительство.

4.10 В последнем страновом докладе государства-участника, обнародованном в марте 2001 года, отмечается, что положение в области прав человека в стране несколько улучшилось, хотя и продолжает вызывать озабоченность, особенно в зонах конфликта. Президент аль-Башир заменил принятый в январе 1999 года Закон Тавали новым Законом о политических партиях, который разрешает ведение политической деятельности политическим партиям с членским составом от 100 человек. В докладе говорится, что политические партии имеют возможность вести политическую деятельность в разумных рамках, не опасаясь негативных последствий. Однако о полной свободе говорить не приходится. Так, например, в ряде случаев политические лидеры были вызваны на допрос в органы безопасности и один из них был арестован. Вместе с тем не было случаев задержания более чем на один день или серьезных случаев жестокого обращения, как это случалось прежде. Партии, например партия Умма и ЮДП, пользуются большей свободой, чем в прошлом. Откликнувшись на инициативу "Родина зовет" и на объявление амнистии политическим беженцам, проживающим в изгнании, о которой неоднократно заявлял президент аль-Башир и которая была документально оформлена 3 июня 2000 года, в Судан возвратились активисты оппозиции северян. В этой связи политика государства-участника в отношении поступающих от суданских просителей убежища ходатайств о выдаче видов на жительство осталась без изменений.

4.11 Что касается дела самого заявителя, то, как указывает государство-участник, он, по его утверждению, начал работать в качестве юриста в Хартуме в марте 1992 года и был членом профсоюза суданских юристов (Союз юристов). В 1993 году он вступил в члены ЮДП. В Союзе юристов были две фракции, одна из которых поддерживала правящий режим, а другая - ЮДП. В Союзе юристов заявитель вел деятельность в поддержку ЮДП, которая заключалась главным образом в координации деятельности и организации митингов с целью свержения режима. По словам заявителя, неприятности у него начались в июле 1997 года в ходе подготовки к выборам в совет Союза юристов, намеченным на ноябрь 1997 года. Он утверждает, что он и члены его семьи были на плохом счету у властей и ранее из-за деятельности его шурина.

4.12 Государство-участник отмечает, что заявитель подвергался аресту четыре раза, впервые это произошло в июле 1997 года во время собрания в помещении Союза юристов в связи с выборами. В сентябре 1997 года, когда он, желая принять участие в партийном слете в Порт-Судане, предпринял попытку получить разрешение на эту поездку

в органах безопасности, где ему сообщили, что после ареста в 1997 году он лишен права покидать родной город. Тем не менее он уехал, но был арестован в Савакине. Через три дня сотрудники органов безопасности выбросили его в открытое море. По его словам, это было сделано с целью запугивания. В море его подобрал траулер, а позднее он был обвинен в торговле оружием и незаконном выезде из Судана и вновь передан в руки органов безопасности. Там его продержали семь дней, после чего он был освобожден. В третий раз он был арестован в ноябре 1997 года, когда осуществлял наблюдение за выборами в Союзе юристов. Четвертый арест имел место 30 января 1998 года во время демонстрации. Заявитель утверждает, что он был доставлен в "дом призраков", где его поместили в одиночную камеру размером полметра на три метра и дважды допрашивали, подвергая психологической пытке. 20 марта 1998 года его допрашивал следователь, учившийся вместе с ним в средней школе. Этот бывший товарищ по школе решил помочь заявителю и объяснил ему, как совершить побег. 25 марта 1998 года заявитель покинул Судан на борту корабля, отходившего из Порт-Судана.

4.13 Государство-участник напоминает, что 15 апреля 1998 года заявитель обратился с ходатайством о предоставлении убежища и выдаче вида на жительство. 12 мая 1998 года он был вызван на собеседование с сотрудником СИН, который, общаясь через арабского переводчика, просил назвать мотивы, по которым заявитель ходатайствует о предоставлении убежища. 23 мая 1998 года было вынесено решение, в котором его ходатайство было отклонено как явно необоснованное; отклонено было и ходатайство о выдаче вида на жительство. 17 июня решение от 23 мая 1999 года было им обжаловано; 10 февраля 2000 года он предстал перед комиссией по поводу обжалования. 14 апреля 2000 года его жалоба была признана необоснованной. 9 мая 2000 года заявитель подал апелляцию об отмене этого решения. Решением от 29 марта 2001 года Гаагский окружной суд признал апелляцию необоснованной.

4.14 Государство-участник считает, что существование в той или иной стране постоянной практики грубых нарушений прав человека само по себе не является достаточным основанием для вывода о том, что по возвращении в эту страну тому или иному лицу будет угрожать опасность применения пыток, - должны существовать конкретные основания, позволяющие утверждать, что данное лицо будет лично подвергаться такому риску. Государство-участник напоминает, что "серьезные основания" предполагают нечто большее, нежели простую возможность применения пыток, но для выполнения условий данного положения не требуется того, чтобы угроза была весьма вероятной.

4.15 Государство-участник ссылается на замечание общего порядка Комитета об осуществлении статьи 3 в контексте статьи 22, и в частности на его пункты 6 и 7g, и мнения Комитета, изложенные в сообщении № 142/1999, С.С. и С.А против Нидерландов.

4.16 Что касается опасности, угрожающей лично заявителю в случае его возвращения в Судан, то государство-участник отмечает, что нынешнее положение в области прав человека в Судане, хотя и вызывает озабоченность, не дает серьезных оснований полагать, что любой суданец подвергается опасности применения к нему пыток. Государство-участник ссылается при этом на страновые доклады министра иностранных дел и правовую практику Комитета.

4.17 По мнению государства-участника, тот факт, что заявитель был юристом и членом ЮДП, сам по себе не дает достаточных оснований предполагать, что решение о возвращении его в Судан означает опасность применения к нему мер, противоречащих статье 3 Конвенции. Государство-участник ссылается при этом на вышеназванные страновые доклады министра иностранных дел. Хотя в Судане еще нет полной свободы для деятельности активистов политических партий, там не отмечаются случаи задержания на срок более одного дня или другие серьезные случаи жестокого обращения. Более того, откликаясь на инициативу "Родина зовет" и объявление амнистии, видные деятели оппозиции северян возвратились в Судан.

4.18 По мнению государства-участника, нет оснований полагать, что по возвращении в страну происхождения заявитель подвергнется предсказуемой и реальной опасности применения пыток. Остаются некоторые сомнения в достоверности утверждений заявителя о том, что он и члены его семьи находятся на плохом счету у властей по той причине, что его шурин принимал участие в попытке государственного переворота 23 сентября 1989 года. Государство-участник заявляет, что ему не известно о попытке государственного переворота в указанную дату: во всех имеющихся у него докладах сообщается, что государственный переворот произошел 30 июня 1989 года и возглавлялся генерал-лейтенантом аль-Баширом, который после этого стал президентом Судана. По мнению государства-участника, заявитель ничем не подтвердил свое утверждение о том, что его трения с властями в 1989 году явились следствием деятельности его шурина и носили такой характер, что он должен опасаться применения к нему мер, нарушающих Конвенцию.

4.19 Государство-участник отводит как неправдоподобное утверждение заявителя о том, что он содержался под стражей с 30 января по 23 марта 1998 года. Его высказывания были названы противоречивыми, туманными и неточными. В частности, он давал противоречивые показания о количестве людей, присутствовавших на допросах.

4.20 Из заявления государства-участника следует, что заявитель оказался не в состоянии представить подробные сведения о тюрьме, где он содержался, и подробно описать камеру, в которую он был помещен, хотя он и находился там более двух месяцев. Государство-участник отводит как неправдоподобное его заявление о том, что из-за конфигурации камеры он не мог ходить. По мнению государства-участника, трудно представить, чтобы почти за два месяца заключения заявитель не ознакомился с окружающей обстановкой. Он должен был бы суметь более подробно описать свою камеру, хотя бы потому, что, по его словам, ему ежедневно бросали туда еду.

4.21 Государство-участник сомневается в том, что заявитель смог с такой легкостью, как он рассказывает, бежать из

тюрьмы. По мнению государства-участника, трудно представить, чтобы видные противники режима в Судане содержались в тюрьме с незапертыми дверями. Оно также считает странным, что заявитель смог незаметно уехать на автомобиле, ожидавшем его всего лишь в ста метрах от тюрьмы. В итоге государство-участник считает неправдоподобным рассказ заявителя о пребывании в тюрьме.

4.22 Государство-участник пришло к выводу о том, что несоответствия в изложении фактов заявителем носят существенный характер и заставляют сомневаться в правдивости его утверждений; эти несоответствия касаются важных аспектов тех приведенных заявителем мотивов, которые заставили его покинуть Судан. По мнению государства-участника, имеются достаточные основания считать неправдоподобным заявление о том, что заявитель находится на плохом счету у суданских властей и что вследствие этого по возвращении в Судан он подвергнется опасности применения пыток или что основания для такого предположения носят серьезный характер, поскольку такая опасность является личной и реальной.

4.23 Государство-участник полагает, что даже если верить заявлениям автора о затруднениях, связанных с его деятельностью в поддержку ЮДП в Союзе юристов, это не дает оснований считать, что выдворение в нынешних условиях в Судан будет означать применение к нему мер, противоречащих статье 3 Конвенции. По мнению государства-участника, маловероятно, чтобы суданские власти имели полную информацию о политической деятельности самого заявителя, поскольку она осуществлялась в рамках Союза юристов. Государство-участник также отмечает, что, по словам самого заявителя, он никогда не подвергался аресту или грубому обращению (например, в родном городе) со стороны властей в личном качестве. Он был арестован один раз в ходе полицейской операции, проводившейся в связи с крупномасштабным нарушением общественного порядка, и другой раз за нарушение постановления о невыезде.

4.24 Итак, по мнению государства-участника, общая обстановка в Судане и обстоятельства дела самого заявителя не позволяют сделать вывод о наличии серьезных оснований полагать, что по возвращении в Судан он подвергнется предсказуемой и реальной опасности применения к нему пыток.

Комментарии заявителя

5.1 В своих комментариях по замечаниям государства-участника, представленных 22 декабря 2002 года, заявитель обращает внимание на использованный государством-участником термин "некоторые" сомнения относительно достоверности его заявлений и высказывает мнение, что "некоторых" сомнений недостаточно для оспаривания достоверности его заявлений. Он опровергает сомнения государства-участника в достоверности его рассказа о пребывании в заключение с 30 января по 23 марта 1998 года. Он отмечает, что государство-участник не оспаривает его участия в демонстрации 30 января 1998 года, и характеризует отмеченные государством-участником противоречия как несущественные. Он отводит замечания государства-участника как носящие умозрительный характер, поскольку оно не учло, что он содержался под стражей в "доме призраков", а не в обычном изоляторе, а информация о таких заведениях малодоступна. Он выдвигает тот контраргумент, что государством-участником не приняты во внимание условия, в которых он содержался, и то, что до того момента он уже подвергался пыткам.

5.3 Заявитель указывает, что прежде государство-участник не высказывало явных сомнений относительно достоверности тех сведений, которые он сообщил о своих первом, втором и третьем арестах. По мнению заявителя, его показания были детальными, последовательными и лишены противоречий.

5.4 Заявитель оспаривает приведенное выше, в пункте 4.24, заключение, к которому пришло государство-участник. Он напоминает, что, во-первых, поскольку выборы в Союзе юристов носили весьма политизированный характер, факт осведомленности властей относительно его политической деятельности нельзя считать неправдоподобным. Он настаивает, что ему был учинен допрос относительно его деятельности и было предложено прекратить ее.

5.5 Как далее утверждает заявитель, выдвинутый государством-участником аргумент о том, что он не находился "на особом учете", не подтвержден фактами. Когда он был впервые арестован, допрошен и подвергнут пыткам, он был одним из организаторов и ораторов собрания в помещении Союза юристов. Во второй раз его арестовали, отдали под стражу и подвергли пыткам, а затем потребовали прекратить политическую деятельность после того, как он нарушил постановление о невыезде. В третий раз он входил в группу лиц, обнаруживших махинации на выборах.

5.6 Заявитель считает также, что государство-участник не приняло во внимание, хотя и должно было сделать это, что каждый раз при аресте он подвергался пыткам.

5.7 И наконец, по мнению заявителя, государство-участник не приняло во внимание, хотя и должно было сделать это, то обстоятельство, что в Судане юристы в его положении по-прежнему составляют группу риска.

Вопросы, стоящие перед Комитетом

6. Прежде чем рассматривать любое утверждение, содержащееся в жалобе, Комитет должен принять решение о том, является ли она приемлемой по смыслу статьи 22 Конвенции. Комитет, следуя положениям пункта 5 а) статьи 22 Конвенции, удостоверился в том, что тот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования. Комитет отмечает, что государство-участник не оспаривает приемлемости данного сообщения и что оно просило Комитет провести изучение существа дела. Комитет делает вывод об отсутствии каких-либо возражений против приемлемости данной жалобы и приступает к рассмотрению дела по существу.

7. Комитет рассмотрел жалобу в свете всей информации, представленной ему сторонами, в соответствии с

пунктом 4 статьи 22 Конвенции.

7.2 Вопрос, стоящий перед Комитетом, заключается в том, является ли принудительное возвращение заявителя в Судан нарушением обязательства государства-участника по статье 3 Конвенции, а именно не высылать и не возвращать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток.

7.3 Комитет напоминает, что при вынесении им решения он должен, согласно пункту 2 статьи 3, принимать во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека. Задача при этом состоит в определении того, подвергнется ли именно данное лицо опасности применения пыток в стране, куда оно будет возвращено. Из этого следует, что наличие постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека в той или иной стране само по себе не является достаточным основанием для вывода о том, что по возвращении в эту страну конкретному лицу будет угрожать опасность применения пыток, - должны существовать дополнительные основания, свидетельствующие о том, что данное лицо будет лично подвергаться такому риску. Аналогичным образом отсутствие постоянной практики грубых нарушений прав человека не означает, что то или иное лицо не может подвергнуться пыткам в его конкретных обстоятельствах.

7.4 В данном случае Комитет отмечает несоответствия в показаниях заявителя, на которые было указано государством-участником, а также то обстоятельство, что заявитель в целом и целом оказался не в состоянии обосновать свои утверждения о применении к нему пыток.

7.5 Комитет далее принимает к сведению высказанные государством-участником замечания о том, что заявитель не представил никакой информации об условиях содержания в так называемом "доме призраков" и не смог описать камеру, в которой он якобы находился несколько недель. Реакция заявителя на эти аргументы сводилась лишь к замечанию о том, что государству-участнику недостаточно высказать "некоторые сомнения" относительно достоверности его показаний. Комитет также констатирует отсутствие реакции заявителя на высказанные государством-участником сомнения относительно той легкости, с которой, как следует из его слов, он смог выбраться из тюрьмы.

7.6 И наконец, Комитет принимает к сведению замечания государства-участника об эволюции политического режима в Судане в последние несколько лет, и в частности о принятии законодательства, касающегося политических партий, объявлении президентом 3 июня 2000 года амнистии для политических беженцев и об инициативе "Родина зовет", в рамках которой видные деятели оппозиции возвратились в Судан. Комитет отмечает, что в своих замечаниях заявитель не опроверг ни один из этих аргументов.

7.7 Исходя из вышеизложенного, Комитет считает, что представленная заявителем информация не свидетельствует о наличии серьезных оснований полагать, что лично он подвергнется угрозе применения к нему пыток в случае своего возвращения в Судан.

8. Комитет против пыток, действуя согласно статье 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, считает, что возвращение государством-участником заявителя в Судан не будет означать нарушения Нидерландами статьи 3 Конвенции.

Примечания

a Государство-участник сообщает Комитету о том, что 1 апреля 2001 года вступил в силу новый Закон об иностранцах, который впрочем не внес существенных изменений в подход к делу заявителя.

b Государство-участник, однако, заявляет, что в Гаагском окружном суде имеется отдел правового единообразия, призванный следить за единообразным применением правовых норм при рассмотрении дел о предоставлении убежища и в случае иных процессуальных действий, касающихся иностранцев.

c Доклады о положении в странах происхождения подготавливаются на основе информации, поступающей от неправительственных организаций, и докладов, составляемых дипломатическими представительствами Нидерландов.

d Государство-участник пояснило, что такой подход известен в Нидерландах под названием "защита отдельных категорий" (*categoriale bescherming*).

e Государство-участник ссылается на мнения Комитета, изложенные в сообщениях № 91/1997, А. против Нидерландов, Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят четвертая сессия, Дополнение № 44 (A/54/44), приложение VII, раздел А, и № 94/1997, К.Н. против Швейцарии, там же, пятьдесят третья сессия, Дополнение № 44 (A/53/44), приложение X, раздел А.

f Государство-участник ссылается на мнения Комитета, изложенные в сообщении № 28/1995, Э.А. против Швейцарии, там же.

g "... 6. Ввиду того что государство-участник и Комитет обязаны оценивать наличие серьезных оснований полагать, что автору может угрожать применение пыток в случае его/ее высылки, возвращения или выдачи, при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Вместе с тем при оценке этого риска не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности.

7. Заявитель должен показать, что ему/ей будет угрожать применение пыток, что основания для такого предположения носят серьезный характер с учетом вышеизложенных принципов и что такая опасность угрожает лично автору и является реальной. Каждая из сторон может представлять по этому вопросу любую уместную информацию."

и Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят седьмая сессия, Дополнение № 44 (A/57/44), приложение VII, раздел А.

и Заявитель приводит в качестве примера одно из воззваний НПО и доклад Специального представителя Генерального секретаря по вопросу о положении правозащитников от 27 февраля 2002 года (E/CN.4/2002/106).

Жалоба № 201/2002

Представлена: М.В. (представлен адвокатом)

Предполагаемая жертва: М.В.

Государство-участник: Нидерланды

Дата представления жалобы: 31 января 2002 года

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 2 мая 2003 года,

завершив рассмотрение жалобы № 201/2002, представленной Комитету против пыток г-ном М.В. в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв к сведению всю информацию, представленную ему автором жалобы, его адвокатом и государством-участником,

принимает следующее решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции

1. Заявителем является г-н М.В., гражданин Турции курдского происхождения, родившийся 1 января 1963 года, в настоящее время находящийся в Нидерландах и ожидающий депортации в Турцию. Он утверждает, что его принудительное возвращение в Турцию явилось бы нарушением Нидерландами статьи 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Его представляет адвокат.

1.231 января 2002 года Комитет довел эту жалобу до сведения государства-участника на предмет получения от него комментариев и, действуя в соответствии со статьей 108 своих правил процедуры, обратился к государству-участнику с просьбой не высылать заявителя в Турцию до завершения рассмотрения его жалобы в Комитете. Государство-участник согласилось выполнить эту просьбу.

Факты в изложении заявителя

2.1 Заявитель утверждает, что он и его жена состоят в родстве с председателем Рабочей партии Курдистана (РПК) Абдуллой Оджаланом, который тоже является выходцем из его родной деревни Омерли в населенной курдами области Турции. Дедушка заявителя приходится племянником матери Абдуллы Оджалана. Бабушка жены заявителя - сестра отца Абдуллы Оджалана. Он заявляет, что он принадлежит к политически активной семье и сам ведет весьма активную политическую жизнь.

2.2 В 1997 году заявитель вступил в прокурдскую Народную демократическую партию (ХАДЕП). Он также занимался сбором информации, предназначенной для правозащитной ассоциации (ИХД) о предполагаемых нарушениях прав человека турецкими властями. Он утверждает, что несколько раз подвергался арестам и плохому обращению в связи с упомянутой деятельностью и что турецкие власти добивались от него информации о РПК, ХАДЕП и ИХД. В мае 1998 года (после аналогичных угроз в 1993 и 1995 годах) ему якобы угрожали смертью в случае, если он не сообщит нужных сведений. Его семье также угрожали расправой в случае, если он скроется. Вскоре после этого он покинул родную деревню, затем выехал на грузовике из Турции 11 июня 1998 года и 17 июня 1998 года прибыл в Нидерланды, где, по его утверждению, он продолжал заниматься политической деятельностью.

2.3 18 июня 1998 года заявитель обратился с просьбой о предоставлении ему убежища и права на проживание в стране. После собеседования, проходившего с участием переводчика, государственный министр юстиции 8 февраля 2000 года постановил, что ходатайство заявителя о предоставлении ему убежища было явно необоснованным, и отказал ему в просьбе о предоставлении права на проживание по гуманитарным соображениям.

2.4 7 марта 2000 года заявитель опротестовал на это решение и 24 марта 2000 года представил основания для своего протеста. 6 июля 2000 года он обратился с просьбой о вынесении судебного запрета на его высылку. 24 июля 2001 года Гаагский окружной суд

отклонил просьбу о судебном запрете и объявил протест заявителя необоснованным. Суд, в частности, не нашел признаков, свидетельствующих о том, что статья 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (которая толкуется в пользу запрета экстрадиции в страну, где выслаемому лицу угрожали бы пытки) была бы нарушена в случае заявителя, поскольку он не доказал, что фактически принадлежит к какой-либо из категорий лиц (например, активистов РПК), которым могла бы угрожать серьезная опасность преследований, запугиваний или иных более серьезных мер со стороны турецких властей.

Жалоба

3.1 Заявитель утверждает, что существуют серьезные основания полагать, что по возвращении в Турцию он подвергнется пыткам или другим видам жестокого обращения и что поэтому его высылка является нарушением статьи 3 Конвенции в силу следующих обстоятельств: его политической и правозащитной деятельности в Турции, его предполагаемых арестов и жестокого обращения с ним, его политической деятельности в Нидерландах, его родственных отношений с Абдуллой Оджаланом, а также проблем, связанных с его семьей.

3.2 Заявитель ссылается на многочисленные сообщения в подтверждение его утверждения о том, что условия жизни в Турции характеризуются постоянной практикой грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека. Такие сообщения поступают от правозащитных организаций, газет и комиссии по правам человека турецкого парламента.

3.3 Заявитель утверждает, что его вопрос не был представлен на рассмотрение в рамках какой-либо другой процедуры международного разбирательства или урегулирования.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа дела

4.1 В письме от 29 марта 2002 года государство-участник сообщило, что оно не возражает против приемлемости сообщения. В письме от 31 июля 2002 года оно оспорило существо сообщения, заявив, что с учетом применяемой в стране процедуры, положения в области прав человека в Турции, личных обстоятельств заявителя и соответствия предлагаемой высылки статье 3 Конвенции нет оснований опасаться, что автор будет подвергнут пыткам.

4.2 Государство-участник сообщило о примененной к заявителю процедуре. Иностранцам предоставляется право на проживание в стране, если они удовлетворяют требованиям Конвенции о статусе беженцев 1951 года, если это допускает статья 3 Европейской конвенции о правах человека или если это обосновано гуманитарными соображениями. Искатели убежища незамедлительно уведомляются об их праве на получение правовой и иной помощи. Первое собеседование проводится почти сразу же по прибытии, и на нем не обсуждаются мотивы отъезда, которые конкретно рассматриваются на втором собеседовании, проводимом в присутствии адвоката и переводчика. Заявитель (и адвокат) могут вносить исправления или добавления в протокол этого собеседования. Решение по заявлению о предоставлении убежища принимается с должным учетом регулярных официальных докладов о практике в области прав человека в различных странах, которые готовятся министерством иностранных дел, и докладов неправительственных организаций.

4.3 Отказ может быть опротестован посредством соответствующего уведомления, по которому принимается решение о том, может ли заявитель оставаться на территории государства-участника в ожидании результатов рассмотрения протеста. Если заявителю отказано в возможности оставаться на территории государства-участника, он может ходатайствовать о вынесении Окружным судом судебного запрета. Суд может одновременно выносить решения по уведомлению о протесте и по судебному запрету. Заявители, утверждающие, что в результате высылки они окажутся в стране, где у них есть основания опасаться преследований в связи с их политическими или религиозными убеждениями, гражданством или принадлежностью к той или иной расе или социальной группе, не могут быть высланы без особого распоряжения министра юстиции.

4.4 В связи с нынешней ситуацией в Турции государство-участник отмечает, что правительство постоянно следит за этой ситуацией и особенно за положением курдского населения и участвует в решениях, принимаемых государственным министром юстиции в индивидуальных случаях. Государство-участник указывает, что после получения сообщения о гибели в апреле 1999 года высланного в Турцию лица, искавшего убежище, государственный министр юстиции распорядился приостановить все депортации курдов в Турцию в ожидании результатов расследования. В декабре 1999 года, после проведения министерством иностранных дел официального расследования, государственный министр юстиции принял решение о возобновлении депортаций. В марте 2000 года это решение было утверждено Гаагским окружным судом.

4.5 Государство-участник ссылается на последние сообщения о положении в стране. Так, 3 сентября 1997 года министр юстиции констатировал, что курды не подвергаются преследованиям по смыслу Конвенции о статусе беженцев. Они могут также свободно передвигаться внутри страны в случае возникновения трудностей, если только их не подозревают в активной поддержке курдского движения. 17 сентября 1999 года министр юстиции отметил заметное улучшение - особенно если учитывать особое внимание к этой проблеме со стороны международного сообщества - положения в области прав человека в районах проживания курдов, где основными проблемами являются ограничения свободы выражения мнений, свободы ассоциаций и собраний. Сохраняется возможность искать, если есть желание, более благоприятные условия жизни и работы в других районах Турции. 13 декабря 2000 года министр юстиции констатировал некоторые позитивные тенденции: курды значительно меньше подвергаются опасности вовлечения в военный конфликт, среди них растет уверенность в успешном возвращении в районы их проживания и в их восстановлении. Давление на прокурдскую партию ХАДЕП уменьшилось, и начал налаживаться политический диалог. 4 мая 2001 года министр юстиции вновь отметил улучшение положения со

свободой выражения мнения, ассоциаций и собраний, и в частности то, что курды уже не подвергаются преследованиям по причине своего этнического происхождения. Из последнего доклада (29 января 2002 года) можно заключить, что с тех пор не произошло каких-либо значительных изменений.

4.6Что касается соответствия планируемой высылки заявителя статье 3, то государство-участник ссылается на предыдущие решения Комитета, согласно которым заявитель должен доказать, что ему лично угрожает реальная и предсказуемая опасность подвергнуться пыткам, причем для этого должны иметься конкретные основания, помимо существования постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека. Применяя эти принципы к случаю заявителя, государство-участник в свете последних решений Комитета и вышеупомянутых национальных докладов по стране утверждает, что общее положение в Турции не позволяет делать вывод о том, что любому курду автоматически угрожает опасность.

4.7Что касается семейных связей заявителя и его предполагаемой политической деятельности, то государство-участник утверждает, что не было приведено ни одного обоснованного аргумента в пользу того, что заявителю угрожает в Турции применение пыток. Опираясь на последний доклад по стране, министр юстиции указывает, что в Турции имеется множество граждан, состоящих в родстве с членами РПК, и что эти родственные связи не создают для них никаких значительных проблем. Хотя родственники видных деятелей РПК могут вызывать повышенное внимание властей и, вероятно, жить под некоторым давлением, нельзя утверждать, что они подвергаются преследованиям в силу их родственных связей с руководителями РПК.

4.8Государство-участник добавляет, что заявитель развелся со своей женой 3 января 2002 года, так что этих семейных связей уже не существует.

4.9Что касается утверждения заявителя о том, что он трижды подвергался аресту в связи со своей принадлежностью к ХАДЕП, то государство-участник указывает, что каждый раз он безоговорочно освобождался и мог беспрепятственно продолжать свою деятельность; при этом оно высказывает мнение о том, что власти не имеют серьезных претензий к заявителю. Действительно, заявитель сам утверждает, что он выехал из страны не по этим причинам, и поэтому убедительного аргумента в пользу того, что он может быть подвергнут пыткам на этом основании, не существует.

4.10Кроме того, что касается опасений заявителя, связанных с неблагоприятными последствиями его отказа предоставить властям сведения, которых они от него добивались, то государство-участник отмечает, что в период 1993-1998 годов заявитель пять раз отказывал властям в таких просьбах и ни разу от этого не пострадал. После того, как он покинул свою деревню, его братья были допрошены на предмет выяснения его местонахождения, но затем были без каких-либо условий освобождены. Не было представлено никаких доказательств того, что кто-либо другой из его родственников испытывал какие-либо проблемы после его отъезда.

4.11Государство-участник заключает, что нет убедительных, а тем более неопровержимых доказательств, позволяющих утверждать, что заявитель лично подвергнется обращению, несовместимому со статьей 3 Конвенции. Соответственно для возбуждения процедуры его возвращения не существует никаких противопоказаний.

Замечания заявителя по представлениям государства-участника

5.1В письме от 14 октября 2002 года заявитель отметил, что государство-участник не ставит под сомнение достоверность сведений заявителя. В связи со своим разводом он утверждает, что в родстве с Абдуллой Оджаланом состоит не только его бывшая жена, но и он сам. В любом случае "обвинение в соучастии" в результате девятилетнего брака после развода не исчезает. Он отмечает, что он не является одним из многочисленных турецких граждан, имеющих одного или нескольких родственников - членов РПК, а приходится прямым родственником или родственником по линии бывшей жены самому руководителю этого движения. Во втором, в докладе по стране от 29 января 2002 года говорится, что родственники членов РПК могут испытывать на себе повышенный интерес со стороны властей, непосредственно зависящий от степени родства или от положения в РПК подозреваемого лица (за исключением тех случаев, когда, по мнению властей, родственные связи отсутствуют).

5.2Отвечая на замечание государства-участника о том, что после каждого ареста он безоговорочно освобождался, заявитель утверждает, что сам факт его повторных арестов свидетельствует о том, что он не мог беспрепятственно продолжать свою деятельность. Эти аресты и жестокое обращение показывают, что власти на самом деле имели к нему "серьезные претензии", даже если он и не бежал из страны в то время. Заявитель утверждает, что государство-участник не учло имеющуюся информацию о предполагаемом ухудшении положения членов ХАДЕП и ИХД.

5.3Что касается утверждения государства-участника о том, что предыдущие угрозы, которым якобы подвергался заявитель, не причинили ему никакого вреда, то заявитель утверждает, что он серьезно воспринял последнюю угрозу перед своим выездом из страны, поскольку был убит один из активистов ХАДЕП, а к его дому были приставлены солдаты. В любом случае угрозы смертью, поступающие от властей, уже сами по себе вызывают серьезные опасения, а положение в области прав человека в Турции не позволяет утверждать обратное. Наоборот, такие угрозы необходимо рассматривать как политику устрашения, которую можно квалифицировать как "психологическую форму запрещенного жестокого обращения".

5.4В связи с освобождением братьев после его побега заявитель утверждает, что сам факт их ареста свидетельствует о том, что он не является лицом, к которому власти не испытывают интереса. В любом случае освобождение братьев не является убедительным доказательством того, что заявитель не подвергнется опасности в случае своего возвращения.

5.5В связи с содержащимся в докладе по стране от 29 января 2002 года утверждении о том, что родственники членов ХАДЕП не подвергаются преследованиям на основании политической ориентации, заявитель ссылается на более ранний доклад от 13 декабря 2000 года и утверждает, что в случае активистов и сторонников РПК имеются достоверные факты, подтверждающие, что по их возвращении они подвергаются жестокому обращению и/или пыткам. Возвращающиеся проверяются властями после их приезда в страну, и заявитель утверждает, что поскольку власти и ранее проявляли интерес к нему, они станут заниматься сбором дополнительных сведений о нем по его возвращении.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1Перед рассмотрением любой жалобы, содержащейся в каком-либо сообщении, Комитет против пыток должен принять решение относительно его приемлемости на основании статьи 22 Конвенции. В соответствии с пунктом 5 а) статьи 22 Конвенции Комитет убедился в том, что этот вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования. Комитет далее отмечает, что государство-участник согласно с тем, что внутренние средства правовой защиты были исчерпаны.

6.2В связи с мнением заявителя о том, что жестокое обращение, которому он мог бы подвергнуться в Турции, подпадает под действие статьи 3 Конвенции (см. пункты 3.1 и 5.3), Комитет отмечает, что сфера действия статьи 3 распространяется только на пытки и не охватывает обращения, которое выходит за этот строго очерченный круг. Таким образом, эти части жалобы являются неприемлемыми *ratione materiae*, поскольку они выходят за рамки действия статьи 3. Что касается претензии заявителя по статье 3 Конвенции, касающейся пыток как таковых, то Комитет не видит других препятствий для признания жалобы приемлемой и соответственно приступает к ее рассмотрению по существу.

7.1Вопрос, находящийся на рассмотрении Комитета, состоит в том, чтобы установить, будет ли возвращение заявителя в Турцию являться нарушением государством-участником его обязательства по статье 3 Конвенции, в соответствии с которым оно не должно высылать, возвращать или выдавать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток.

7.2Комитет должен установить, имеются ли серьезные основания полагать, что заявителю лично будет угрожать опасность подвергнуться пыткам по его возвращении в Турцию. Для оценки такой опасности Комитет должен, в соответствии с пунктом 2 статьи 3 Конвенции, принять во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека. Вместе с тем Комитет напоминает, что цель оценки состоит в том, чтобы установить, будет ли соответствующему лицу лично угрожать опасность подвергнуться пыткам в стране, в которую оно возвратится. Из этого следует, что существование постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека в стране само по себе не является достаточным основанием для того, чтобы установить, будет ли данному лицу угрожать опасность подвергнуться пыткам по его возвращении; для доказательства того, что соответствующему лицу будет лично угрожать такая опасность, должны существовать дополнительные основания. Аналогичным образом отсутствие постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека не означает, что лицо не может рассматриваться как находящееся под угрозой подвергнуться пыткам в его конкретном положении.

7.3В рассматриваемом случае Комитет отмечает, что с учетом имеющейся информации можно утверждать, что политическая деятельность, которой занимался заявитель, ограничивалась (неуточненным) участием в деятельности политической партии ХАДЕП и организации ИХД, включая сбор информации, при этом сам автор сообщил, что он выехал из страны не по этим причинам. Нет указаний и на то, что он активно участвовал и имел отношение к деятельности РПК. Заявитель не представил также никаких подробных сведений о своей политической деятельности в Нидерландах для подкрепления своей претензии в связи со статьей 3. Учитывая некоторое подтвержденное документами улучшение положения в области прав человека в Турции со времени отъезда заявителя из страны в 1998 году, а также хорошо известные итоги событий, связанных с задержанием руководства РПК, Комитет считает, что заявителю не удалось доказать, что его отдельные контакты с властями в прошлом, заявления о которых не включали никаких утверждений о пытках, или его определенные родственные связи с членами РПК дают серьезные основания полагать, что любой интерес, который власти проявляли бы к заявителю в настоящее время, фактически проявится в форме пыток.

8.Действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Комитет против пыток считает, что заявитель не обосновал своего утверждения о том, что он подвергнется пыткам по возвращении в Турцию, и поэтому заключает, что возвращение заявителя в эту страну не будет являться нарушением государством-участником статьи 3 Конвенции.

Примечания

a)Дополнительных данных об этой деятельности не сообщается.

b)Дополнительных данных об этих проблемах не сообщается.

c)Amnesty International "Endemic torture must end immediately" (8 November 2001); "Annual report on Turkey" (1999, 2000 and 2001); Human Rights Watch "World report" (2000 and 2001); Human Rights Association of Turkey "Human rights violations in Turkey" (21 November 2001); Pro Asyl "Von Deutschland in den türkischen Folterkeller: Zur Rückkehrgefährdung von Kurdinnen und Kurden" (June 2000); Schweizerische Flüchtlingshilfe "Türkei: Zur aktuellen Situation in Mai 2001" (June 2001).

d)De Volkskrant "Opstelster Turks rapport over martelen aangeklaagd" (26 July 2001); NRC Handelsblad "Auteur van Turks

Martelboek vertelt: "Van gevangenen 90 procent gemarteld" (21 November 2001).

еЭтот доклад не был предоставлен заявителем. По его утверждениям, во время посещения тюрем в 1998 и 2000 годах она обнаружила свидетельства применения пыток в местах содержания под стражей, а бывший председатель комиссии заявила, что жестокому обращению подвергаются 90% заключенных.

f С.Л. против Швеции, сообщение № 150/1999, Мнения, принятые 11 мая 2001 года, Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят седьмая сессия, Дополнение №44 (A/57/44), приложение VII, раздел А; М.Б.Б. против Швеции, сообщение № 104/1998, Мнения, принятые 21 июня 1999 года, там же, пятьдесят четвертая сессия, Дополнение № 44 (A/54/44), приложение VII, раздел А; Ш.М.Р. против Швеции, сообщение № 103/1998, Мнения, принятые 11 июня 1999 года, там же.

Жалоба № 219/2002

Представлена: г-жой Г.К. (представлена адвокатом)

Предполагаемая жертва: заявительница

Государство-участник: Швейцария

Дата представления жалобы: 18 октября 2002 года (первоначальное представление)

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 7 мая 2003 года,

завершив рассмотрение жалобы № 219/2002, представленной Комитету против пыток г-жой Г.К. в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв во внимание всю информацию, представленную ему заявительницей, ее адвокатом и государством-участником,

принимает следующее решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции

1.1 Заявительницей является гражданка Германии Г.К., родившаяся 12 января 1956 года. Во время подачи жалобы она содержалась в полицейском центре содержания под стражей в Флумсе (Швейцария), ожидая экстрадиции в Испанию. Она заявляет, что ее выдача Испании будет представлять собой нарушение Швейцарией статей 3 и 15 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Она представлена адвокатом.

1.2 22 октября 2002 года Комитет направил жалобу государству-участнику для вынесения замечаний и просил в соответствии с пунктом 1 правила 108 Правил процедуры Комитета не выдавать заявительницу Испании, пока ее жалоба находится на рассмотрении Комитета. Вместе с тем Комитет указал, что эта просьба может быть пересмотрена в свете новой аргументации, представленной государством-участником, или на основании гарантий и заверений со стороны испанских властей. Государство-участник удовлетворило эту просьбу.

1.3 В вербальной ноте от 8 ноября 2002 года государство-участник представило свои замечания о приемлемости и существовании жалобы; оно также просило Комитет отозвать его просьбу о применении временных мер в соответствии с пунктом 7 правила 108 Правил процедуры Комитета. В своих замечаниях от 9 декабря 2002 года адвокат просил Комитет не отзываться о применении временных мер в ожидании окончательного решения по данной жалобе. 6 января 2003 года Комитет через своего Специального докладчика постановил отозвать свою просьбу о применении временных мер.

Факты в изложении заявительницы

2.1 В 1993 году заявительница работала учителем языка в Барселоне, Испания, где она вступила в связь с гражданином Испании Бенхамином Рамосом Вегой. В течение этого времени заявительница и г-н Рамос Вега снимали квартиры в Барселоне, одну, улице Падилья 21 апреля 1993 года на имя г-на Рамоса Веги, и еще одну, снятую на один год 11 августа 1993 года на улице Арагон на имя заявительницы. По словам адвоката, к октябрю 1993 года заявительница возвратилась в Германию.

2.2 28 апреля 1994 года испанская полиция арестовала в Барселоне, Испания, осужденного члена диверсионной группы "Барселона" баскской террористической организации "Эускади та Аскатасуна" ("Родина и свобода") (ЭТА). В решении Высшего национального суда от 24 сентября 1997 года, по которому он и другие члены ЭТА были приговорены к разным срокам тюремного заключения, указывается, что во время ареста несколько полицейских бросили пистолет на пол после того, как он выхватил пистолет, нанеся ему тем самым незначительные телесные повреждения, которые, как утверждается, зажили в течение двух недель. Опираясь на его показания, полиция произвела 28 апреля 1994 года обыск в квартире на улице Падилья, конфисковав огнестрельное оружие и взрывчатые вещества, хранившиеся членами диверсионной группы. После этого обыска г-н Рамос Вега уехал из Испании в Германию.

2.323 мая 1994 года центральный следственный суд № 4 города Мадрида выдал ордер на арест заявительницы и г-на Рамоса Веги по подозрению в сотрудничестве с ЭТА и владении огнестрельным оружием и взрывчатыми веществами. 6 февраля 1995 года тот же следственный судья, который занимался этим делом, вынес постановление с предъявлением обвинения заявительнице и г-ну Рамосу Веге в совершении вышеуказанных преступлений в том, что они снимали "на свое имя квартиры, соответственно, на улицах Падилья и Арагон в Барселоне, которые служили им убежищем и в которых они прятали огнестрельное оружие и взрывчатые вещества и пользовались ими как члены диверсионной группы для совершения своих деяний"b.

2.410 марта 1995 года берлинская прокуратура по просьбе министерства юстиции Испании возбудила против заявительницы уголовное дело. Однако 23 ноября 1998 года немецкие власти решили прекратить судопроизводство по делу за отсутствием обоснованных подозрений относительно преступления, наказуемого в соответствии с немецким законодательством. В письме испанским властям берлинская прокуратура отметила, что квартира на улице Падилья, где было обнаружено огнестрельное оружие и взрывчатые вещества, арендовалась не заявительницей, а г-ном Рамосом Вегой, в то время как в квартире заявительницы на улице Арагон была обнаружена только одна бутылка с сернисто-свинцовым соединением, которое не используется для производства взрывчатых веществ.

2.5После выдачи г-на Рамоса Веги Испании в 1996 году Высший национальный суд в своем решении от 24 сентября 1997 года предъявил ему обвинение в сотрудничестве с вооруженной группой и в фальсификации номерных знаков в связи с террористической деятельностью ("с отягчающими обстоятельствами в связи с террористической деятельностью"), приговорив его к двум срокам тюремного заключения: один на семь лет и второй на четыре года и три месяца. Однако Высший национальный суд снял с него обвинения в связи с хранением огнестрельного оружия и владением взрывчатыми веществами за отсутствием доказательств того, что он знал о существовании этих материалов, отметив, что он арендовал квартиру на улице Падилья по просьбе и для подруги, Долорес Лопес Ресины ("Лола"). В решении указывается, что сразу после обыска в этой квартире г-н Рамос Вега помог бежать нескольким членам диверсионной группы "Барселона", арендовав машину и заменив на ней номерные знаки, на которой он вместе с другими членами группы покинули Барселону.

2.6Заявительница была арестована швейцарской полицией при пересечении австрийско-швейцарской границы в Сан-Маргаретен 14 мая 2002 года на основании испанского ордера на обыск от 3 июня 1994 года. Она была помещена в камеру предварительного задержания в ожидании окончательного решения о ее выдаче Испании. Во время слушания 20 марта 2002 года она не согласилась на упрощенную процедуру выдачи. В дипломатической ноте от 22 апреля 2002 года правительство Испании представило государству-участнику запрос о выдаче на основании международного ордера на арест от 1 апреля 2002 года, выданного центральным следственным судом № 4 при Высшем национальном суде. Этот ордер основан на тех же обвинениях, что и первоначальный ордер на арест и судебное постановление с обвинением против заявительницы и г-на Рамоса Веги.

2.7В письме от 7 июня 2002 года заявительница через адвоката просила Федеральный департамент юстиции отклонить запрос испанского правительства о выдаче, заявив, что, передавая материалы уголовного судопроизводства немецким властям, Испания потеряла право преследовать заявительницу, исключая, таким образом, ее выдачу этой странес . Более того, тот факт, что испанские власти в своем запросе государству-участнику о выдаче преднамеренно скрыли, кто фактически арендовал квартиру на улице Падилья, указывает на то, что заявительницу пытались преследовать не по юридическим причинам, а по политическим. Поскольку в связи с политическими преступлениями выдача не осуществляетсяd, адвокат утверждал, что вопреки общему правилу, в соответствии с которым решения о выдаче носят чисто формальный характер, государство-участник было обязано рассмотреть вопрос о том, были ли разумные подозрения в совершении преступления заявительницей при отсутствии какой-либо связи с огнестрельным оружием и взрывчатыми веществами, найденными в квартире на улице Падилья, или с угнанным автомобилем. По мнению адвоката, выдача заявительницы исключается еще и потому, что испанский ордер на арест был основан на показаниях, которые были получены у г-на Сан Эпифанио якобы под пыткой.

2.8Решением от 8 августа 2002 года Федеральный департамент юстиции удовлетворил запрос Испании о выдаче при условии, что заявительница не будет преследоваться по суду за совершение предполагаемых преступлений по политическим мотивам и что мера наказания не будет ужесточена на основании такой мотивировки. В основу этого решения были положены следующие соображения: а) рассмотрение вопроса о взаимной уголовной ответственности было основано на фактах, изложенных в запросе о выдаче, причем оценка фактов и свидетельских показаний и вопросы невиновности или виновности зарезервированы за испанскими судами; б) вопрос *ne bis in idem* возник потому, что немецкие власти в силу отсутствия территориальной юрисдикции не рассмотрели до конца эти вопросы; с) обвинения против заявительницы не носили чисто политического характера; d) заявительнице не грозила непосредственная и персональная опасность подвергнуться пыткам во время содержания под стражей в режиме строгой изоляции в Испании, поскольку она уже могла воспользоваться услугами адвоката в Испании до ее выдачи и поскольку она пользовалась дипломатической защитой Германии; и е) даже если показания г-на Сан Эпифанио были даны под пыткой, это не является единственным свидетельством, на котором основаны обвинения против заявительницы.

2.98 сентября 2002 года адвокат подал административный судебный иск в Федеральный суд против решения Федерального департамента юстиции о выдаче заявительницу. В своем ходатайстве от 7 июня 2002 года он не только изложил причины, но и заявил, что в испанском запросе о выдаче отсутствует необходимая точность, как того требует пункт 2 статьи 14 Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам (1959 год)e, поскольку запрос основывался главным образом на ордере на арест 1994 года и в нем не были учтены результаты последующего уголовного разбирательства в Германии и в Испании. В частности, в нем не уточнялось,

что квартира на улице Падилья арендовалась исключительно Пном Рамосом Вегой, что Высший национальный суд снял с него обвинения в хранении огнестрельного оружия и взрывчатых веществ и что порошок, найденный в квартире на улице Арагон, представлял собой сернисто-свинцовое соединение, которое не могло быть использовано для производства взрывчатых веществ. Таким образом, фактами, указанными в запросе о выдаче, можно пренебречь; сам запрос вводит в заблуждение и должен быть отклонен. В связи со статьей 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания адвокат утверждал, что, хотя теоретически заявительница пользовалась консульской защитой Германии и могла уже пользоваться услугами адвоката по своему выбору в Испании до своей выдачи, на практике эти права могут осуществляться лишь после окончания задержания в режиме строгой изоляции. Ссылаясь на статью 15 Конвенции, адвокат указал, что в испанском запросе о выдаче не указывалось, на каких дополнительных свидетельствах основывались обвинения против заявительницы. Поскольку свидетельства были косвенно получены из показаний Пна Сан Эпифанио, адвокат утверждает, что принцип "загрязненных плодов ядовитого дерева" исключает использование таких свидетельств швейцарскими судами.

2.10В письме от 20 сентября 2002 года Федеральный департамент юстиции просил Федеральный суд отклонить судебный иск заявительницы. Адвокат ответил на это письмом от 15 октября 2002 года, в котором он подтвердил и разъяснил далее свои доводы.

2.11Швейцарская секция "Международной амнистии" направила резюме дела от 2 октября 2002 года от имени заявительницы в Федеральный суд, указав, что испанское законодательство предусматривает возможность содержать лиц, подозреваемых в террористических преступлениях, под стражей в режиме строгой изоляции сроком до пяти дней, в течение которых их может посещать только адвокат, и что такое задержание увеличивает опасность применения пыток или жестокого обращения. Хотя национальная полиция или гражданская гвардия не прибегают к систематическим пыткам, случаи массового жестокого обращения с подозреваемыми из организации ЭТА еще происходят, в том числе сексуальные домогательства, изнасилования, удары по голове, надевание полиэтиленовых пакетов на голову ("la bolsa"), лишение сна, электрошоки, угрозы казнью и т.д. "Международная амнистия" считает, что государству-участнику совершенно необходимо поставить условие о том, чтобы выдача заявительницы Испании была осуществлена при следующих заверениях: а) что ни при каких обстоятельствах заявительница не будет передана гражданской гвардии или национальной полиции, что ею непосредственно будет заниматься Высший национальный суд в Мадриде; б) что заявительнице будет предоставлен прямой и неограниченный доступ к адвокату по ее выбору; и с) что она предстанет перед судьей в кратчайшие сроки после ее выдачи Испании.

2.12Решением от 21 октября 2002 года Федеральный суд отклонил жалобу заявительницы, поддержав решение Федерального департамента юстиции удовлетворить запрос Испании о выдаче. Суд исходил из фактов, изложенных в запросе о выдаче, и пришел к выводу о том, что заявительница подлежит наказанию по швейцарскому законодательству (или как участница, или как сторонница террористической организации, преследующей цель совершать насильственные преступления по политическим мотивам), а также по испанскому законодательству. Суд не сформулировал свою позицию в связи с претензиями заявительницы относительно фактов, изложенных в запросе о выдаче, постановив, что вопросы о фактах и свидетельствах должны решаться испанскими судами. Кроме того, поскольку ЭТА является не просто группой, ведущей борьбу за политическую власть с использованием законных средств, суд не счел участие заявительницы в деятельности ЭТА или соответственно ее поддержку политическим преступлением по смыслу статьи 3 Европейской конвенции о выдаче. Тот факт, что уголовное судопроизводство против заявительницы было закрыто берлинской прокуратурой за отсутствием обоснованных подозрений в совершении правонарушения, не мешает, по мнению Суда, швейцарским властям выдать ее Испании, поскольку решение закрыть разбирательство не было обусловлено материальными основаниями и было принято третьим государством. Что касается предполагаемой опасности применения пыток после экстрадиции заявительницы в Испанию, то Суд высказал мнение о том, что нельзя исходить из того, что Испания, будучи демократическим государством и участником соответствующих региональных и универсальных конвенций по правам человека, систематически прибегает к пыткам. Кроме того, Суд отклонил заявление о том, что обвинения против заявительницы были главным образом основаны на показаниях, полученных под пытками в отсутствие каких-либо подтверждающих это свидетельств.

2.13Согласно информации адвоката, заявительница была выдана Испании после того, как Комитет 6 января 2003 года постановил отозвать свой запрос о принятии временных мер.

Жалоба

3.1Адвокат заявляет, что после экстрадиции в Испанию заявительница может подвергнуться опасности применения пыток в течение максимум пяти дней содержания под стражей в режиме строгой изоляции и что поэтому Швейцария нарушит статью 3 Конвенции, если она будет выдана Испании. В обоснование этого заявления адвокат ссылается на ряд докладов^h о случаях пыток подозреваемых членов или сторонников ЭТА, а также на мнения Комитета о сообщении № 63/1997 (Хосу Аркаус Арана против Франции)ⁱ, касающиеся выдачи подозреваемого члена ЭТА из Франции в Испанию, где Комитет заявил, что "несмотря на правовые гарантии, сопутствующие принятию решения о задержании, имелись случаи продолжительного содержания в одиночной камере, т.е. в условиях, при которых задержанный не мог получить помощи адвоката по своему выбору и которые, как представляется, благоприятствовали практике проведения пыток"^j. Адвокат также утверждает, что при отсутствии гарантий со стороны испанских властей автор не могла практически получить доступ к адвокату по ее выбору и пользоваться консульской защитой Германии вплоть до освобождения из-под стражи, где она содержалась в одиночной камере. Кроме того, адвокат утверждает, что многочисленные сообщения о случаях пыток и жестокого обращения в испанских тюрьмах свидетельствуют о закономерности грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека, что подкрепляется еще тем фактом, что подозреваемых из состава ЭТА убивали раньше эскадроны

смерти (Grupos Antiterroristas de Liberación/GAL), связанные с бывшим испанским правительством. По мнению адвоката, опасность быть подвергнутой пыткам увеличивается в связи с тем, что испанский запрос о выдаче был основан на ложных обвинениях, которые свидетельствуют о том, что Испания не желает обеспечить заявительнице беспристрастное разбирательство. В отсутствие каких-либо четких свидетельств против заявительницы не исключалось, что испанские правоохранительные органы постараются вырвать признание пытками.

3.2 Адвокат заявляет, что, удовлетворяя испанский запрос о выдаче, который основан исключительно на показаниях Фелипе Сан Эпифанио, полученных под пытками, и на уликах, обнаруженных на основании этих показаний в квартире на улице Падилья, государство-участник нарушило статью 15 Конвенции. Адвокат утверждает, что использование при процедуре выдачи свидетельств, полученных в результате пыток, противоречит духу Конвенции, поскольку оно дает властям запрашивающего государства побудительный мотив не обращать внимания на запрещение пыток. Удовлетворяя испанский запрос о выдаче, Федеральный департамент юстиции де-факто признал свидетельства, полученные под пытками.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа дела

4.18 ноября 2002 года государство-участник представило свои замечания о приемлемости и по существу дела заявительницы. Оно не оспаривает приемлемость жалобы.

4.2 Государство-участник повторяет, что вопросы о фактах и свидетельствах, а также о виновности или невиновности нельзя рассматривать во время процедуры выдачи, т.к. они являются прерогативой судов. Поскольку заявительница вправе излагать свои доводы в испанских судах, то выдача ее Испании, возможно, даже отвечает ее собственным интересам, т.к. дает ей возможность освободиться из тюрьмы после снятия обвинения.

4.3 Что касается утверждения заявительницы в связи со статьей 3, то государство-участник указывает, что отдельные случаи жестокого обращения в испанских тюрьмах не являются подтверждением систематической практики применения пыток в этой стране. Кроме того, заявительнице не удалось подтвердить, что ей грозила конкретная и персональная опасность быть подвергнутой пыткам в случае экстрадиции в Испанию. В частности, дело Хосу Аркауса Араны, который был выдан Испании на основании чисто административной процедуры, признанной затем Административным судом По незаконной, при отсутствии какого-либо вмешательства со стороны юридического органа и возможности автора связываться со своей семьей или адвокатом, несопоставимо с положением заявительницы: конкретные обстоятельства выдачи Хосу Аркауса Араны Испании поставили его в такое положение, когда он был особенно уязвим от возможных надругательств, в то время как заявительница пользовалась преимуществами юридической процедуры выдачи с обеспечением соблюдения ее прав человека и основных свобод. По заявлению государства-участника такие же гарантии применяются и в Испании, которая, будучи участницей Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, а также Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах и Европейской конвенции о правах человека, подвергалась тщательной проверке со стороны контрольных органов этих документов, что обеспечивало заявительнице превентивную гарантию не подвергаться пыткам. Более того, заявительница пользовалась консульской защитой Германии и могла прибегнуть к услугам адвоката по своему выбору, уже нанятого из Швейцарии. Государство-участник могло также уполномочить свое посольство в Испании следить за условиями содержания заявительницы. Внимание международной общественности, привлеченное к данному делу, обеспечивало дополнительную гарантию против любой опасности подвергнуться пыткам.

4.4 Что касается претензии заявительницы в связи со статьей 15 Конвенции, то государство-участник утверждает, что ничто не свидетельствует о том, что показания Филипе Сан Эпифанио были получены под пытками. Сама заявительница отметила, что уголовное судопроизводство, начатое г-ном Сан Эпифанио, было закрыто. Кроме того, именно уголовные суды Испании, а не швейцарские органы, занимающиеся выдачей, должны формулировать свою позицию относительно приемлемости свидетельских показаний.

Замечания заявительницы по представлениям государства-участника

5.1 В ответ на представление государства-участника адвокат утверждает, что заявительница может подвергаться персональной опасности применения пыток в случае ее экстрадиции в Испанию. О наличии такой опасности говорят несколько прецедентов, в частности дела Филипе Сан Эпифанио и Агуртсане Эскерры Переса де Нанклареса, еще одного осужденного члена диверсионной группы "Барселона", которого якобы пытали во время содержания в одиночной камере. Адвокат представляет письмо от 4 мая 1994 года в адрес следственного суда № 4 (Бильбао), в котором Филипе Сан Эпифанио выдвинул уголовные обвинения против полиции, утверждая, что полиция арестовала его, связав на земле, когда его били и пинали, в том числе нанося удары по голове пистолетом. Хотя в больнице на раны были наложены швы, никакого тщательного медицинского освидетельствования не проводилось. Вместо этого полицейские, по утверждениям, продолжали жестоко обращаться с ним во время содержания в одиночной камере и неоднократно его избивали. Впоследствии г-н Сан Эпифанио допрашивался о своих связях с ЭТА и отдельными членами этой организации без помощи адвоката. В течение четырех дней содержания в одиночной камере ему якобы не давали спать и он не получал никакой твердой пищи, а только большое количество воды. Адвокат утверждает, что решение следственного суда закрыть уголовное судопроизводство, начатое г-ном Сан Эпифанио, отражает степень безнаказанности, которой пользуются палачи, которые предположительно пытают подозреваемых из ЭТА.

5.2 Адвокат повторяет, что многочисленные доклады о правах человека содержат свидетельства наличия постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в Испании. В частности, он

приводит самые последние заключительные замечания Комитета по Испании, где он выразил свою обеспокоенность относительно расхождений между официальными заявлениями Испании, где отрицается применение пыток или жестокое обращение, за исключением отдельных случаев, и информацией, полученной из неправительственных источников, свидетельствующей о наличии случаев пыток и жестокого обращения со стороны испанских сил безопасности. Более того, Комитет отметил, что Испания сохраняет в своем законодательстве положение, предусматривающее содержание под стражей в одиночной камере сроком максимум до пяти дней, в течение которых у задержанного нет доступа ни к адвокату или врачу по своему выбору, ни к своей семье. Адвокат утверждает, что в течение этого срока консульская защита недоступна.

5.3 Что касается приемлемости показаний г-на Сан Эпифанио, то адвокат утверждает, что запрет в статье 15 Конвенции относится не только к уголовному судопроизводству в Испании, но и к процедуре выдачи заявительницы в Швейцарии. Это вытекает из формулировки статьи 15, которая обязывает государство-участника "обеспечивать, чтобы любое заявление, которое, как установлено, было сделано под пыткой, не использовалось в качестве доказательства в ходе любого судебного разбирательства". Адвокат оспаривает довод государства-участника о том, что не было установлено, что показания г-на Сан Эпифанио были получены под пыткой, утверждая, что требования относительно свидетельских показаний для заявления о пытке не должны быть чрезмерно строгими.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 До рассмотрения любого заявления, содержащегося в сообщении, Комитет против пыток должен решить, является ли оно приемлемым по статье 22 Конвенции. Комитет убедился, как это требуется в соответствии с пунктом 5 а) статьи 22 Конвенции, что этот вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования. В настоящем случае Комитет также отмечает, что все внутренние средства правовой защиты исчерпаны и что у государства-участника нет возражений относительно приемлемости сообщения. Поэтому он объявляет сообщение приемлемым и приступает к рассмотрению существа дела.

6.2 Что касается претензии заявительницы в связи с пунктом 1 статьи 3 Конвенции, то Комитет должен определить, является ли депортация автора в Испанию нарушением обязательства государства-участника по этой статье не высылать или не возвращать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток. При этом Комитет должен учитывать все соответствующие соображения, с тем чтобы определить, угрожает ли соответствующему лицу персональная опасность, включая наличие в соответствующем государстве постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека.

6.3 Комитет напоминает, что во время рассмотрения четвертого периодического доклада, представленного Испанией в соответствии со статьей 19 Конвенции, Комитет с озабоченностью отметил противоречие между заявлением испанского правительства о том, что в Испании отсутствует практика пыток и применение жестокого обращения за исключением единичных случаев, и поступающей из неправительственных источников информацией, которая свидетельствует о применении пыток и жестокого обращения сотрудниками государственных правоохранительных органов. Он также выразил обеспокоенность в связи с сохранением в контексте определенных категорий особо тяжких преступлений процедуры содержания под стражей в режиме строгой изоляции сроком до пяти дней, в течение которого задержанное лицо не имеет доступа ни к адвокату, ни к врачу по своему выбору, и не имеет права оповестить о задержании свою семью. Комитет считает, что режим содержания под стражей в режиме строгой изоляции благоприятствует совершению актов пыток и жестокого обращения.

6.4 Невзирая на вышесказанное, Комитет вновь повторяет, что его главная задача заключается в том, чтобы определить, будет ли соответствующее лицо персонально подвергаться опасности применения пыток в стране, куда оно должно вернуться. Отсюда следует, что наличие постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в той или иной стране само по себе не является достаточным основанием для вывода о том, что конкретное лицо будет подвергаться опасности применения пыток в случае его возвращения в эту страну; необходимо представить дополнительные основания, чтобы показать, что именно это лицо может подвергаться персональной опасности. И наоборот, отсутствие постоянной практики грубых нарушений прав человека не означает, что данное лицо не будет подвергаться опасности применения пыток в его конкретных обстоятельствах.

6.5 Что касается персонального риска заявительницы быть подвергнутой пыткам после выдачи ее Испании, то Комитет принял к сведению аргументацию заявительницы о том, что запрос Испании о выдаче основан на ложных обвинениях, что в качестве подозреваемой в принадлежности к ЭТА она лично рискует быть подвергнутой пыткам во время содержания под стражей в режиме строгой изоляции при отсутствии доступа к адвокату по ее выбору в это время, что другие лица подвергались пыткам в обстоятельствах, которые она считает аналогичными своему делу, и что консульская защита Германии, а также предварительное назначение адвоката представляют собой меры защиты против возможных надругательств во время содержания под стражей в режиме строгой изоляции лишь теоретически. Он также отметил представление государства-участника о том, что в дополнение к вышеупомянутым мерам защиты к делу заявительницы было привлечено внимание международной общественности и что возможность для нее предъявить в Комитете и других международных инстанциях претензии относительно пыток или жестокого обращения со стороны испанских властей представляет собой дополнительные гарантии, не дающие возможности испанским правоохранительным органам подвергать ее такому обращению.

6.6 Учитывая, что заявительница ссылается на соображения Комитета по делу Хосу Аркауса Араны, Комитет отмечает, что конкретные обстоятельства этого дела, которые привели к нарушению статьи 3 Конвенции, заметно

отличаются от обстоятельств настоящего дела. Высылка Хосу Аркауса Араны "была осуществлена в соответствии с административной процедурой, незаконность которой была позднее установлена административным судом По: автор сообщения был непосредственно передан полицейскими другим полицейским в незамедлительном порядке, без вмешательства судебного органа и без предоставления ему возможности связаться со своей семьей или со своим адвокатом"^q. И наоборот, выдаче заявительницы Испании предшествовал пересмотр Швейцарским Федеральным судом решения Федерального департамента юстиции об удовлетворении запроса Испании о выдаче. Комитет отмечает, что решение Федерального суда, а также решение Федерального департамента содержат оценку риска применения пыток, которым может быть подвергнута заявительница после экстрадиции в Испанию. В связи с этим Комитет считает, что, в отличие от дела Хосу Аркауса Араны в деле заявительницы достаточно правовых гарантий, позволяющих ей избежать такой ситуации, когда она будет особенно уязвима от возможных надругательств со стороны испанских властей.

6.7 Комитет отмечает, что возможные расхождения в фактах, на которых был основан запрос Испании о выдаче, нельзя истолковывать как указывающие на какое-то гипотетическое намерение испанских властей подвергнуть заявительницу пыткам или жестокому обращению после удовлетворения и выполнения запроса о выдаче. Поскольку заявительница утверждает, что решение государства-участника о ее выдаче является нарушением статей 3 и 9 Европейской конвенции о выдаче 1997 года, Комитет отмечает, что он не правомочен *ratione materiae* высказываться относительно толкования или применения этой Конвенции.

6.8 И наконец, Комитет отмечает, что после выдачи заявительницы Испании он не получал никакой информации о пытках или жестоком обращении с ней во время содержания под стражей в режиме строгой изоляции. В свете вышесказанного Комитет считает, что выдача заявительницы Испании не является нарушением государством-участником статьи 3 Конвенции.

6.9 Что касается предполагаемого нарушения статьи 15 Конвенции, то Комитет принял к сведению аргументацию заявительницы о том, что при удовлетворении запроса Испании о выдаче, который, по меньшей мере, косвенно был основан на показаниях, взятых под пыткой у Фелипе Сан Елифанио, государство-участник само опиралось на эти показания и что статья 15 Конвенции применяется не только к уголовному судопроизводству против нее в Испании, но и к процедуре выдачи в швейцарском Федеральном департаменте юстиции, а также в Федеральном суде. Аналогичным образом, Комитет принял к сведению представление государства-участника о том, что вопрос о приемлемости соответствующих свидетельских показаний должен решаться испанскими судами.

6.10 Комитет отмечает, что широкий смысл запрещения в статье 15, запрещающей ссылку на любое заявление, которое, как установлено, было сделано под пыткой, в качестве доказательства "в ходе любого судебного разбирательства", вытекает из абсолютного характера запрещения пыток и, следовательно, предполагает обязательство каждого государства-участника проверять, не были ли получены с помощью пыток заявления в качестве свидетельства при любом разбирательстве, находящемся в его компетенции, включая разбирательство по вопросу о выдаче.

6.11 В то же время Комитет отмечает, что по смыслу запрещения в статье 15 требуется, чтобы было установлено, что заявление, на которое делается ссылка в качестве доказательства, "было сделано под пыткой". Как отметила сама заявительница, уголовное производство, начатое Фелипе Сан Елифанио против его предполагаемых палачей, было прекращено испанскими властями. Считая, что обоснованность своих претензий заявительница должна доказывать сама, Комитет делает вывод о том, что на основании имеющихся у него фактов не установлено, что заявление г-на Сан Елифанио, сделанное в испанской полиции 28 апреля 1994 года, было получено под пыткой.

6.12 Комитет вновь заявляет о том, что оценивать факты и свидетельские показания в каждом конкретном случае должен не Комитет, а суды государств - участников Конвенции, если нельзя установить, что способ оценки таких фактов и свидетельских показаний был чисто произвольным и свелся к отказу в правосудии. Комитет считает, что решение государства-участника удовлетворить запрос Испании о выдаче не представляет собой нарушения государством-участником статьи 15 Конвенции.

7. Таким образом, Комитет против пыток, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, делает вывод о том, что выдача заявительницы Испании не является нарушением статей 3 и 5 Конвенции.

Примечания

a Очевидно, квартиру снимал г-н Рамос Вега, но не проживал там.

b Переведено секретариатом.

c В соответствии со статьей 9 Европейской конвенции о выдаче, сторонами которой являются Германия, Швейцария и Испания, "в выдаче может быть отказано, если компетентные органы запрашиваемой стороны вынесли решение не возбуждать или прекратить уголовное преследование в отношении того же преступления или преступлений".

d См. статью 3 (1) Европейской конвенции о выдаче.

e См. также *ibid.*, статья 12 (2) b).

f См. статью 9 Европейской конвенции о выдаче.

g В связи с этим Федеральный суд утверждает, что, по словам заявительницы, уголовное разбирательство, возбужденное г-ном Сан Эпифанио против полиции, было прекращено испанскими властями.

h Комитет по правам человека, заключительные замечания по второму периодическому докладу Испании, Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сороковая сессия, Дополнение № 40 (A/40/40), пункты 465-517; доклады испанскому правительству о посещении Испании в 1997, 1998 и 2000 годах Европейским комитетом по предотвращению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания (КПП); Amnesty International, Annual Report 2001.

i Хосу Аркаус Арана против Франции, сообщение № 63/1997, мнения, принятые 9 ноября 1999 года, Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят пятая сессия, Дополнение № 40 (A/55/40), приложение VIII, раздел А

j Там же, пункт 11.4.

k В жалобе от 18 октября 2002 года адвокат утверждал, что следственный судья счел, что факты, представленные г-ном Сан Эпифанио, не являются уголовным преступлением, несмотря на то, что осматривавший его врач обнаружил в нескольких местах гематому и открытые раны на его теле после того, как содержание под стражей в одиночной камере закончилось.

l См. главу III, пункты 53-70 настоящего документа.

m Этот аргумент содержится в жалобе от 18 октября 2002 года.

n См. главу III, пункт 60 настоящего документа.

o См. главу III, пункт 62 настоящего документа.

p Там же.

q Хосу Аркаус Арана против Франции, *op. cit.*, пункт 11.5.

r См. П.Э. против Франции, сообщение № 193/2001, в разделе А приложения VI к настоящему документу.

В. Решения о неприемлемости

Жалоба № 216/2002

Представлена: Х.И.А. (представлен адвокатом)

Предполагаемая жертва: Х.И.А.

Государство-участник: Швеция

Дата представления жалобы: 2 августа 2002 года (первоначальное представление)

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 2 мая 2003 года,

принимает следующее решение о приемлемости в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции.

1. Заявителем является г-н Х.И.А. гражданин Иордании, родившийся 14 декабря 1952 года и проживающий в настоящее время в Швеции в ожидании высылки в Иорданию. Он утверждает, что его принудительное возвращение в Иорданию являлось бы нарушением Швецией статьи 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Он представлен адвокатом.

1.229 августа 2002 года Комитет препроводил данную жалобу государству-участнику для замечаний.

Факты в изложении заявителя

2.1 Заявитель родился и вырос в Наблусе (Западный берег), где он проживал до 1971 года. В упомянутом году Организация освобождения Палестины (ООП) обвинила его в том, что он является израильским шпионом и предателем. Он был заключен в тюрьму, где он провел в общей сложности девять месяцев в двух местах в Ливане, а затем был освобожден судом (более подробной информации не приводится). Он утверждает, что во время нахождения под стражей его пытали и избивали. После того как он переехал в Сирийскую Арабскую Республику, ООП вновь заключила его в тюрьму по тем же самым причинам (по всей вероятности, в Сирии), но впоследствии он был освобожден судом (более подробной информации не приводится).

2.2 После освобождения заявитель в течение 23 лет жил в Объединенных Арабских Эмиратах. В 1995 году он, по его словам, попытался продать участок земли в Нетанье, Израиль, унаследованный им от своей матери, однако не смог совершить эту сделку, поскольку по израильскому законодательству такие сделки могут совершаться только в Израиле или Иордании, т.е. в двух странах, куда он якобы не мог поехать. Он утверждает, что отверг предложение ООП продать ей этот участок за бесценок, после чего ему было заявлено, что он вообще никогда не сможет его

продать, и его заклеймили позором как предателя.

2.3 После возвращения в Объединенные Арабские Эмираты вслед за предпринятой им в 1996 году попыткой продать эту землю в Литве он был арестован и находился под стражей в течение трех месяцев за задержку с уплатой квартиплаты на сумму приблизительно в 3 000 долл. США. Он утверждает, что подлинная причина его ареста была "политической" и что, после того как его работодатель узнал о его попытках продать землю, его контракт не был продлен. Заявитель утверждает, что разведывательной службе Объединенных Арабских Эмиратов стало известно о том, что ООП считает его предателем, и он был лишен вида на жительство.

2.4 Поскольку заявитель не собирался возвращаться в Иорданию из-за боязни преследования, он уехал в 1998 году из Объединенных Арабских Эмиратов в Литву. Он женился на литовке и получил вид на жительство. 6 ноября 1999 года истек срок действия его вида на жительство, который не был продлен, поскольку его жена, с которой они разошлись, была против этого продления. 17 декабря 1999 года заявитель переехал в Швецию, где 20 декабря 1999 года подал ходатайство о предоставлении убежища. Адвокат заявителя (гражданин Иордании), который пытался продлить его паспорт, сообщил ему о том, что иорданская служба безопасности требует, чтобы он и его дети прибыли для этого в Иорданию. Его дети и их мать живут в Дамаске по просроченным паспортам и якобы не могут приехать в Иорданию для их продления.

2.5 17 апреля 2001 года Совет по вопросам миграции государства-участника отклонил просьбу заявителя. 24 апреля 2002 года его апелляция была отклонена Апелляционным советом по делам иностранцев. Последующее ходатайство (основанное на фактических обстоятельствах, которые не были рассмотрены ранее властями) было отклонено 3 июня 2002 года.

Жалоба

3.1 Заявитель утверждает, что из-за его постоянных попыток продать землю и его отказа сотрудничать с ООП его считают человеком, который не предан делу Палестины, и ему лично угрожает опасность быть подвергнутым пыткам в Иордании. Он также опасается, что из-за наличия якобы тесного сотрудничества между иорданскими властями и ООП он может быть передан ООП. Он приводит выдержки из докладов неправительственных организаций в поддержку утверждения о том, что как Иордания, так и Палестинский

орган совершают грубые, вопиющие и массовые нарушения прав человека.

3.2 Заявитель утверждает, что данный вопрос не был передан на рассмотрение в рамках другой процедуры международного расследования или урегулирования.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа дела

4.1 В письме от 18 ноября 2002 года государство-участник поставило под сомнение приемлемость и существо жалобы, указав в отношении представленных фактов, что во время нахождения в Литве заявитель 30 ноября 1998 года обратился в его посольство в Вильнюсе с просьбой о выдаче ему трехнедельной визы на декабрь 1998 года. В этот период он был обладателем иорданского паспорта, действительного до февраля 2000 года. 3 декабря 1998 года ему было отказано в выдаче визы, однако он въехал в Швецию 17 декабря 1999 года с поддельным литовским паспортом.

4.2 Во время первого собеседования с заявителем в Совете по вопросам иммиграции он заявил, что приехал в Литву, чтобы найти там имеющих связи с Израилем людей с целью продажи земли. В Литве "арабская мафия" якобы угрожала убить его, поскольку он хотел продать землю евреям. Аналогичные угрозы поступали от членов его семьи в Аммане, Иордания. По его словам, он прибыл в Швецию, поскольку хотел сделать инвестиции в шведские предприятия и жить на получаемые доходы.

4.3 Во время последующих собеседований он заявил о том, что в 1975 году иорданские власти в течение года отказывались продлить его паспорт. После вмешательства его семьи паспорт был якобы продлен, но с тем условием, что он не вернется обратно. После этого паспорт несколько раз продлевался каждые пять лет до тех пор, пока в Литве "арабская мафия" не забрала у него этот паспорт, когда он покупал поддельный литовский паспорт. В Швеции заявитель намеревался установить контакты с евреями с целью продажи своей земли, и после он уже не мог этого получить иорданский паспорт, поскольку его попытки продать землю получили огласку. Он никогда не занимался политической деятельностью.

4.4 Совет по вопросам миграции, отклонив его заявления о предоставлении убежища и выдаче вида на жительство, пришел, в частности, к выводу о том, что заявитель не привел ни одной причины, помимо финансовых соображений о продаже земли, которую он получил по наследству. Тот факт, что он смог продлить свой паспорт, противоречит его утверждениям о том, что его якобы разыскивала служба безопасности Иордании. Кроме того, оба раза, когда его судили в начале 70-х годов, он признавался невиновным. Соответственно он не привел достаточных оснований, подтверждающих, что ему угрожала опасность преследования в качестве беженца или что он нуждался в защите по иным причинам.

4.5 В свою очередь Апелляционный совет по делам иностранцев пришел к заключению, что заявитель не привел доводов в обоснование каких-либо опасений по поводу того, что он будет подвергаться риску в своей собственной стране, и отметил, что его аресты ООП имели место почти 30 лет тому назад. Заявление о том, что его сделка с землей связана со значительным риском в Иордании, является чистым домыслом. Кроме того, важным является тот факт, что он без каких-либо трудностей несколько раз продлевал свой иорданский паспорт. Таким образом, он не

доказал, что иорданские власти или прочие лица в этой стране интересовались им в силу таких причин, как политические взгляды. Совет сослался на правовую практику Комитета, в соответствии с которой бремя доказывания в предполагаемых случаях пыток не является тяжким, поскольку полные доказательства для целей однозначного подтверждения подобных заявлений представляются редко. Опасность пыток после возвращения, хотя и не являлась сугубо теоретической возможностью или чистым предположением, не характеризовалась высокой степенью вероятности. Исходя из этих положений Совет пришел к заключению об отсутствии существенных оснований полагать, что заявителю действительно будет угрожать опасность или же реальный риск подвергнуться пыткам в случае возвращения в Иорданию. В обоснование своего последующего ходатайства заявитель приложил заявление от своего адвоката о том, что иорданские власти отказались продлить его паспорт и вместо этого предложили ему обратиться в службу безопасности.

4.6 Что касается приемлемости жалобы, то государство-участник утверждает, что она является неприемлемой согласно пункту 2 статьи 22 Конвенции ввиду отсутствия минимальных доказательств, требуемых в отношении предполагаемого нарушения статьи 3. В связи с этим выводом государство-участник ссылается на правовую практику Комитета и изложенные ниже аргументы по существу дела.

4.7 Что касается существа жалобы, то государство-участник излагает основные положения своего законодательства о предоставлении убежища применительно к данному заявителю. Согласно этому законодательству иностранец имеет право на получение вида на жительство (и на запрет на его высылку), если у него есть достаточные основания опасаться а) вынесения смертного приговора или телесного наказания в государстве происхождения, б) быть подвергнутым пыткам или другим бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания или в) преследования. Совет по вопросам миграции (первая инстанция) должен провести устное разбирательство вместе с просителем убежища, а Апелляционный совет по делам иностранцев проводит такое рассмотрение в том случае, если это будет полезно для рассматриваемого им дела. После отклонения заявления может быть подано новое заявление с изложением фактических обстоятельств дела, которые не рассматривались ранее, и в этом случае те же основания, которые были указаны выше, обеспечивают право на получение вида на жительство или оно обеспечивается в силу того, что принудительное осуществление высылки противоречило бы соображениям гуманности.

4.8 Государство-участник ссылается на постоянную правовую практику Комитета, в соответствии с которой независимо от того, что Комитет учитывает все соответствующие соображения, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека в указанной стране, именно данное конкретное лицо должно в конечном итоге представить доказательства *личной* опасности быть подвергнутым пыткам. Что касается общей ситуации в Иордании, то государство-участник указывает, что, хотя она и не является идеальной, за последние несколько лет там наблюдаются улучшения. В 2001 году были приняты меры по усилению независимости судебной системы, и отсутствовали сообщения как о произвольном/незаконном лишении жизни государственными должностными лицами, так и об исчезновениях по политическим соображениям или о наличии политических заключенных. Законом предусматривается право заключенных на услуги адвоката и гуманное обращение. Большинство тюрем соответствует международным стандартам, и, за некоторыми исключениями, Международному комитету Красного Креста предоставляется неограниченный доступ к заключенным и объектам, включая объекты главного разведывательного директората. Кроме того, в 1999 году правительство официально открыло доступ для Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев, и местным наблюдателям по правам человека также разрешается посещать тюрьмы. Правительство не всегда прибегает к насильственной высылке. Иордания является участником нескольких основных договоров по правам человека, в том числе с 13 ноября 1991 года - Конвенции против пыток.

4.9 Что касается вопроса о личной опасности для заявителя быть подвергнутым пыткам, то государство-участник указывает, что шведские власти применяют критерии проверки, содержащиеся в статье 3 Конвенции, а также данное Комитетом толкование, как это следует, в частности, из решения Апелляционного совета. Национальный орган власти, проводящий собеседования, располагает прекрасными возможностями для оценки достоверности утверждений просителя. В данном случае Совет по вопросам миграции принял свое решение после трех собеседований, продолжавшихся в общей сложности пять с половиной часов, что в сочетании с фактами и документами данного дела обеспечило ему солидную основу для вынесения суждения по поводу необходимости защиты заявителя.

4.10 Государство-участник утверждает, что вследствие этого необходимо должным образом учитывать решения его органов власти, и обращает внимание Комитета на эти решения. Оно напоминает о том, что, по утверждению заявителя, в случае его высылки в страну гражданства ему будет угрожать опасность пыток вследствие его усилий по продаже земли, которую он якобы унаследовал, а также его отказа сотрудничать с ООП. Он утверждает, что ООП считает его предателем и что она имеет отличные связи с иорданскими властями, которые могут подвергнуть его пыткам или, возможно, передать его ООП. В ответ на эти утверждения государство-участник отмечает, что на своем первоначальном собеседовании заявитель сослался лишь на проблемы с продажей земли и вообще не упоминал о плохом отношении к нему со стороны ООП как к предполагаемому шпиону. Вместо этого он утверждал, что ему угрожали литовская "арабская мафия" и его семья в Иордании. Согласно представленной самим заявителем информации, он приехал в Швецию, по видимому, для того, чтобы продать землю в Израиле и вложить полученные средства в Швеции. По мнению государства-участника, его заявление о предоставлении убежища было мотивировано главным образом экономическими интересами, которые сами по себе не являются основаниями для предоставления защиты согласно Конвенции.

4.12 Что касается опасности применения пыток в настоящее время, то тот факт, что ООП якобы подвергла заявителя пыткам (вопрос, который первоначально не поднимался), имел место почти 30 лет тому назад и в настоящее время

не должен рассматриваться в качестве имеющего отношение к данному делу. Заявитель никоим образом не подкрепил доказательствами, помимо голословных утверждений, тот факт, что он был арестован и подвергся пыткам со стороны ООП в Ливане и Сирии. Хотя он утверждает, что находился в Иордании лишь в течение непродолжительного периода времени, Иордания (со значительной долей палестинского населения) по-прежнему является страной его гражданства, и его нежелание жить там не может ipso facto давать ему право на защиту в другой стране.

4.13 Государство-участник замечает, что заявитель также утверждал, что в течение 20 лет подряд он был обладателем иорданского паспорта, пока "арабская мафия" не забрала его в обмен на поддельный паспорт. Заявитель утверждал, что этот паспорт продлевался каждые пять лет даже несмотря на то, что иорданской разведке якобы было известно о его тюремном заключении в 70-е годы и об обвинениях в шпионаже в пользу Израиля. Эти обстоятельства, касающиеся паспорта заявителя, подрывают доверие к его утверждениям.

4.14 Государство-участник отмечает, что заявитель никогда не утверждал (в том числе в жалобе), что он занимался активной политической деятельностью или что он тем или иным образом действовал во вред Иордании или делу палестинского народа. Он также не представил Комитету никакой информации, доказательно подтверждающей его заявление о том, что "иорданцы будут преследовать и пытать его и, возможно, передадут его в руки ООП". Государство-участник считает в этой связи, что утверждения заявителя в отношении последствий его усилий по продаже якобы унаследованной им земли являются не более чем домыслами и подозрениями.

4.15 С учетом этих обстоятельств в их совокупности государство-участник утверждает, что заявитель не сумел доказать наличия предвидимой, реальной и личной опасности пыток в случае его возвращения в Иорданию, и что, соответственно, никаких вопросов в связи со статьей 3 Конвенции не возникает.

Замечания заявителя по представлениям государства-участника

5.1 В письме от 30 декабря 2002 года заявитель представил ответ на утверждения государства-участника, ставящие под сомнение тот факт, что причиной его ареста в Ливане в 1971 году была его вербовка израильской разведывательной службой до его отъезда на учебу в Ливан. Он утверждает, что был арестован неделю спустя и опознан одним из палестинских должностных лиц - родственником первого мужа его матери, который находился в тюрьме Наблуса, когда заявитель контактировал с израильскими разведывательными органами, расположенными в том же здании.

С 1995 по 1997 годы земельные сделки в Израиле могли совершаться и совершались в Иордании. Заявитель утверждает, что если бы он вернулся в Иорданию, то его обвинили бы в попытке получения убежища в Швеции и продажи земли в Израиле. Возможно и возобновление его дела по обвинению в шпионаже с вынесением приговора о длительном тюремном заключении, во время которого он мог бы стать жертвой жестокого обращения со стороны других заключенных. Если бы его выпустили на свободу после его возвращения, то он мог бы подвергнуться преследованиям со стороны палестинских организаций в Иордании. Он утверждает, что сам Яссер Арафат мог бы возобновить его дело.

И наконец, он утверждает, что государство-участник желает выслать его в собственных интересах, поскольку его дело носит политический характер и связано как с Израилем, так и с Палестинским органом.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 Прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в той или иной жалобе, Комитет против пыток должен решить, является ли жалоба приемлемой по смыслу статьи 22 Конвенции. Комитет удостоверился, как это требуется в соответствии с пунктом 5 а) статьи 22 Конвенции, что данный вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках другой процедуры международного расследования или урегулирования. Комитет отмечает далее, что государство-участник признает факт исчерпания внутренних средств правовой защиты.

6.2 Что касается довода государства-участника в отношении того, что данная жалоба является неприемлемой в силу несовместимости с положениями Конвенции, Комитет полагает, что часть жалобы, касающаяся предполагаемой возможности передачи заявителя палестинским властям, является лишь домыслом со стороны заявителя. Комитет отмечает, что возможность любой подобной передачи, не говоря уже о любых последствиях, которые могли бы наступить, ничем не была подтверждена. Утверждается заявителем по поводу Иордании не отвечают и минимальным требованиям обоснования, которые должны быть выполнены для целей приемлемости. Соответственно Комитет считает, что в соответствии со статьей 22 Конвенции и правилом 107 b) его пересмотренных Правил процедуры жалоба является явно необоснованной и, следовательно, неприемлемой.

7. В силу вышеизложенного Комитет постановляет:

а) объявить жалобу неприемлемой;

довести это решение до сведения государства-участника и заявителя.

[Принято на английском, испанском, русском и французском языках, при этом оригиналом является текст на английском языке. Впоследствии будет опубликовано также на арабском и китайском языках как часть доклада Комитета Генеральной Ассамблеи.]

Примечания

аВ тексте жалобы заявитель ссылается на "ООП" (за исключением одной ссылки на Палестинский орган).

бВыдержка (очевидно) из докладов Организации по наблюдению за соблюдением прав человека "Torture and physical abuse by the security forces" (вебсайт и дата не указаны), Международной амнистии "Human rights in the Middle East: Reports: Jordan" (www.amnesty-volunteer.org/usa/mideast/reports/jordan.html; согласно данным вебстраницы, последний раз доклад был обновлен 4 января 1998 года); Международной амнистии "Jordan: An absence of safeguards" (web.amnesty.org/802568F7005C4453/0/DE839FE5F4399ED18025690000692C42?Open; 1 ноября 1998 года).

сСм., например, И. против Швейцарии, сообщение № 18/1994, мнения, принятые 17 ноября 1994 года, Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 44 (A/50/44), приложение V.

Приложение VII

Перечень документов для общего распространения, изданных

за отчетный период

А. Двадцать девятая сессия

Условное обозначениеНазвание

CAT/C/33/Add.5Второй периодический доклад Венесуэлы

CAT/C/55/Add.6Четвертый периодический доклад Египта

CAT/C/55/Add.5Четвертый периодический доклад Испании

CAT/C/54/Add.2Третий периодический доклад Кипра

CAT/C/16/Add.9Первоначальный доклад Эстонии

CAT/C/69Предварительная повестка дня с пояснениями

CAT/C/SR.529-546Краткие отчеты двадцать девятой сессии Комитета

В. Тридцатая сессия

Условное обозначениеНазвание

CAT/C/59/Add.1Второй периодический доклад Азербайджана

CAT/C/52/Add.2Первоначальный доклад Бельгии

CAT/C/59/Add.2Второй периодический доклад Исландии

CAT/C/21/Add.5Первоначальный доклад Камбоджи

CAT/C/32/Add.4Первоначальный доклад Молдовы

CAT/C/43/Add.4Второй периодический доклад Словении

CAT/C/20/Add.8Второй периодический доклад Турции

CAT/C/70Предварительная повестка дня с пояснениями

CAT/C/71Записка Генерального секретаря с указанием первоначальных докладов, подлежащих представлению в 2003 году

CAT/C/72Записка Генерального секретаря с указанием вторых периодических докладов, подлежащих представлению в 2003 году

CAT/C/73Записка Генерального секретаря с указанием третьих периодических докладов, подлежащих представлению в 2003 году

CAT/C/74Записка Генерального секретаря с указанием четвертых периодических докладов, подлежащих представлению в 2003 году

CAT/C/75Доклад в отношении Мексики, подготовленный Комитетом в соответствии со статьей 20 Конвенции, и ответ правительства

CAT/C/SR.547-573Краткие отчеты тридцатой сессии Комитета
